

UNIVERSITY OF TORONTO

3 1761 01768505 B

Л. С. ЛЪСКОВЪ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ

ИЗДАНИЕ А. М. МАРИСА

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

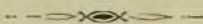
Leskov. Nikolai Semenovitch
116
ОЛНОЕ СОБРАНІЕ
Polnoe Sobranie
СОЧИНЕНІЙ
Sochineniya

Н. С. ЛѢСКОВА.

12d. 3

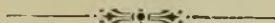
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

t. 16 ≈ 18

ТОМЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

551835
27.10.52

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

Артистическое заведение А. Ф. МАРКСА, Пемайл. пр., № 29.

СТАРЫЕ ГОДЫ ВЪ СЕЛѢ ПЛОДОМАСОВѢ.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

БОЯРИНЪ НИКИТА ЮРЬЕВИЧЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Б р а н к а.

Основаніе села Плодомасова покрыто мракомъ неизвѣстности, а названіе свое оно получило по имени бояръ Плодомасовыхъ, которые владѣли этимъ селомъ пздревле и для которыхъ господствующая падо всею окрестностью плодомасовская барская усадьба была гнѣздомъ, колыбелью и шитомникомъ.

Родъ дворянъ Плодомасовыхъ—родъ очень старый. Имена Плодомасовыхъ встрѣчаются въ росписяхъ служилыхъ людей Ивана III и Ивана Грознаго, при которомъ двое изъ Плодомасовыхъ окончили свою служебную карьеру: одинъ на колу, а другой на плахѣ.

Затѣмъ этотъ опальный, всѣми позабытый дворянскій родъ до царствования Петра Перваго широко жилъ въ своемъ родномъ гнѣздѣ—въ селѣ Плодомасовѣ. Это большое, старое село лежало среди дремучихъ лѣсовъ, на берегу быстраго притока Волги,—многоводной рѣки Турицы, въ мѣстности свѣжей, здоровой, богатой и лѣсами, и лугами, и водами, и всѣмъ тѣмъ, что восхитило очи Творца, воззрѣвшаго на Свое твореніе, и исторгло у Него въ похвалу Себѣ: «это добро зѣло»,—это прекрасно. Но, живучи во всемъ этомъ довольствѣ и прохладѣ, родъ Плодомасовыхъ не раз-

множился, и въ эпоху царствованія перваго императора представителемъ всего рода бояръ Плодомасовыхъ оказался только одинъ, холостой и безродный боярчукъ Никита Юрьичъ. Никита Юрьичъ съ тѣхъ поръ, съ которыхъ онъ былъ въ состояніи себя помнить, помнилъ себя круглымъ сиротою и возрасталъ на рукахъ мамъ и пѣтуновъ во всемъ барскомъ своеволіи тогдашняго времени, — своеволіи, которому, однако, уже полагался конецъ строгою рукою царствовавшаго преобразователя. Никитѣ Плодомасову было суждено быть свидѣтелемъ начала забастовки этихъ боярскихъ самовольствъ и самому подпасть подъ одно изъ колесъ, на которыхъ царь двигалъ въ новую жизнь нерушимую застарѣвшую Россію. Въ 1715 г. пріѣхали въ село Плодомасово, въ большой красной сафьянной кибиткѣ, какіе-то комиссары и, не принимая никакихъ посулъ и подарковъ, взяли съ собою въ эту кибитку восемнадцатилѣтняго плодомасовскаго боярчука и увезли его далеко, къ самому царю, въ Питеръ, а царь послалъ его съ другими молодыми людьми въ чужіе края, гдѣ Никита Плодомасовъ не столько учился, сколько мучился и, наконецъ, по возвращеніи въ отечество, въ 1720 году, пользуясь недосугами государя, откупился у его жадныхъ вельможъ на свободу и удралъ опять въ село Плодомасово.

Здѣсь Никита Плодомасовъ повелъ себя такъ, какъ теперь ведутъ себя молодые турки, возвращающіеся домой изъ парижской французской коллегіи: онъ старался вознаградить себя за всѣ стѣсненія, претерпѣвныя имъ въ теченіи пяти лѣтъ отъ цивилизаціи и подневольной жизни. Онъ сѣлъ феодаломъ въ своемъ старомъ, какъ коровай, расплывшемся домѣ; реставрировалъ опять старые отцовскіе и дѣдовскіе порядки; завелъ соколиныя и псовыя охоты съ крѣпостными псарями, сокольничими, стремянными и доѣзжачими, которые всѣ вмѣстѣ составляли одну разбойничью ватагу, не знавшую ни стыда, ни совѣсти, ни удержа, и не уважавшую никакого закона, кромѣ прихоти своего полу-дикаго владыки.

Съ этой сволочью вновь возвратившійся цивилизованный бояринъ совершалъ походы невѣроятныя до сказочности. Потравы и выгантыванье сосѣднихъ полей; произвольный сборъ дани съ кунцовъ, проѣзжавшихъ черезъ мосты, устроенные въ его владѣніяхъ; ограбленіе ярмарочныхъ

обозовъ: умыканье и растлѣніе дѣвицъ,—все это были только невинныя шутки, которыми потѣшался бояринъ. Инстинкты его достигали размѣровъ гораздо страшнѣйшихъ: онъ ѣздилъ съ своими охотниками, какъ настоящій разбойничій атаманъ; бралъ ради потѣхи гумна и села; ходилъ въ атаку на маленькіе, беззащитные города, бралъ въ плѣнъ капитанъ-неправниковъ и бралъ поповъ и дяжковъ. Но былъ положенъ предѣлъ и дебошнрствамъ Плодомасова, и притомъ положенъ былъ этотъ предѣлъ самымъ неожиданнымъ образомъ.

Кочуя съ своею опричниною по далекимъ селамъ и проселкамъ. Никита Плодомасовъ, осенью въ 1748 году, захватилъ случайно въ село Закромы. Это удаленное отъ Плодомасовки село Закромы было даже не село, а просто деревушка дворовъ въ двадцать. Она отстояла отъ имѣнія Плодомасова слишкомъ на двѣсти верстъ и, по причинѣ этой отдаленности, до сихъ поръ скрывалась и отъ плодомасовскаго вниманія, и отъ его нападений; а принадлежали Закромы отставному петровскому потѣшному Андрею Байцурову.

Здѣсь, въ скромномъ домикѣ закромскаго помѣщика, Никита Плодомасовъ увидѣлъ пятнадцатилѣтнюю дочь Байцурова Марю Андревну и, имѣя въ то время уже пятьдесятъ одинъ годъ отъ роду, страстно влюбился въ этого ребенка и на второй же день своего посѣщенія сдѣлалъ ей родителямъ декларацію.

Объ отказѣ, или хотя бы о малѣйшей нерѣшительности въ отвѣтъ со стороны этихъ бѣдныхъ дворянъ Плодомасовъ и не помышлялъ. Было бы несправедливо сказать, что, по его мнѣнію, онъ дѣлалъ мелкимъ солшкамъ Байцуровымъ слишкомъ большую честь своимъ предложеніемъ: онъ — гораздо проще, — вовсе и не думалъ о томъ, какъ могутъ быть приняты его желанія? Онъ зналъ только одно, что желанія его должны быть исполнены, и потому даже вовсе и не чинился въ заявленіи своихъ требованій.

— Мнѣ оліпокая жизнь съ подлыми женщинами уже наковецъ того и прискучила, — сказалъ онъ старикамъ Байцуровымъ: — и я въ намѣреніи себя отъ нея воздержать съ палиею дочерью, которая мнѣ видомъ и нравомъ весьма понравилась. Благословите ее мнѣ, прошу?

Слова эти Плодомасовъ сказалъ Байцуровымъ въ первый

же день своего посѣщенія, за ужиномъ, за которымъ дочь ихъ, о которой шло дѣло, не присутствовала.

Сколь было безцеремонно это предложеніе, столь же безцеремоненъ былъ и послѣдовавшій на него отвѣтъ.

Мать Байцуровой наотрѣвъ отказала Плодомасову. Плодомасовъ былъ столь удивленъ этимъ отказомъ, что даже не нашелся, какъ и разсердиться, а только сказалъ:

— Это почему?

— А потому, честной бояриня, что, во-первыхъ, ты для насъ, мелкихъ сошекъ, не пара; а, во-вторыхъ, ты моего мужа, а ея отца, на пару лѣтъ будешь старше; а, въ-третьихъ, скажу тебѣ, что на мѣсто твоихъ подлыхъ женщинъ, на тѣ же пуховики, я свою дочь класть не намѣрена. и чести дѣвству ея въ твоей любви несколько не вижу.

— Я пухъ пушу по вѣтру и наволочки сожгу, — отвѣчала, понемногу входя во гнѣвъ. Плодомасовъ.

— Хоша и пухъ вѣтромъ пустишь, а гдѣ шелудивый конь валялся, тамъ не слѣдъ чистой ногой наступать: лишай сядетъ. Извини, дорогой гость, и не прими за остуду, а отъ нашей крови тебѣ жены не будетъ. — заключила ему съ поклономъ, вставши изъ-за стола, Байцурова.

Этого Никита Юрьичъ снести не могъ. «Будеть! — вскричала онъ, — будетъ!» и черезъ десять минутъ послѣ высказаннаго ему отказа, боярышня Байцурова, спеленатая, какъ ребенокъ, плодомасовскими людьми въ охотничьи охабни и бурки, была увязана въ торока у самаго крыльца родительскаго дома, а черезъ другія десять минутъ она, въ центрѣ предводительствуемаго Плодомасовымъ отряда, неслась во всю скачь въ сторону незнакомую, невѣдомую и, во всякомъ случаѣ, страшную.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Погоня.

Дворянъ Байцуровыхъ и всю ихъ дворовую прислугу на другой день крестьяне нашли крѣпко связанныхъ чебурами и сворами и томившихся въ самомъ печальномъ положеніи.

О поговѣ нечего было и думать. Положеніе Руслана, стремившагося отнять похищенную у него Людмилу, было не затруднительнѣе положенія, въ которомъ нашли себя развязанные крестьянами Байцуровы.

Старик Байцуровъ принялъ на свои несчастныя груди эту семейную катастрофу не одинаково. И тяжкія обиды, и жгучія слезы, стоны и разрывающая сердце скорбь по нѣжно любимой единственной дочери, которая теперь, въ ея юномъ возрастѣ, какъ голубка, бѣтается въ развращенныхъ объятіяхъ алчнаго ворона, все это звало старика Байцурова къ мщенію; но у него, какъ у бѣднаго дворянина, не было ни вьюго-подобныхъ коней, ни всадниковъ, способныхъ стать грудь противъ груди съ плодомасовскою ордою, ни блестящихъ бердышей и самопаловъ, какіе мотались у тѣхъ за каждымъ торокомъ, и наконецъ—у тѣхъ впереди было четырнадцать часовъ времени, четырнадцать часовъ, въ теченіе которыхъ добрые кони Плодомасова могли занести сокровище бѣдной четы, ихъ нѣжную, ихъ умную дочку. болѣе, чѣмъ за половину разстоянія, отдѣляющаго Закромъ отъ Плодомасовки. Конечно, всѣ худые загромскіе людишки, сбѣжавшіеся въ хоромы по случаю боярскаго несчастія, были теперь въ сборѣ; конечно, не за горами были стоявшія по дворамъ и задворкамъ и байцуровскія понурья лошади: Байцуровъ могъ собрать и свою кавалерію и летѣть съ нею на выручку похищеннаго дитяти своего. Это даже и было первою мыслью старика, когда собравшіеся люди отпустили узлы связывавшихъ его веревокъ; но куда же годны его нахотныя лошаденки для погони за охотничьими аргамаками Плодомасова, на которыхъ теперь мчатъ его дочь? Куда годны его смиренныя людишки для того, чтобы сражаться съ буйною опричниною Плодомасова, которая будетъ стоять за барскую наложницу, — за нее, за его маленькую дочку, что станетъ наложницею Плодомасова прежде, чѣмъ отецъ ея успеетъ проѣхать половину пути, отдѣляющаго его деревушку отъ развратнаго гнѣзда похитителя? Страданія Байцурова, какъ себѣ можно представить, были ужасны: его дитя представлялось ему отсюда беззащитнымъ въ самой леденящей кровѣ обстановкѣ: она трепеталась передъ нимъ въ торокахъ на крупѣ коня, простирая свои слабыя ручки къ нему, къ отцу своему. въ которомъ ея дѣтская головка видѣла всегда идеаль всякой справедливости и мощи; онъ слышалъ ея стоны, подхватываемые и раздвѣваемые въ клочки буйнымъ осеннимъ вѣтромъ; онъ видѣлъ ее брошенную въ позорную постель, и возлѣ ея блѣднаго, заплаканнаго личика свер-

каки въ глаза старику съдья, щетинистыя брови багроваго Плодомасова.

Подъ натискомъ этихъ ужасныхъ представленій, ожесточившихся отъ угнетающаго сознанія своего безсилія защитить дочь или отменить за нее, петровский ветеранъ упалъ на полъ и, лежа лицомъ на земль, обливалъ затоптанныя крестьянскими лаптями доски своими обильными слезами. Несравненно болѣе геройства, силы и находчивости въ эти ужасныя минуты явила его жена, Пелагея Дмитриевна Байцурова. Схоронивъ на днѣ души всю безмѣрную материнскую скорбь свою, она, минуты не теряя, велѣла заложить кибитку, одѣла мужа въ его давно безъ употребленія хранящуюся въ кладовой полковую либерію, посадила его въ повозку и отправила въ городъ, гдѣ была высшая мѣстная власть. Байцурова отправила туда мужа для принесенія той власти жалобы и требованія у нея защиты. Но, посылая туда мужа, Байцурова, очевидно, немного рассчитывала на горячее участіе и защиту со стороны этой власти, и имѣла, конечно, для этого уважительныя основанія. Несмотря на всю строгость царствовавшаго государя, въ мѣстахъ удаленныхъ отъ его недреманнаго ока, въ оны времена, какъ и въ дни гораздо позднѣйшіе, на Руси во всю ширь царилъ безграничный русскій произволь, мирволье и безсудство. Байцурова это знала и, пославъ мужа въ городъ, приняла и другія мѣры. Не успѣла скрыться за околицей кибитка съ мужа, какъ у ветхаго крыльца домика стояла уже другая, запряженная парю кибитчонка, — въ эту усаживалась сама госпожа съ дородною мамою похищенной боярыни, плѣнною туркинею Вассой.

Кибитчонка, въ которой отправлялись въ путь эти жепшны, выѣхавъ изъ околицы, взяла совѣмъ въ противоположную сторону отъ направленія, принятаго кибиткою Байцурова, и, колыхалась по колеямъ топкой осенней грязи, потянула къ селу Плодомасову.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Дѣвичій слѣдъ.

Въ осеннюю ростепель, при которой случилось похищеніе боярыни Байцуровой и при которой выѣхали въ разныя стороны отецъ и мать молодой плѣнницы, путь на тонущихъ по ступицу повозкахъ совершался крайне медленно. Ста-

рику Байцурову, по крайней мѣрѣ, нужно было трое сутокъ, чтобы доѣхать до города, а женѣ его съ сопровождавшею ее мамкой-туркиней столько же, чтобы добраться до Плодомасовки.

Между тѣмъ въ селѣ Плодомасовкѣ, передъ вечеромъ того самаго дня, въ который изъ Закромовъ выѣхала оборонительная миссія, съ вышекъ господскаго дома праздными холопами, ключникомъ и дворецкимъ, на взгорьѣ черныхъ полей былъ устроены конный отрядъ ихъ владыки.

Въ расположеніи этого отряда опытными и наблюдательными крѣпостными очами замѣчено было нѣчто странное. Буланый аргамакъ самого боярина, обыкновенно красовавшийся всегда впереди всѣхъ коней, нынче уступилъ свое мѣсто другимъ рядовымъ конямъ и шелъ сзади. Издали, съ плодомасовскихъ вышекъ чуть видна была только одна сухая голова аргамака съ блиставшимъ на ней серебрянымъ налобникомъ; его бѣлая звѣзда изъ змѣиныхъ головокъ, обыкновенно издали свѣркая на перекресткѣ наперсныхъ ремней сѣдла, была нынче закрыта выступавшею впереди боярча конною толпою. Не видно было и чеканенныхъ пряжекъ на опушенномъ чернымъ соболемъ малиновомъ бешметѣ боярина, потому что бояринъ лежалъ своей грудью на шеѣ коня и глядѣлъ на что-то такое, что бережно вели передъ нимъ его вѣрные слуги.

Впереди приближавшейся группы ѣхали четыре всадника: два впереди и два сзади. Они ѣхали въ такомъ другъ отъ друга разстояніи, что двое ѣдущіе рядомъ могли безъ затрудненія подать одинъ другому руки, а головы двухъ заднихъ лошадей совсѣмъ почти ложились на крупы переднихъ.

Всѣ эти четыре всадника бережно вели нѣчто такое, чего никакъ не могла издали разсмотрѣть и опредѣлить плодомасовская дворня, готовая во срѣтеніе своего приближавшагося повелителя.

Но вотъ отрядъ подходит все ближе и ближе; наблюдающіе его приближеніе домашніе люди уже узнаютъ въ лицо каждаго изъ четырехъ всадниковъ, везущихъ впереди отряда странную ношу; видно, наконецъ, и грозно нахмуренное лицо самого боярина. Онъ понуро и мрачно глядитъ изъ-подъ надавленныхъ тяжелою аксамитною шапкою бро-

вей на эту бережно охраняемую ношу. Что бы это было такое? — раненый турь, сохатый лось или гнѣздо робкихъ сернь, которыхъ ретивымъ исарямъ боярина удалось взять живыми и которыхъ живыми вздумалось и довести домой боярской прихоти? Но зачѣмъ же въ подходящемъ отрядѣ эта нерушимая тишина, столь несвойственная возвращенію Плодомасова съ отѣзжихъ полей. Зачѣмъ не слышно ни бубновъ, ни пѣсень; зачѣмъ не прыгаютъ на сворахъ нетерпѣливые исы; зачѣмъ не обскакиваютъ отрядъ избранные гарцуны и не несется вихремъ доѣзжачій Шибай возвѣщать дворецкому: какія яства и питья должны ждать на столѣ приближающагося владыку и кто именно, какая пара крѣпостныхъ одалискъ должна быть прислана съ сѣней держать сегодня кисти у штофнаго одѣяла повелителя?

Такого безпорядка еще никогда не было, и дворецкій, и орда холопей, и весь сонмъ покорныхъ наложницъ, безразличныхъ въ своихъ чувствахъ къ господину и равнодушно ожидающихъ, чьи тайныя красы мелькнутъ въ его воображеніи и обозначать его сегодняшнюю прихоть, — все это недоумѣваетъ, наблюдая тихое возвращеніе Плодомасова. Недоумѣнію этому нѣтъ мѣры, нѣтъ предѣловъ и, кажется, не будетъ конца, потому что, чѣмъ ближе подъѣзжаютъ бояринъ и его сподвижники, чѣмъ болѣе возможностейъ является разсмотрѣть ихъ, — тѣмъ пуще сбиваются и путаются зарождающіяся соображенія и выше,* и выше растетъ колоссальное недоумѣніе!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Съ вечера дѣвушка.

Но вотъ кому-то удалось разсмотрѣть, что четыре всадника, ѣдущіе впереди отряда, держатъ подъ укрюками сѣдельныхъ арчаковъ углы большого пестраго персидскаго ковра. Это тотъ самый коверъ, назначеніемъ котораго было покрывать въ отѣзжемъ полѣ большой боярскій шатерь. Теперь на этомъ коврѣ, подвѣшенномъ, какъ люлька, между четырьмя сѣдлами, лежитъ что-то маленькое, обложенное бѣлыми пуховыми подушками и укутанное ярко-цвѣтнымъ шелковымъ архалукомъ боярина.

Яркіе покровы, въ которые закутана загадочная фигура, были смочены падавшимъ цѣлый день дождемъ и позволяли ясно опредѣлять, что подъ ними сокрытъ не ра-

нешій богатырь, а не болѣе какъ четырнадцати или пятнадцатилѣтній ребенокъ.

Когда охотничій караванъ подошелъ къ самому дому, все увидѣли, что на остановившемъ общее вниманіе коврѣ была привезена дѣвушка.

Молодая, съ мокрыми черными кудрями головка плѣницы была открыта и утонала въ смокшей подушкѣ: уста дѣвицы были полуоткрыты: зубы крѣпко стиснуты, а вѣки глазъ сомкнуты. Она казалась спящею; но въ самомъ дѣлѣ она была въ долгомъ, непробудномъ обморокѣ. Такою-то была привезена своими похитителями въ село Плодомасово закрюмская боярышня Марѳа Андреевна Байцурова.

Потерявъ сознание въ минуту своего неожиданнаго похищенія изъ родительскаго дома, она не выходила изъ обморока во все время, пока конный отрядъ Плодомасова несея, взрывая желѣзомъ копыть черную грязь непроѣзжихъ полей; она не пришла въ себя во время короткой передышки, данной конямъ послѣ сорокаверстной перескачки, и въ этомъ видимомъ образѣ смерти достигла гнѣзда плодомасовскаго боярина. Въ этотъ домъ ее привели роковыя судьбы.—Это все увидѣли сразу, когда незваной пришлицѣ улыбнулся самъ сумрачный, непривѣтливый день осенній. Чуть только стали у боярскаго крыльца дрожація съ усталыя ноги принесшихъ ее коней, сквозь грязно-сѣрыя облака золотыми стрѣлами упалъ лучъ вечерняго солнца и, какъ бы благословивъ прибытіе боярышни, снова закрылся.

Это было сочтено предзнаменованіемъ, и въ этомъ найдено было много чуднаго и сверхъестественнаго. Сѣрый день улыбнулся падѣ домоу безпутства и оргій, и спящая плѣнница входила въ этотъ домъ сонной царевной, которая, по народному повѣрью, всегда такъ безпятненно чисты и безъ сравненія прекрасны. На томъ же богатомъ коврѣ, на которомъ боярышня совершала свое путешествіе, ее въ торжественномъ безмолвіи внесли въ плодомасовскій домъ: положили на чистое ложе, поставленное среди просторнаго, свѣтлаго покоя, и окружали это ложе спящей красавицы цѣлымъ роемъ прислужницъ, получившихъ строгій наказъ беречь ее пробужденіе и предупреждать ея желанія.

Съ женщинами, окружавшими дѣвственное ложе сошпой

боярышни, происходило нѣчто подобное тому, что, по апокрифическимъ сказаніямъ, происходило съ языческими идолами при восходѣ звѣзды, возвѣстившей рожденіе Христа. Всѣ эти крѣпостныя юницы почувствовали, что вѣкъ ихъ конченъ, но въ сердцахъ ихъ не было ни зависти, ни злости къ этой пришельцѣ. Онѣ только чувствовали, что родился нѣкто болѣе ихъ, съ которымъ имъ уже нельзя и думать ни спорить, ни состязаться.

Онѣ стояли и безмолвно ожидали, когда настанетъ часъ имъ быть убраннымъ изъ этого смраданаго капища, ожидающаго каждаго очищающихъ куреній.

Самъ Плодомасовъ, уложивъ боярышню, не оставался въ ея комнатѣ ни минуты. Выйдя изъ этой комнаты, онъ также не предавался ни оргіямъ, обыкновенно сопровождавшимъ его возвращеніе домой. Онъ одиноко сидѣлъ въ своей опочивальнѣ и нетерпѣливо ждалъ пошептуху, за которую посланы были быстрые гонцы въ далекое село. Эта чародѣйка должна была силою своихъ чаръ прекратить долгій, смерти подобный сонъ привезенной боярышни.

Но дѣло обошлось безъ шептухи. Прежде, чѣмъ она успѣла явиться въ хоромы призывавшаго ее боярина, сѣнныя дѣвушки и вновь наряженные мамы, обстоявшія ложе спящей боярышни, стали замѣчать, что долгій сонъ боярышни начинаетъ проходить.

О полуночи къ сумрачному боярину была послана первая вѣсточка, что по лицу у боярышни разстилается алый цвѣтъ, а по груди разсыпается бѣлый пухъ и изъ косточки въ косточку нѣжныи мозжечекъ идетъ. Плодомасовъ всталъ, бросилъ вѣстницѣ на полъ горсть серебряныхъ денегъ и велѣлъ стеречь плѣнницу недреманнымъ окомъ, нуще любимаго глаза.

Передъ ранней зарей пришла и вторая, и третья вѣсть, что боярышня открыла свои звѣздныя очи разсыпчатая и, отъ тяжкаго сна пробудившись, спросила: гдѣ она, у какихъ людей, и желаетъ знать о своемъ отцѣ съ матерью? Плодомасовъ воспрянулъ; онъ ничего не велѣлъ отвѣчать боярышнѣ и не пошелъ и самъ въ опочивальню красавицы.

Невѣдомый ему доселѣ страхъ удерживалъ его отъ святотатственнаго приближенія къ дѣвѣ, возвращенной и взлетѣянной не подъ крышами его крѣпостной дворни. Онъ боялся, что одно появленіе его передъ нею убьетъ ее, и отлагалъ

мигъ этого появленія. Онъ не пошелъ привѣтствовать свою пробудившуюся «бранку». Все время, пока сѣбныя дѣвушки и вновь наряженные мамы любовались дѣвственной красотою боярышни Байцуровой и смотрѣли, какъ подъ ея тонкою кожею изъ косточки въ косточку мозжечекъ переливается, бояринъ ихъ весь день до вечера испытывать незнакомыя ему муки. Ему хотѣлось отъ своей плѣнницы чего-то совсѣмъ не того, что онъ прямо бралъ отъ своихъ крѣпостныхъ одалисокъ. Онъ видѣлъ въ ней нѣкоторое новое, незнакомое ему доселѣ счастье, и боялся погубить это счастье: онъ боялся ея сопротивленія, боялся своего гнѣва, который, возставъ, не пощадитъ и ее. Онъ не пощадитъ ее, онъ изольетъ на нее свой гнѣвъ и броситъ ее въ подачку послѣднему царю своему... А тогда?... Тогда... тогда онъ запретъ царя, но... ее не воротитъ.

Нѣтъ! онъ самъ хотѣлъ глядѣться въ ея звѣздчатомъ взорѣ, орошенномъ слезами! Дѣло должно было идти о томъ: какъ сдѣлать все это, чтобы взоръ ея обратился къ нему? Время? ласки? выжиданія? А если тѣмъ временемъ погоня? О, погоня! тогда, если только будетъ погоня... тогда Плодомасовъ рѣшилъ, что ему дѣлать! Тогда... онъ не пощадитъ никого, ни ее, ни себя; но ея ужъ не возьмутъ изъ его дома такую, какою она внесена въ него.

Богъ знаетъ, сколько бы еще продолжались эти колебанія Плодомасова и какой бы онъ нашелъ изъ нихъ выходъ, если бы случайное обстоятельство не подвинуло его къ разрѣшенію всего этого, хотя и въ духѣ его обычныхъ нравилъ, но совершенно иначе, чѣмъ предполагалъ онъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Бѣсноватому коню конопляное удило.

Въ сумерки этого же самаго дня, прежде чѣмъ старикъ Байцуровъ успѣлъ проѣхать половину своего пути къ городу и жена его, въ сопровожденіи мамы-туркини, такую же часть своей дороги къ селу Плодомасову, въ плодомасовскія области прибыть земскій приставъ.

Приставъ этотъ былъ нѣкоторымъ образомъ свой чело-вѣкъ въ плодомасовскомъ домѣ: за него когда-то была выдана замужъ одна изъ наиболѣе любимыхъ крѣпостныхъ фаворитокъ боярина, которую Плодомасовъ хотѣлъ осчастливить этимъ благороднымъ бракомъ и съ которою отъ вре-

мени до времени, наѣзжая въ городъ, онъ, не стѣснясь ей замужнимъ положеніемъ, видался на прежнихъ правахъ. Пріѣзжая въ плодомасовскій домъ, мужъ отставной боярской барыни служилъ боярину шутомъ и посмѣищемъ: стоя на головѣ, онъ вышивалъ стопы вина и меду; ходилъ на кругахъ колесомъ; разбивалъ затылкомъ орѣхи и плясалъ на столѣ казачка передъ всею барскою дворней.

Въ сплу такихъ обстоятельствъ, приставъ считался въ числѣ приближенныхъ людей Плодомасова. Бояринъ не забывалъ семьи подьячаго своими милостями; снабжалъ закромы его амбарышекъ зерномъ, напѣлы—огородной, а задворокъ—живностью; крестилъ у его жены своихъ собственныхъ дѣтей и допускалъ его самого за подаваніемъ предъ свое лицедрѣніе.

Зная такія отношенія пріѣзжаго подьячаго къ боярину, холоуство не замедлило доложить о немъ Плодомасову и истолковать вырвавшееся при этомъ у боярина легкое рычаніе за знакъ согласія къ тому, чтобы приставъ былъ допущенъ.

Приставъ былъ введенъ и поставленъ предъ боярскія очи.

— Чего тебѣ? — спросилъ, окинувъ гнѣвнымъ окомъ его фигуру, Плодомасовъ.

Выгинаясь, кланяясь и вытягиваясь, какъ придавленная палкой змѣя, подьячій подползалъ къ боярину, не смѣя взвести голоса и поднять на него своихъ заплывшихъ глазъ.

— Чего тебѣ нужно? — воскликнулъ бояринъ мягче и глядя на это безтолковое выгибанье подьячаго. — Подьячій продолжалъ ползти и снова не подавалъ ни гласа, ни послушанія.

Сколь ни привыкъ Плодомасовъ къ рабскому пресмыкательству передъ собою, но такое долгое и робкое ползанье уже и ему не нравилось: онъ чувствовалъ, что такъ долго безмолвствуетъ человекъ тогда, когда ему страшно разомкнуть уста свои. Плодомасову вдругъ вступило на мысль, что пресмыкающійся передъ нимъ земскій является къ нему чьимъ-то посломъ съ недобрыми вѣстями, и густыя сѣробурыя брови насунились и задвигались, сходясь одна съ другою, какъ сходятся два сердитые и готовые броситься одинъ на другого медвѣдя.

— Говори, несь! — вскрикнулъ бояринъ.

Подъячій, вмѣсто отвѣта, совсѣмъ легъ на землю къ ногамъ Плодомасова и, лежа ницъ лицомъ, поднявъ къ нему въ рукѣ сложенный листъ бумаги.

Плодомасовъ — всегдашній врагъ бумаги, всего менѣе склоненъ былъ встрѣчаться съ нею сегодня. Въ этотъ день онъ и безъ того сумѣлъ уже на многое пересердиться, да и притомъ день этотъ по ощущеніямъ, принесеннымъ съ собою боярину Плодомасову, въ самомъ дѣлѣ, совсѣмъ не похожъ на всѣ прежніе дни его жизни. Теперь ли ему насильно отрывать себя отъ этихъ ощущеній къ бумагѣ! Но бумага эта тянется къ нему съ неотступною назойливостію. Несмотря на то, что онъ отталкивалъ ее и рукою, и желтымъ каблукомъ узорнаго сапога, — она опять и тянется, и трещеть. Плодомасовъ увидѣлъ, что ему отъ этой бумаги не отвязаться: онъ выдернулъ ее изъ рукъ раболѣпнаго пристава — нетерпѣливо развернулъ, прочиталъ и остолбенѣлъ.

Бумага эта, въ глазахъ Плодомасова, превосходила своею дерзостію все, что возможно на свѣтѣ. Въ ней говорилось, что дошло до вѣдома самой императрицы, что помѣщикъ Никита Юрьевъ Плодомасовъ, живучи въ своей отчинѣ, селѣ Плодомасовѣ, предается столь великимъ своеволіямъ и безчинствамъ, что по собственному ея, императрицы, приказанію поручается губернатору дѣло это строго дознать и, буде вѣсти, до слуха государыни дошедшія, окажутся справедливыми, то того Плодомасова, нимало не медля, заарестовать и изъ имѣнія его выслать, восиретивъ ему навсегда въ отчинахъ своихъ всякое проживаніе.

Исполненіе этого строгаго и грознаго императорскаго указа, не взирая на все самодержавство Елизаветы Петровны, было начато, какъ мы видимъ, покорнымъ преподнесеніемъ этого самаго указа самому виноватому Плодомасову, на его милостивое воззрѣніе и обсужденіе.

Боярину Плодомасову прочиталъ указъ и восирянулъ, какъ звѣрь. Вмѣсто испуга и благопокорности волѣ монаршей, чего почти несомнѣнно ожидалъ распростертый на полу подъячій, Плодомасовъ возсталъ во всей безднѣ дерзости своего безумія. Пославъ тысячи неистовѣйшихъ проклятій, онъ свистнулъ людей и велѣлъ быть всѣмъ предъ его лицо въ сборѣ и наготовѣ. Къ чему быть наготовѣ? — про то едва ли зналъ и самъ Плодомасовъ; но это было

для него безразлично. потому что онъ въ эти минуты былъ готовъ буквально на все грубое, дерзкое, на все гадкое для издѣвательства надъ явленнымъ ему указомъ, призывавшимъ его къ покорности и порядку. Онъ жаждалъ теперь только одного: оказать самое рѣзкое сопротивленіе этому призыву.

Безразлично было, къ чему именно готовится и для буйной боярской опричнины, которая и сама любила барскій разгулъ, да и не приучена была ни къ какимъ разсужденіямъ. Людямъ этимъ было все равно: куда ни идти, гдѣ ни разбойничать, надъ кѣмъ ни издѣваться. Они сызмальства отвыкли отъ всего добраго: они сами установили между собою обычаи отречься отца и матери, и безтрепетно могли видѣть и поруганье отцовскихъ сѣдинъ, и издѣвательства надъ слезами матери, и безчестіе родныхъ сестеръ. Любили ли или не любили они своего буйнаго боярина, — это все равно, потому что они любили буйную жизнь, всѣ возможности къ которой открывались для нихъ въ работномъ служеніи буйной волѣ Плодомасова. Взросшіе въ его школѣ, въ селѣ, удаленномъ не только отъ столицъ, но и отъ всякаго средоточія власти, они имѣли понятіе о законной власти только чрезъ такихъ представителей этой власти, какъ ходившій передъ ними колесомъ на кругахъ приставъ, и потому, весьма естественно, не могли чувствовать ни малѣйшаго авторитета этой власти.

Дѣло, цѣль для разрѣшенія дикихъ стремленій боярина указалъ стоявшій передъ нимъ колѣнопреклоненный подьячій.

— Отецъ! отецъ! — заголосилъ онъ боярину по выслушаніи его гнѣвнаго приказа о сборѣ людей. — Не вели ты этого; не вели сѣдлатъ коней и взнуздывать; вели холопамъ твоимъ съ свайкой, да съ лыкомъ сѣсть по конникамъ да смирные лапти плести, а то гордотой нуціи гнѣвъ на себя оборотишь.

Плодомасовъ вскипѣлъ: схватилъ лежащій на столѣ указъ. быстро разорвалъ эту бумагу на мелкіе кусочки, бросилъ ихъ на полъ и, наступивъ на нихъ ногою, проговорилъ:

— Вотъ я куда ея указы кладу! Она не праваго жога.

Подьячій упалъ на локоть на полъ и въ ужасѣ выпятился крюкомъ, точно въ несутерпимой судорогѣ.

— Умилосердись! не слышу! ничего не слышу! — вопилъ

колѣнопреклощенный представитель власти, то закрывая руками уши, то молитвенно простирая эти руки къ поламъ нестраго архалука бушующаго боярина. — Выслушай, милостивецъ,—я еще не все сказалъ тебѣ. На тебя и еще невзгода идетъ.—отъ дѣлъ твоихъ. Встрѣтилъ я, Байцурова, ѣдетъ на тебя съ жалобой, что ты у него его дочку отъемомъ увезъ. Отпусти ее, бояринъ.—если она ужь и неправильная, отпусти—свои люди не доказчики, только скорѣе ее изъ дома вонъ, а то не сейчасъ, то на утрѣ, гляди, бѣды за нее вытерпишь.

Этого было довольно Плодомасову. Кто? мелкая сошка Байцуровъ, не принявшій чести, которая была ему сдѣлана предложеніемъ брака его дочери, приносить на него жалобу, и по этой жалобѣ могутъ съ него, Плодомасова, что-нибудь взымать? Нѣтъ, этого ужь нельзя снести Плодомасову!

«Онъ не хотѣлъ, чтобы она была моею женою,—промелькнуло въ умѣ Плодомасова, — такъ я же ее въ другой чинъ сдѣлаю. Чѣмъ, да и вправду, она лучше моихъ дѣвокъ, что я такъ смотрю на нее? Когда ужь и этотъ подьячій не сомнѣвается, что она, побывши въ моемъ домѣ, теперь неправильная, а я отпущу ее такъ! а я дамъ посмѣяться надо мною!»

Въ душѣ Плодомасова произошелъ совершенный поворотъ; тѣхъ нѣжныхъ и застѣнчивыхъ чувствъ, которыми она недавно была полна къ юной плѣнницѣ, теперь въ ней не оставалось и слабаго слѣда.

— Быть съ нею всему тому, что и допрежь ей было со всѣми непокорными,—рѣшилъ бояринъ.—Будетъ она моею, и не забуду я моею подачкою и вѣрныхъ слугъ моихъ: останется и Васекъ, и Тарасекъ, и всей челяди.—Иди замной и смотри, что я съ ней за эти слова твои сдѣлаю!—рявкнулъ бояринъ приставу и потащилъ его сле дышащаго вслѣдъ за собою въ верхній этажъ, гдѣ въ той же опочивальнѣ молодая боярышня, кругленькая и бѣлая, какъ свѣжая рѣпючка, сидѣла среди широкой постели и плакала, трогая горемъ своимъ и старыхъ мамъ и нянь, и стоящихъ вокругъ нея молодыхъ сѣиныхъ дѣвушекъ.

Бояринъ текъ какъ тяжелая грозовая туча, подхваченная неукротимой бурей. Подойдя къ дверямъ опочивальни своей плѣнницы, онъ не коснулся рукою замочной мѣди и не крик-

хуль, чтобы дверь была отперта ему изнутри, но прямо сшибъ ее съ петель однимъ ударомъ сапога и предсталъ изумленнымъ взорамъ боярышни и ея свиты.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Къ полуночи молодушка.

Когда случилось внезапное появленіе Плодомасова у дверей молодой бранки Байцуровой, на дворѣ, по причинѣ короткаго осенняго дня, стояла уже густая, непроницаемая тьма; моросилъ мелкій, частый дождикъ, и тихій, но упругій вѣтеръ уныло вылъ и шумѣлъ за выходящими въ садъ окнами боярышничной опочивальни.

Боярышня, какъ сказано, сидѣла и плакала, плакали и всѣ ея окружающіе. У всѣхъ на лицѣ было одно ея горе, и появленія Плодомасова сюда въ эту минуту не ожидали никто, а сама боярышня всѣхъ менѣе. Въ тоскѣ объ отцѣ и о матери, которыхъ нѣжно любила, она вовсе не имѣла и времени размыслиять ни о своей судьбѣ, ни о своемъ похитителѣ. Она вовсе не думала о немъ и рѣшительно окаменѣла при его появленіи. Увидѣвъ передъ собою Плодомасова, боярышня Мароонька даже не потянула одѣяла, чтобы закрыть свои плечи, сверкнувшія передъ распаленными гнѣвомъ глазами боярина.

— Ну, дорогая боярышня, какъ спала-почивала, и что во снѣ видала?— спросилъ ее Плодомасовъ, сядя съ насупотивъ постели на тяжелое кресло, за которымъ, работѣшно притаясь, сталъ земскій приставъ.

— Спала, бояринъ, въ твоемъ терему сладко и за тотъ сонъ тебя благодарствую; а видѣла во снѣ моего отца съ матерью и надѣюсь, что ты меня не удержиши неволей и отпустиши къ нимъ,— смѣло отвѣчала боярышня.

— Ну, ужъ па это, соколка моя, лучше не надѣйся. Не па то увезена, чтобы тебѣ опять подъ отцовскій потолокъ идти. Дѣвушка посмотрѣла въ глаза боярину своими дѣтскими глазами и спросила:

— На что же я, бояринъ, увезена?

— На что?

Плодомасова неожиданно смутилъ этотъ наивный вопросъ. Онъ хотѣлъ отвѣтить ей что-то немилосердное и безстыдное, но, глядя въ ея дѣтское личико, застыдился этого своего намѣренія.

А въ эту минуту дѣвушка тихо скользнула съ постели и, перебѣжавъ босыми ногами разстояніе, отдѣлившее кресло боярина отъ ея кровати, со слезами бросилась въ ноги Плодомасову и, рыдая, проговорила:

— Бояринъ! умилосердись надо мной! Немилостивыхъ адъ ждетъ! Отпусти меня къ батюшкѣ съ матушкой,—я въ монастырь пойду и стану за тебя Бога молить.

Плодомасовъ рѣшительно не зналъ, какъ ему приступить къ приведенію въ исполненіе своихъ угрозъ. Онъ мялся и пыхтѣлъ, глядя въ плачущія очи ребенка, и не отнималъ у дѣвочки своихъ большихъ, красныхъ рукъ, которыя та въ отчаяніи сжимала въ своихъ ручонкахъ.

— Я,—заговорилъ онъ наконецъ:—хотѣлъ-было тебя сдѣлать своей честною женою...

— Нѣтъ! нѣтъ!—отвѣчала, быстро вспрыгнувъ и отскочивъ отъ него къ своей кровати, боярышня. — Нѣтъ, я не хочу быть твоею женою: ты отпусти меня къ батюшкѣ!

— Стой!—гнѣвливо остановилъ ее Плодомасовъ.

— Люди добрые, заступитесь за меня!—отчаянно вскрикнула боярышня, кидаясь въ толпу сердобольныхъ нянь, мамъ и сѣнныхъ дѣвушекъ, такъ недавно лившихъ о ней горячія слезы и оказывавшихъ ей столько искренняго участія.

Но теперь боярышня не узнала ни одного лица въ этой толпѣ: такъ измѣнило ихъ присутствіе боярина.

Няни, мамы и сѣнные дѣвушки разступились, какъ только боярышня вскочила въ среду ихъ, и снова сучились сзади ея, оставляя илѣнницу впереди себя, лицомъ къ лицу съ Шикитою Плодомасовымъ.

Боярышня, выданная такимъ маневромъ головою, оглянулась на робкую челядь и, въ одно мгновеніе, словно переродилась.

— Дай мнѣ, раба, мой пуганкѣ!—произнесла она твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ, замѣтивъ свое непозволительное дезабылье.

Десятки рукъ въ мгновеніе ока поспѣшили исполнить ея требованіе.

Плодомасовъ ничему этому не прекословилъ.

Боярышня теперь стояла передъ нимъ совсѣмъ одѣтая, во всемъ томъ нарядѣ, въ которомъ она илѣнила его въ своемъ родительскомъ домѣ. Слезы, недавно обильно лив-

шіяся по ея лицу, теперь высохли, и грустные, сухіе глаза ея смотрѣли съ выраженіемъ того безтронетнаго спокойствія, видъ котораго такъ непереноситъ самоуправцамъ, потому что онъ въ одно и то же время и смущаетъ, и бѣситъ ихъ.

— Такъ знаешь ли ты, умная боярышня, что я съ тобою сдѣлаю?—вскричалъ Плодомасовъ.

— А что бы ты со мною ни сдѣлалъ, на всеъ томъ, пока я въ твоихъ рукахъ, твоя воля; но женою твоей я быть не хочу.

— Что?—вскрикнулъ, побагровѣвъ, Плодомасовъ.

— Гнѣва твоего не пугаюсь,—отвѣчала боярышня.—Что ты больше гнѣвливъ и страшень, то мнѣ радостнѣй: убить велишь—всего лучше будетъ.

— Такъ не женой же и не боярышней, а вотъ такую жъ, какъ эти, ты будешь! —вскричалъ Плодомасовъ, указавъ рукою на своихъ сѣнныхъ дѣвушекъ, и неистово захлопалъ въ ладоши.

На этотъ призывъ, какъ сказочный листъ передъ травою, предсталъ передъ Плодомасовымъ старшій дворецкій и, вода въ ужасѣ вокругъ глазами, произносилъ одно ни къ чему, повидимому, не идущее слово: драгуны!

— Что за драгуны? гдѣ эти драгуны?

— Здѣсь, бояринъ, драгуны,—отвѣчалъ старикъ, указывая на дверь, которая въ это время отворилась, и въ комнату, брэнча своей сбруей, вошелъ тяжелой поступью драгунъ въ невиданной здѣсь никѣмъ до сихъ поръ тяжелой, мѣдью кованной каскѣ съ чернымъ конскимъ хвостомъ на гребнѣ.

Онъ привезъ боярину строгій губернаторскій приказъ не сдѣлать никакого зла похищенной имъ боярышнѣ Байцуровой и беречь ее паче своего ока, а наипаче не смѣть дерзать и мыслию на ней жениться.

Это не только было написано въ бумагѣ, которую драгунъ вручилъ Плодомасову, но все это было во всеуслышаніе сказано ему драгуномъ и на словахъ, и слова эти слышали и его челядь, и земскій приставъ, въ глазахъ котораго Плодомасовъ обличалъ столько дерзкаго непослушанія указу, писанному именемъ царицы, и наконецъ въ глазахъ самой боярышни, за которую вдругъ является такая горячая защита.

Плодомасовъ взглянулъ на спокойное лицо дѣвушки изъ-за которой загорѣлся весь этотъ сырѣ-боръ, и почувствовалъ, что все это дѣло совсѣмъ какой-то вздоръ, изъ-за котораго нимало не стоило ничего подобного поднимать и затѣвать борьбу, въ которой вдругъ ему стало слышаться что-то роковое.

Плодомасовъ еще разъ взглянулъ на Байцурову, и она ему въ эту минуту даже не понравилась. Такъ, дѣвочка-снѣгурочка, грибокъ сыроѣжка, вздоръ передъ этими бѣло-грудыми лебедками, которыхъ онъ всѣхъ непосредственный султанъ, минутный мужъ и повелитель. Стоило ли все это сотою доли его боярскаго безпокойства, когда все дѣло это взять въ комъ, смести, да за дворъ везти... и домъ боярскій будетъ такъ же полонъ, и постеля боярская такъ же согрѣта? Но этотъ торчащій здѣсь драгунъ; этотъ земскій ярыжка и вся эта сволочь, при которой производится его обуздываніе, тогда какъ никто не долженъ былъ знать, что и на него есть узда, — вотъ что не переносно; вотъ съ чѣмъ нельзя примириться Плодомасову! Холопья душа самоуправца чувствуетъ, что она не можетъ снести холопей насмѣшки. Ему все равно, сложить ли эта насмѣшка чынпобудь уста въ улыбку, или сомкнетъ ихъ раболѣпнымъ молчаніемъ: онъ не только въ улыбку, не только въ молчаніи, но даже въ стонахъ, которыми онъ можетъ заставить стонать и молчаніе, и улыбку, — во всемъ онъ будетъ слышать насмѣшку надъ его беспліемъ передъ этимъ драгуномъ, передъ какими-то угрозами, передъ кѣмъ-то старшимъ, кто отнынѣ займетъ главенство въ подвластныхъ ему умахъ.

Плодомасовъ все это сообразилъ въ одно мгновеніе; въ другое рѣшилъ, что онъ во что бы то ни стало не долженъ допустить этого главенства, и для этого превзойдетъ дерзостью все, что до сихъ поръ когда-нибудь дѣлывалъ; а въ третье олъ всталъ, хлопнулъ въ ладони и молча указалъ вбѣжавшимъ слугамъ на драгуна.

Тотъ, наблюдая боярина, понялъ его жестъ и, выхвативъ палашъ, бросился въ уголъ покоя; но жестъ боярина еще быстрѣе былъ понятъ его челядью, и драгунъ не успѣлъ размахнуть ни одного раза вооруженною рукою, какъ уже лежалъ на полу, сдавленный крѣпкими, желѣзными руками чуть не по всѣмъ суставамъ. Грозный конскій хвостъ на

головѣ драгуна, за минуту передъ симъ столь угрожающій и останавливающій на себѣ всеобщее вниманіе, теперь ничего не значилъ.

— Веревку!—скомандоваль бояринъ, обратясь къ одному личардѣ.

— Попа и дьяковъ!—повелѣль онъ другому.

— Затрави петлю и спусти черезъ крюкъ въ потолокъ,— приказаль онъ рабу, принесшему свѣжую пеньковую веревку.

Петля была затравлена изъ вытрепаннаго конца веревки и спущена черезъ крюкъ, на которомъ держался пологъ боярышничной постели.

Въ комнату, трепеща и спотыкаясь, предстали выпихнутые черезъ порогъ въ спину попь и дьяки.

— Становись передъ образомъ, — скомандоваль пону бояринъ.

— Батюшка, помилосердуй!—молился боярину трепещущій и плачущій священникъ.

Бояринъ свистнулъ.

Два гайдука схватила дрожащаго пона и всунули его въ принесенную ризу, а третій намыливалъ передъ его глазами кускомъ мыла веревочную петлю.

— Начинай! — сказалъ Плодомасовъ замирающему священнику, когда облачившіе его гайдуки поставили его передъ образомъ.

— Что прикажешь, отецъ?—едва пролепеталь почти потерявшій со страху всякое сознаніе священникъ.

— Вѣнчанье,—отвѣтилъ Плодомасовъ.

Всѣ такъ и остолбенѣли.

— Пои!—бѣшено крикнулъ бояринъ.

— Кому?—едва могъ обронить, глядя на намыленную петлю, священникъ.

— Миѣ,—отвѣчалъ Плодомасовъ и, сорвавъ за руку съ мѣста боярышнюю Марюю Андравиу, сталъ съ нею за поповскою ризою.

Плачущій попь и плачущіе дьяки пѣли вѣнчанье плачущей боярышнѣ, которую со связанными сзади локоточками и завязаннымъ ртомъ держали на рукахъ плачущія дѣвушки; но самъ бояринъ, ко всеобщему удивленію, молился искренно, тихо и съ умиленіемъ.

— Теперь же, попь, я тебя пожалѣю, — сказалъ Плодомасовъ по окончаніи обряда. — Я тебя отъ бѣды уберегъ и

тебѣ обыскныхъ принасъ. Давай книгу! Вотъ государынинъ драгунъ, да этотъ другой воеводскій посоль (онъ указалъ на пристава) они чужіе люди и расшнуются, что боярышня со мной радостью и охотою повѣнчалась.

— Царскій драгунъ, чай, неграмотенъ, а воеводскій посоль хитеръ въ письменности, давайте ему, онъ за обоихъ расшнуется. — продолжалъ отдавать приказаніе Плодомасовъ.

— А чтобы его лучше охота брала подписываться, накиньте ему, пока послѣднее слово выведеть, мыльный бѣситъ на шею, — заключилъ бояринъ, замѣтивъ нерѣшимость и дрожаніе пристава.

Чиновнику надѣли петлю на шею, а въ руки дали лебяжье перо, и онъ написалъ въ обыскной книгѣ все, что требовалъ Плодомасовъ.

— Ну, вотъ такъ хорошо, — сказали бояринъ и приказалъ подъячему написать въ концѣ бумаги, привезенной драгуномъ: «мужа съ женою никакая власть не разлучаетъ».

Чуть только эта подпись подоспѣла, бояринъ выхватилъ листъ изъ-подъ рукъ пристава и бросилъ въ глаза драгуну бумагу, въ которой Плодомасову повелѣвалось: «наипаче не смѣть дерзать и мыслию жениться на боярышнѣ Байцуровой».

Но, справясь съ указами власти и съ ея посланцами, Плодомасову оставалось справиться съ живою силою молодой жены. Это оказалось всего труднѣй... Силкомъ связанную боярышню обвѣнчали; но чуть ей послѣ вѣнчанія распустили бѣлые локотки ея, она легкой векшею прыгнула на окно и крикнула:

— Шагъ ко мнѣ шагнешь, — за окномъ на землѣ буду! Не послушаешь, такъ вели за разъ твоему пону мнѣ отходную честь!

Бояринъ и слуги окаменѣли.

— Выйди вонъ! — сказала боярышня, не сходя съ окна. — Выйди вонъ, а не то я сейчасъ за окно брожусь!

Бояринъ махнулъ рукой людямъ и самъ вѣлѣвъ имъ стать выходить спиной къ двери.

Мароа Андревна стояла попрежнему на краю раскрытаго окна.

— А долго же ты такъ простишь? — спросилъ ее Плодомасовъ на порогѣ.

— А пока горючь камень треснетъ, либо пока сама захочу. Плодомасову легло по сердцу дать ей волю и послушаться. Онъ ушелъ, а она простояла такъ до разсвѣтной поры.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Но бѣлу свѣту хозяйшка.

Поздній осенній разсвѣтъ засталъ село Плодомасово, или собственно плодомасовскую господскую усадьбу въ такомъ положеніи, въ какомъ мѣстѣ этихъ еще не освѣцало ни одно утро. Помѣщичій домъ былъ буквально обложенъ войсками.

Репутация, которую приобрѣлъ себѣ Никита Плодомасовъ, не позволяла шутить, когда дѣло шло о томъ, чтобы ограничить своеволие этого deboшира и отнять у него его добычу. Губернаторъ самъ побезпокоился сдѣлать визитъ Плодомасову и собралъ себѣ свѣту, которая дала ему возможность разсчитывать, что онъ не будетъ сконфуженъ и выйдетъ изъ плодомасовскаго дома не впередъ пятками и не внизъ головой.

Драгунъ было дѣлхъ три отряда. Одинъ изъ этихъ отрядовъ обложилъ усадьбу со стороны лѣса и отнялъ у всѣхъ находящихся въ домѣ всякую возможность побѣга: другой, ставъ частію между домомъ и деревней, а частію вдоль берега Турлицы, дѣлалъ невозможною всякую надежду на какое-нибудь подрѣпление или защиту; а третій, имѣвшій въ головѣ своей губернатора, офицера, оскорбленнаго Байцурова и драгуна, нѣсколько часовъ назадъ бывшаго свидѣтелемъ насильственнаго вѣнчанія боярышни съ Плодомасовымъ, прямо подвигался на его разбойничій домъ.

Но можно ли назвать разбойничьимъ домомъ такой домъ, гдѣ теперь такъ мало отваги, какъ въ домѣ плодомасовскомъ? Да, именно потому-то и идетъ этому дому это названіе, что въ виду приближающейся силы въ размѣрахъ, не допускающихъ сопротивленія, домъ плодомасовскій ни въ одной душѣ не являлъ никакой искры отваги. ни малѣйшаго знака спокойныхъ усилій перенести съ достоинствомъ долю побѣжденнаго.

Напротивъ! все недавно здѣсь бушевавшее рабство при-смирѣло и замолкло при видѣ сплѣ. о которыхъ рабы вовсе не имѣли никакихъ понятій, а бояринъ хоть и имѣлъ, да позабылъ давно.

У всѣхъ обитателей плодомасовскаго дома, у которыхъ еще кое-какъ работали головы, въ головахъ этихъ вертѣлась только одна разбойничья мысль: какъ спасти себя и выдать боярыня?

Плодомасовъ не призывалъ никого къ оружію и оборонѣ. Онъ не сдѣлалъ этого, во-первыхъ, потому, что онъ читалъ предательство и измѣну себѣ на всѣхъ лицахъ, которыя передъ собою видѣлъ. На всѣхъ? Нѣтъ, было одно лицо, на которомъ онъ не видалъ ни зла, ни предательства: это было лицо его молодой жены, виновницы всей этой исторіи.

Пятнадцатилѣтняя боярыня Плодомасова не обличала ни страха, ни трепета, ни волненія, ни злорадства. Она стояла на окнѣ только съ однимъ чувствомъ: она съ чувствомъ безконечной любви глядѣла на отца, быстро несшагося къ ней впереди отряда. Окружающихъ боярышню женщинъ билъ лихорадочный трепеть, онѣ протягивали свои робкія руки къ не оставлявшей своего мѣста боярышнѣ и робко шептали: «Спаси насъ! спаси — мы ни въ чемъ неповинны».

Плодомасовъ слышалъ эти моленія и самъ готовъ былъ молить ее защитить его, много повиннаго и мнилось ему... мнилось ему, что она его защитить.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Необъяснимыя явленія увеличиваютъ страхъ.

Находясь подъ вліяніемъ такихъ чувствъ смятенія и страха, столпившіяся въ боярышняго комнатѣ жилицы плодомасовскаго дома были еще болѣе испуганы новымъ, непонятнымъ явленіемъ, потрясшимъ ихъ послѣднія силы. Онѣ вдругъ замѣтили посреди себя незнакомыя, никогда никѣмъ невиданныя и неизвѣстно откуда пришедшія лица. Это были двѣ какія-то удивительныя женщины. Какъ онѣ пришли и откуда взялись, это для всѣхъ было задачей.

Но вотъ въ чьей-то испуганной головѣ мелькнуло, что это вовсе и не женщины, а сверхъестественные мстители и предвѣстницы смерти, выступившія изъ стѣнъ обреченнаго на гибель дома. И въ самомъ дѣлѣ, видъ ихъ и страненъ, и страшенъ: одна въ шушунѣ блѣдна какъ мертвецъ, а очи какъ угли. Это тигрица, у которой отняли ребенка. А другая... что за лицо и что за одежда! Лицо эвюпа, два длинные зуба блестятъ въ темной части раскрытаго рта; сѣдые космы падаютъ съ головы густыми прядями; сухая

темная грудь открыта отъ шеи до пояса и юбка зашараварена въ широкіе пестрые порты, а въ рукахъ... въ рукахъ и у той, и у другой по ножу.

— Это они! это темные духи!

Высказанная кѣмъ-то въ ужасѣ во всеуслышаніе мысль эта была электрическимъ толчкомъ; суевѣрный страхъ объять всѣхъ, и всѣ, ожидавшіе здѣсь развязки своей грозной судьбы, грохнулись на полъ. Самъ Плодомасовъ въ ужасѣ отвернулся къ стѣнѣ и закрылъ лицо руками.

Не сробѣла одна юная боярыня Плодомасова; она бросилась въ объятія этихъ женщинъ и, упавъ на грудь одной изъ нихъ, залила ее своими неустержимыми теперь слезами. Плодомасовъ робко взвелъ взоры и увидаль странную группу: двѣ невѣдомыя госты обнимали жену его и пятились съ нею задомъ къ дверямъ, держа надъ ея грудью блестящіе ножи. Это было непостижимо.

Плодомасовъ снова закрылъ глаза и не видаль, какъ ножи были спрятаны, и лица, составлявшія оригинальную группу, обнимали другъ друга и тихо шептались.

Читателю, конечно, нѣтъ нужды раздѣлять общій плодомасовскій ужасъ по поводу явленія этихъ таинственныхъ посѣтительницъ плодомасовскаго дома. Читателю не трудно будетъ отгадать, что эти двѣ женщины, такъ во-время и такъ эффектно возопедшія, были мать молодой боярыни и ея няня-туркinya, выѣхавшія на свопхъ клячахъ въ погоноу вслѣдъ за боярыней.

Онѣ прибыли въ Плодомасово съ твердымъ намѣреніемъ проникнуть къ плѣнницѣ въ окна или въ двери и избавить ее смертью отъ срама. Судя по рѣшительности, съ какою онѣ входили, это имъ не могло не удался, потому что не жалѣющимъ себя за дѣло — дѣло само себя подсказываетъ. Но вышло такъ, что онѣ и никакихъ затрудненій не встрѣтили; онѣ просто, пользуясь общей сумятицей въ домѣ, свободно вошли и свободно прошли длинный рядъ пустыхъ покоевъ и предстали здѣсь привидѣніями въ ту самую минуту, когда губернаторъ и Байцуровъ отворили дверь оставленнаго безъ всякой защиты крыльца плодомасовскаго дома.

Новые гости также прошли всѣ покои и вошли въ опочивальню боярыни. При видѣ открывшейся имъ картины, они были поражены полнымъ удивленіемъ: сановникъ, ожи-

давніи со стороны Плодомасова сопротивленія и упорства. недоумѣвалъ, видя, что дерзкій насильникъ дрожить и всё его личарды лежать распростертыя ницъ на землѣ. Оскорбленный отецъ ожидалъ услышать вопли и стenanія своей одинокой дочери и также недоумѣвалъ, видя ее покоящуюся своею головою на теплой материнской груди.

Но позднее смиреніе Плодомасова не могло быть ему оправданіемъ. Противъ него было свидѣтельство драгуна о совершенномъ назадъ тому нѣсколько времени насильственномъ бракѣ съ боярышней Байцуровой; противъ него спѣшили стать и другіе люди — и тѣ, чьи свидѣтельства могли имѣть вѣсъ и значеніе, и тѣ, чьи показанія не могли имѣть ни значенія, ни вѣса.

— Участь, васъ ожидающая теперь, печальна, но неизбежна, — сказалъ губернаторъ растерявшемуся Плодомасову.

Въ коридорѣ за дверью звякнули неосторожно опущенныя кѣмъ-то изъ рукъ кандалы.

Плодомасовъ закрылъ лицо руками, зарыдать и, упавъ на колѣни, просилъ одной милости — проститься съ женою.

Онъ видѣлъ, что его никто не жалѣетъ, никто не любить, и сердце влекло его къ этому полуребенку, долю котораго онъ такъ жестоко разбилъ и исковеркалъ, посмѣявшись надъ ея чувствами и ея свободой.

Ему показалось, что она, и *одна она*, простить его, и онъ не ошибся. Ея одно имя пришло ему на память, когда позвякивающія за дверью цѣпи заставляли просить и молить о продленіи послѣдней минуты свободы, и къ дикому вопрю сходила благодать утѣшенія, что у него есть жена, есть чистое существо, во имя которой онъ можетъ просить себѣ снисхожденія.

— Жена? У васъ нѣтъ жены, — отвѣчалъ Плодомасову губернаторъ. — Вы, государь мой, по злообычаю забыли вѣроятно, что вы отъ этой дѣвицы не снисхожденія можете ожидать, а сугубаго гнѣва на васъ. Благородная дѣвица сія, конечно, присоединитъ свой голосъ къ тѣмъ свидѣтельствамъ, которыя противъ васъ сдѣланы, и это будетъ ваше послѣднее съ нею свиданіе. Прошу васъ, государыня моя, сказать, точно ли вы съ симъ господиномъ обвинчаны, какъ всё о томъ свидѣлствуютъ, насильно?

— Вънчана я съ нимъ точно, — отвѣчала Марѳа Андревна и остановилась.

Губернаторъ просилъ ее продолжать.

— Марѳа Андревна съ горькою жалостью взглянула на униженнаго Плодомасова и отвѣчала:

— Да, я точно съ нимъ вѣнчана, но я не вѣнчана насильно.

— Какъ не насильно? — вскрикнулъ удивленный губернаторъ.

— Какъ, сердечная дочка моя! Неужто съ твоего то все было согласія? — воскликнулъ, заломивъ руки, Байцуровъ.

Присутствующая толпа стояла, пораженная неразрѣшимымъ для нея недоумѣніемъ; одна мать Байцуровой прочитала разгадку всего этого въ сокровенныхъ тайникахъ дочериннаго сердца. Она сжала дочернину руку и шепнула:

— Дѣло, дочь, дѣло!

— Пусть за меня никому зла не будетъ! — отвѣчала матери на ухо дочь, хороня на плечѣ ея свое личико.

— Скажите же, милостивая государыня, какъ все такое происходитъ могло въ столь непонятной исторіи. У насъ есть доказательства совершенно противныя... Вы говорите въ испугѣ... вы ободритесь.

Марѳа Андревна приподняла головку съ матернина плеча и отвѣтила:

— До всего, что вы о комъ знаете, въ томъ мое дѣло сторона: а что ко мнѣ касается, то мужъ мой въ томъ правъ, и я на него не въ подслухахъ.

Удивленіе губернатора возросло до того, что онъ развелъ руки и при всѣхъ сознался, что ничего не понимаетъ.

Старуха Байцурова вступилась въ его спасеніе и, выступивъ впередъ, сказала:

— Дѣвичьей душѣ не надо дивиться, ваше превосходительство. Дѣвушка съ печи падаетъ, пока до земли долетитъ, сорокъ думъ передумаетъ, и въ томъ дива нѣтъ; была съ вечера дѣвушкой, ко полуночи молодункой, ко бѣлу свѣту хозяйшкой, а хозяйкѣ не честь быть ни въ подслухахъ, ни въ доказницахъ. — Старуха тихо выдвинула дочь за руку впередъ себя и добавила: — хозяйкино дѣло теперь вѣсть дорогихъ гостей за столъ да потчивать.

Марѳа Андревна поклонилась губернатору и сказала:

— Прошу милости къ нашему хлѣбу-соли.

Губернаторъ еще недоумѣвалъ и глазами хлопалъ

— Ваше превосходительство, — опять выступила и ему

одному вслух заговорила Байцурова: — у насъ, что съ трубами свадьба, что и безъ трубъ свадьба: дѣло попомъ пѣтое, и жена мужу нерушимый кусъ. Не наша воля на то была, а ея да Божья, что видимъ теперь ее здѣсь властною госпожей, а не невольною бранкой. Здѣсь холопы не доказчики, а жены нашего рода на мужей не послухи. Она все дѣло рѣшила, и она, ваше превосходительство, ждетъ, что вы подъ руку ее къ столу сведете.

Губернаторъ шаркнулъ, подалъ Марѣ Андреевнѣ локоть и повелъ ее внизъ въ парадные покои.

Комната, служившая мѣстомъ всѣхъ этихъ событій, все опустѣвала и, наконецъ, посреди ея остался одинъ Плодомасовъ. Онъ смутно понималъ, что недавняя великая бѣда для него минула; понималъ, что все это сдѣлала его ребенокъ-жена, но онъ также чувствовалъ и сознавалъ, что съ этой бѣдою навсегда минула здѣсь и власть его. Бранка побѣдила своего илѣнителя, и надъ всѣмъ, что только Плодомасовъ имѣлъ въ своихъ владѣнiяхъ, онъ видѣлъ ея твердый благостный духъ.

Онъ чувствовалъ, что здѣсь отнынѣ будетъ выше всего *она*, а не онъ, и весь дикiй мятежъ его дикихъ страстей покоренъ.

Да, власть его восхищена. Вотъ онъ, стоя здѣсь одинъ, всѣми позабытый и брошенный, слышитъ, какъ въ тѣхъ его дальнихъ парадныхъ покояхъ раздаются гостинные голоса; вонъ эти домочадцы, еще такъ недавно поднявшiе холопы носы свои передъ нимъ, снова смирились и снуютъ и раболѣпно покорствуютъ вновь единодержавно-воцарившейся въ домѣ новой волѣ, и онъ самъ, Плодомасовъ, онъ самъ, большой моголь, султанъ и властитель всего здѣсь сущаго, онъ разрѣшенъ отъ власти и... онъ радъ тому: онъ тихо крестится и шепчетъ: «Боже! устроенъ тако, — слава Тебѣ!»

Плодомасовъ смятенъ, какъ застѣячивое дитя, и не знаетъ только одного: какъ ему теперь сняться отсюда съ мѣста, на которомъ стоитъ, куда идти и какъ показать свои очи въ своемъ новомъ положенiи?

Но новые воеводы его дома кругомъ смотрять и все видятъ.

Старуха Байцурова проводила въ почетное мѣсто губернатора и драгуна и заставила своего мужа занимать ихъ и чествовать, а сама вернулась къ Плодомасову и, взявши его руку, сказала:

— Ну, что жъ? — разумѣешь ли нынѣ, хитрый воръ, какую ты себѣ бѣду укралъ?

— Матушка-свекровь, сверхъ ума благодарствую, — отвѣчалъ Плодомасовъ, повалившись ей въ ноги.

— Не для тебя то, однако, все сдѣлано, а и для своей души. У насъ родъ такой, что мы до суда и до сварь неповадливы, а и ты постыдись, что въ храбромъ-то уборѣ, да лежишь у бабихъ ногъ безъ храбрости... Встань! встань! — добавила она ласковѣй. — Умыкнутая жена, что и рукой выданная, — назадъ нечего взять; но помни, что не нара ты ей и что старѣй мужъ да нравливый молодой женѣ на руку колодой падаетъ.

— Сударыня-свекровь, оставь безпокоиться! пусть она во всемъ госпожей здѣсь будетъ.

— Да, но гляди, зять, чтобы холоньи сусальные глаза моей дочери слезъ не видали; а теперь сдѣлаемъ промежь насъ родное согласіе и пойдемъ къ гостямъ, честь-честью.

Байцурова поцѣловалась съ Плодомасовымъ и, взявъ его подъ руку, пошла съ нимъ въ гостиную, гдѣ Плодомасова ожидала его молодая жена и его незваные гости. Никитѣ Юрьичу Плодомасову не оставалось ничего болѣе, какъ отпировать со всѣми этими гостями свою свадьбу, и онъ отпировалъ ее, а потомъ отпустилъ каждаго гостя домой съ дорогими подарками.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

БОЯРЫНЯ МАРѢА АНДРЕВНА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Хрустальная вдова.

Послѣ свадьбы Марѣи Андревны протекло полтора десятка лѣтъ. Въ эти годы отошелъ мирно и тихо къ отцамъ старикъ Байцуровъ; къ концу пятнадцатаго года плодомасовскаго брака у Марѣи Андревны родился сынъ Алексѣй, которымъ порадовался укрощенный бояринъ Никита и старушка Байцурова, и вслѣдъ затѣмъ сами они обон, и зять, и свекровь, въ одинъ и тотъ же годъ тоже переселились въ вѣчность.

Не стало у Марѣи Андревны ни отца, ни матери, ни

мужа, она осталась на свѣтѣ молодою тридцатилѣтнею вдовою, съ ослѣпительной красотою, богатимъ состояніемъ, заключавшимся въ трехъ тысячахъ душъ, и съ единственнымъ однолѣтнимъ сыномъ.

Какъ было жить этой молодой вдовѣ, пасивно повѣнчанной пятнадцать лѣтъ тому назадъ съ нелюбимымъ старымъ мужемъ, который, по выраженію ея матери, долженъ былъ ей колодою падать на руку.

Прошлое Марѳы Андревны не давало никакихъ основательныхъ данныхъ для предсказаній, какъ она проведетъ свою остальную жизнь? Марѳа Андревна принадлежала къ идеалу женщинъ мудреца Сократа: она жила такъ, что о ней не находили ничего рассказывать.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили бранку женою боярина Никиты, до того дня, когда мы встрѣчаемъ ее вдовою, въ теченіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ, Марѳа Андревна правила домомъ и властвовала надо всѣмъ имѣніемъ и надъ своимъ старымъ мужемъ, и никого этой властью не озлобила, никому ея не надокучила. Она не забирала власть, а власть сама ей давалась—власть шла къ ней, какъ къ «имущей власти».

Мужъ ея со дня женитьбы своею не выѣзжалъ изъ усадьбы,—онъ одѣлся въ грубую свиту, опоясаясь ремнемъ, много молился и сокрушенно плакалъ. Жена ему была утѣшеніемъ: при ней его меньше терзалъ страхъ смерти и страхъ того, что ждетъ насъ послѣ смерти. Марѳа Андревна защищала его отъ грозъ воображенія, какъ защищала отъ грозъ природы, при которыхъ старый бояринъ падалъ сѣдою головою въ колѣни юной жены и стоналъ: «Защити, защити меня, праведница! При тебѣ меня Божій громъ не ударить».

Для всѣхъ постороннихъ и для своихъ челядинцевъ Плодомасовъ какъ бы нечезъ и не существовалъ. Пятнадцать лѣтъ онъ ни на минуту не забывалъ, что жена его была его спасительницей, и жилъ въ благоговѣйномъ почтеніи къ ея благородному характеру. Онъ во всемъ слушалъ ее и ея мать, сдѣлавшуюся послѣ жены его первымъ другомъ и совѣтникомъ.

На пятнадцатомъ году брака Марѳа Андревна совершила счастье мужа, по которомъ втайнѣ крайне томилась душа старика, но уста и въ молитвѣ счастья того просить не

дерзали; Марѳа Андревна возстановила угасавшій съ ея мужемъ родъ Плодомасовыхъ, она—дала мужу сына.

Этимъ мѣра счастья Никиты Плодомасова была преполнена и остепененный буйнѣ, тихо отходя христіаниномъ въ вѣчную жизнь, еще разъ благословилъ Марѳу Андревну за послѣдній поцѣлуй, которымъ она приняла его послѣднее дыханіе.

Но что же будетъ теперь? Запостъ ли молодая боярыня, пригорюнившись: «Скучно, матушка, весною жить одной?» Нахлынуть ли къ ней, прослышавъ про ея вдовство, молодые бояре и князья, и положить ли она на чью-нибудь молодую грудь свое бѣлое лицо, или запрядетъ Пенслопину пряжу и станетъ исканьями жениховъ забавляться да тѣшиться?

Нѣтъ; не судьба намъ и на этотъ разъ увидать молодую боярыню въ обличеніяхъ сердечныхъ ея слабостей. Идутъ опять длинные годы; прошло снова опять цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, а про вдову Марѳу Андревну и слуховъ нѣтъ. и на славу ея и тѣнь не легла; живетъ она съ сыномъ своимъ хрустальною вдовицею, вся насквозь хрусталемъ свѣтлѣетъ.

Упрекали ее, что она, дома сидя, раньше вѣка состарѣется; но она, слыша порой тѣ упреки, отвѣчала, что матери съ дѣтемъ домосѣдство не въ муку.

Собственная крѣпостная дворня Плодомасовой во всѣ эти годы видѣла свою боярыню въ «распарадѣ» только одинъ разъ за все ея вдовство; это было черезъ три года послѣ рожденія Алексѣя Никитича, когда, по старому обычаю, боярыня предъ всѣмъ собраніемъ домочадцевъ сажала малолѣтняго сына на бѣлаго коня и общалась за него Богу, что сдѣлаетъ изъ него честнаго слугу вѣрѣ и Россіи.

Затѣмъ цѣлыя пятнадцать лѣтъ боярыня Плодомасова опять жила тихохонько. Въ эти пятнадцать лѣтъ она возростила себѣ сокола-сына. Выходила боярыня сына, выходила его и молодцомъ-молодца съ Божьимъ благословеніемъ и материнскою молитвою пятнадцати лѣтъ выслала его въ Питеръ служить государынѣ, слава великихъ дарованій которой вдохновляла и радовала Плодомасову въ ея пустынномъ захолустьѣ.

Соблазняли боярыню слухи о нравахъ дворскихъ и воль-

постяхъ, но она надѣялась, что вложила въ сердце сына добрыя сѣмена.

— Живи чисто! — завѣщала она сыну и твердо надѣялась, что онъ соблюдетъ свою чистоту, какъ она свою соблюдала.— «Это все, что чѣмъ манится,—почасту писывала она сыну въ столицу, — дано Богомъ въ умноженіе рода, да отецъ будешь, а не прелюбодѣй. Помни, что гдѣ двое у грѣха безпечны, тамъ отъ нихъ третій нарождается и будетъ отъ безумныхъ людей безгрѣшно стыдъ терпѣть, а потому блюдись, дабы этого не было».

Въ это время, когда боярыня осталась въ своемъ Плодомасовѣ совсѣмъ одинокою, ей уже минуло сорокъ пять лѣтъ; красота ея отцвѣтала въ ея тихомъ заточеніи, и чистая, ненорочная жизнь укрѣпила за нею названіе «хрустальной вдовы».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Прилетный соколы и домашнее вабиле.

Еще пять лѣтъ прошло мимо, а съ ними боярынь стукнуло пять десятковъ, и она наложила на себя старушечій повойникъ.

Для плодомасовской жизни наступила новая пора.

Никто никогда не видалъ отъ природы чинную и серьезную боярыню, какою всѣ видятъ ее теперь. Она шутлива, весела, радостна: она смѣется съ слугами и подпѣваетъ слегка своимъ сѣннымъ дѣвушкамъ, обряжающимъ давно забытые большіе покои такъ-называемаго «мужского верха».

Да и какъ не быть боярынь шутливой и радостной. когда она, послѣ пятилѣтней разлуки съ единственнымъ сыномъ, ждетъ къ себѣ Алексѣя Никитича на долгую побывку и мечтаетъ, какимъ она его увидитъ бравымъ офицеромъ, въ щегольскомъ расшитомъ гвардейскомъ кафтанѣ, въ крагахъ и въ пудрѣ; какъ онъ, блестящій молодой гвардеецъ блестящей гвардіи, отъ свѣтлаго дворца императрицы перенесется къ старой матери и увидитъ, что и здѣсь не убого и не зазорно ни жить, ни людей принять.

— А тамъ...

Марѣвъ Андревнѣ мерещится вдали свѣтлокая невѣстка, съ кроткими очами, съ плавною поступью, съ вѣрной душою. «И будемъ жить вмѣстѣ, и будетъ и радость, и счастье, и здоровые внуки, и румяныя внучки».

Приготовленія кончены; покои свѣтлы и пышны, какъ брачный чертогъ; спѣшитъ въ нихъ и принцъ сердца боярыни Плодомасовой.

Алексѣй Никитичъ былъ на самомъ дѣлѣ дѣйствительнымъ молодцомъ, и притомъ покорнымъ сыномъ.

За полверсты, не доѣзжая до материнскаго дома, онъ сошелъ къ ручью, улыбся, надѣлъ на себя все парадное платье и предсталъ Марѣ Андревнѣ, какъ она ему о томъ писала въ полкъ, чтобы «пріѣхалъ онъ къ ней и въ добромъ здоровьи, и въ полномъ парадѣ». Онъ сошелъ у материнскаго крыльца, въ парикѣ, съ косою за плечами, въ щегольскомъ гвардейскомъ мундирѣ. Боярыня встрѣтила сына на верхней ступени съ образомъ, съ хлѣбомъ-солью. На глазахъ у нея были слезы: ей хотѣлось скорѣе броситься къ сыну и прижать его къ своей груди, но она этого себѣ не позволила и тѣмъ показала, какъ долженъ вести себя и Алексѣй Никитичъ.

Молодой Плодомасовъ поклонился матери въ ноги, приложился къ образу и постоялъ на коленяхъ, пока мать три раза коснулась его темени хлѣбомъ.

Затѣмъ они зажили. У Плодомасова былъ долгій годовой отпускъ.

Марѣа Андревна, какъ мы видѣли, имѣла намѣреніе женить сына: и тотчасъ, какъ дорогой гость ея немножко у нея обгостился, она начала его понемножку повыспрашивать, какіе онъ имѣетъ собственные насчетъ брака взгляды и планы? Оказалось, что скорый бракъ вовсе не манилъ Алексѣя Никитича.

— Но отчего же такъ, милый другъ мой, ты предпочитаешь долго ходить кавалеромъ?—спрашивала его боярыня.

— Такъ, матушка, влеченія къ брачной жизни еще о себѣ порѣ не чувствую,—отвѣчалъ сынъ.

— А ужъ не маленькій ты, пора бы и чувствовать.

— Да темень, матушка, къ тому же такъ рано въ мои годы изрядные кавалеры и не женятся.

— Для чего же такъ: неужли въ старые годы жениться лучше, чѣмъ въ молодые? А по-моему, что лучше какъ въ молодой вѣкъ жениться, да взять жену по мыслямъ и по сердцу? Въ этомъ Божій законъ, да и любовь сладка къ порѣ да во-время, а что же въ томъ радости, чтобы ста-

рымъ тѣломъ молодой вѣкъ задавить? Злѣй этого обыка для жизни быть не можетъ.

Сынъ промолчалъ, сконфуженный простыми и прямыми словами матери.

А Марѳа Андревна вдругъ ревниво заподозрила: нѣтъ ли у ея сына какой-нибудь тайной зазнобы въ Петербургѣ.

Ловко и тонко, то съ далекими подходами, то съ неожиданной, сбивающей сына съ такту прямизной разспрашивала она его: гдѣ онъ у кого бываетъ въ Петербургѣ, какихъ людей знаетъ, и наконецъ, прямо спросила: а съ кѣмъ же ты живешь?

Плодомасовъ понялъ, что вопросъ материнъ предложенъ не въ прямомъ его смыслѣ, и гвардейская этикетность его и собственная скромность возмутились этимъ безцеремоннымъ вопросомъ.

— Матушка, я въ этомъ еще неповиленъ, — отвѣчалъ, туя глаза, Плодомасовъ.

— Хвалю, — отвѣчала мать: — будь достоинъ чистой невѣсты.

Сконфуженный сынъ жарко поцѣловалъ материну руку.

Марѳу Андревну, которая знала все-таки столичные нравы скатерининскаго вѣка, очень занималъ вопросъ о нравственности сына.

Застѣнчивый и скромный отвѣтъ гвардейца нравился Марѳѣ Андревнѣ чрезвычайно; но она хотѣла удостовѣриться еще точнѣе, что взлелѣянное ею дитя ея действительно непогрѣшимо въ своей чистотѣ, и потому священникъ, отецъ Алексѣй, получилъ порученіе узнать это ближе, а Алексѣю Никитичу вѣрно было гуть же скорѣ послѣ пріѣзда говѣть и пріобщаться.

По окончаніи исповѣди, отецъ Алексѣй, худой, длинный старичокъ, вовсе не питающій, но съ краснымъ носомъ, укрѣпилъ Марѳу Андревну въ этомъ мнѣніи: онъ вошелъ къ ней и благопокорно прошепталъ:

— Дѣвственникъ!

— Это въ нашъ вѣкъ рѣдкость, — произнесла Марѳа Андревна.

— Рѣдко, сударыня, рѣдко.

— Господи, сколь я счастлива! — воскликнула Марѳа Андревна, и въ самомъ дѣлѣ она была необыкновенно счастлива и довольна.

Сынъ дѣлалъ полную честь трудамъ воспитавшей его матери, и блаженная мать души въ немъ не чуяла и еще усугубила къ нему свою нѣжность.

— Тамошній омутъ чистъ перепыль, а ужъ тутъ у меня и замутился не въ чемъ.

И она не отпускала сына отъ себя ни на шагъ, пѣствовала его, нѣжила, хвалила и любовалась имъ и за него радовалась.

И пошла тихо и мирно жизнь въ селѣ Плодомасовѣ. Мать не нарадуется, что видитъ сына, и дни летить для нея, какъ краткія мгновенья. Ей и въ голову не приходитъ освѣдомиться: такъ ли весело въ деревенскомъ уединеніи сыну ея, какъ весело ей отъ единой мысли, что онъ съ нею подъ одной кровлей.

Все, казалось, шло стройно и прекрасно, но вдругъ среди такого семейнаго счастья красавица сѣнная дѣвушка Марѣя Андревна, ходившая за самою боярыней, «спальная покоекка», заскучала, затосковала и потомъ, раздѣвая разъ боярыню, бросилась ей въ ноги и зарыдала.

Марѣя Андревна знала, что значать такіе поклоны въ ея монастырѣ. Строгія брови Марѣя Андревна сдвинулись, глаза сверкнули и губы выразили и гнѣвъ, и презрѣніе. Виновная не поднималась, гнѣвная боярыня стояла, не отнимая у нея своей ноги, которую та обливала горячею слезою.

— И ты это смѣла? ходя за мной за самой, ты не могла себя соблюсти?

— Матушка! голова моя не нынче уже передъ вами на плахѣ!

— Не нынче?

— Матушка... давно... пятый мѣсяць—и дѣвушка опять пала горячимъ лицомъ къ ногамъ боярыни.

— Кайся же, кто? Кто дерзнулъ на тебя?

Дѣвушка молчала.

Три раза боярыня повторила свой вопросъ, и три раза дѣвушка отвѣчала на него только однимъ рыданіемъ.

— Говори: кто? Я прощаю тебя, — произнесла Марѣя Андревна.

Дѣвушка поцѣловала барынины ноги, потомъ руки.

— Тебѣ, какъ ты за мною ходила, то какъ ты ни виновата, что всего этого не чувствовала, но тебѣ за мужикомъ не бѣть.

Дѣвушка опять упала въ ноги.

— Говори, кто тобой виноватъ: холостой пли женатый? Виноватая молчала.

— Говори! если холостой... Богъ васъ простить, но чтобъ завтра же у меня при всѣхъ тебя замужъ просить. Чего ты водишь глазами? Олышишь, перестань, тебѣ говорю: я не люблю, кто такъ страшно взглядываетъ. Иди, и чтобъ онъ завтра тебя себѣ замужъ просить, а не то велю ему лобъ забрить.

Дѣвушка отчаянно ударила себя въ грудь и воскликнула:

— Этому быть нельзя!

— Что ты такое врешь! знать я не хочу и велю, чтобъ было, какъ приказываю.

Дѣвушка отчаянно закачала головой и воскликнула:

— Господи, Господи! да научи же меня, какъ мнѣ слово сказать и покаяться!

— Холостой... По любви съ нимъ сошлась... и нельзя имъ жениться!—быстро сообразила Марѳа Андревна и, въ негодованіи оттолкнувъ отъ себя дѣвушку, крикнула:—Сейчасъ же скажи его имя: кто онъ такой?

— Охъ, да никто! - отвѣчала, терзаясь, дѣвушка.

— Никто?.. Какъ это никто? что жъ это въ банѣ, что ли, къ тебѣ пристало?

Дѣвушка стояла на колѣняхъ и, поникнувъ головою, молчала.

Марѳа Андревна сѣла въ кресла и снова вспрыгнула, сама надѣла на свои ноги шитые золотомъ босовички и, подойдя къ дѣвушкѣ, высоко подняла ея лицо за подбородокъ и, взглянувъ ей прямо въ глаза, проговорила:

— Хотя бы то сынъ мой родной, я это сейчасъ знать желаю, и ты не смѣешь меня ослушаться!

И метаясь подъ пронизающимъ взоромъ своей чистой боярыни, дѣвушка въ терзаніяхъ и мукахъ шопотомъ отвѣчала:

— *Онъ!*

Этого сюрприза Марѳа Андревна не ожидала... Омуть переплыть, а на чистой водѣ осѣтился.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

По дѣламъ воздаяніе.

Марѳа Андревна была ужасно оскорблена этимъ поступкомъ сына, и притомъ въ ней боролось теперь множество чувствъ разомъ.

Передъ ней вдругъ возсталъ во весь ростъ свой покойный Никита Юрычъ: — не тотъ Никита Юрычъ, который доживалъ возлѣ нея свои послѣдніе годы, а тотъ бояринь-разбойникъ, который загубилъ нѣкогда ея красу дѣвичью и который до встрѣчи съ нею не зналъ ничего святого на свѣтѣ. «Вотъ онъ, и этотъ по отцовымъ стопамъ начинается, — мнилось бояринь: — дѣвичья честь не завѣтъ ему и материнъ домъ не негнѣнный куть: идти на все, что мескъ невзвезданный... Нѣтъ, не должно мнѣ это спустить ему, — иначе его злообычіе въ немъ коренать станетъ! Нѣтъ, у сего начала растеть золь конецъ».

— Иди! — сказала она покоевкѣ и, указавъ ей рукою на дверь, сама опустилась въ кресло у кровати и заплакала.

Оставшись одна, Марѳа Андревна искала теперь въ своемъ умѣ рѣшенія, что она должна сдѣлать? какъ ей поступить? Рѣшеніе не приходило, и Марѳа Андревна легла спать, но не спала. Рѣшеніе не приходило и на другой день, и на третій, и Марѳа Андревна цѣлыхъ три дня не выходила изъ своей комнаты и не пускала къ себѣ сына.

Этого не бывало еще съ Марѳою Андревной никогда, и никто въ цѣломъ домѣ не зналъ, чему приписать ея упорное затворничество.

Къ ней подъ дверь подсылали приближенныхъ слугъ, подходили и заводили съ ней разговоръ и молодой баринъ, и священникъ отецъ Алексѣй; но Марѳа Андревна никому не отвѣчала ни одного слова и только рѣзкимъ, сердитымъ постукиваньемъ въ дверь давала чувствовать, что она требуетъ, чтобы ее оставили.

На четвертый день Марѳа Андревна сама покинула свое заточеніе. Въ этотъ день люди увидѣли, что боярыня встала очень рано и прошла въ садъ въ одномъ темненькомъ капотѣ и шелковомъ повойничкѣ. Тамъ, въ саду, она пробыла одна-одинѣшенька около часу и вышла оттуда, заперши за собою на замокъ ворота и опустивъ ключъ въ карманъ своего капота. Къ господскому обѣду въ этотъ день былъ приглашенъ отецъ Алексѣй.

Марѳа Андревна вышла къ столу, но не кушала и съ сыномъ не говорила.

Послѣ обѣда, когда вся домашняя челядь, кто только гдѣ могъ найти удобнѣе мѣстечко и свободную минуту, уснули по

темнымъ уголкамъ и закоулочкамъ обширнаго дома, Марѳа Андревна встала и сказала отцу Алексѣю:

— Пойдемъ-ка, отецъ, со мною въ садъ, походимъ.

— Пойдемъ и ты, -- заключила она, оборотись на ходу къ сыну.

Марѳа Андревна шла впередъ, священникъ и сынъ за нею.

Плодомасова прошла дворъ, отперла садовую калитку и, вступивъ въ садъ, замкнула снова ее за собою.

Садомъ боярыня прошла тихо, по направленію къ пустой банѣ. Во всю дорогу Марѳа Андревна не говорила ни съ сыномъ, ни съ священникомъ и, дойдя до цѣли своего нѣсколько таинственнаго путешествія, сѣла на завалинку подъ однимъ изъ банныхъ оконъ. Около нея съ одной стороны присѣлъ отецъ Алексѣй, съ другой — опустился-было гвардейскій поручикъ.

— А ты, поросенокъ, передъ матерью можешь и постоять!—вдругъ оттолкнула сына Марѳа Андревна.

— Стань!—повторила она изумленному молодому человѣку и затѣмъ непосредственно обратилась къ нему съ вопросомъ:

-- Кто тебѣ далъ эти эполеты?

— Государыня императрица, — отвѣчалъ Плодомасовъ.

— Сними же и положи ихъ сюда на материны колѣни.

Недоумѣвающій поручикъ гвардіи безропотно исполнилъ материнское требованіе.

— Ну, теперь, — сказала ему Марѳа Андревна: — государынь императрицѣ до тебя болѣе дѣла нѣтъ... Чтò ею тебѣ жаловано, того я на тебѣ безчестить не смѣю, а безъ царскаго жалованья ты моя утроба.

Съ этимъ она взяла сына за руку и, передавая отцу Алексѣю, проговорила:

— Отдаю тебѣ, отецъ Алексѣй, непокорнаго сына, который оскорбилъ меня и самъ свою вину знаетъ. Поди съ нимъ туда.

Она указала черезъ плечо на баню.

— Туда, — повторила она черезъ минуту: -- и тамъ... накажи его тамъ.

— Поснизойдите, Марѳа Андревна! — ходатайствовалъ священникъ.

— Не люблю я, не люблю, поплъ, кто не въ свое дѣло мѣшается.

— Позволь же тебѣ, питательница, доложить, что, вѣдь, онъ слуга царскій, — убѣждалъ священникъ.

— Материнъ сынъ прежде, чѣмъ слуга: мать отъ Бога.

— И къ тому же онъ въ отпускъ... на отдохновеніе къ тебѣ прибылъ.

— Церестань пусторѣчь: я все не хуже тебя знаю, дуракамъ и въ алтарѣ не спускаютъ: иди и дѣлай, что сказано.

Священникъ не зналъ опять, чѣмъ бы еще затруднить дѣло.

— Да вотъ я и лозы къ сему пригодной для наказанія не имѣю.

— Иди, куда велю; тамъ все есть.

— Ну, пожалуйста ея волю исполнить, — пригласилъ отецъ Алексѣй поручика.

Плодошасовъ молча поклонился матери въ ноги и молча пошелъ въ баню за отцомъ Алексѣемъ.

Тамъ, на верхней полкѣ, лежалъ большой пукъ березовыхъ прутьевъ, нарѣзанныхъ утромъ собственными руками Марѳы Андревны и крѣпко связанныхъ шелковымъ пояскомъ, которымъ она подвязывала въ сырую погоду юбки.

— Мы вотъ какъ поступимъ, — заговорилъ тихонько, вступивъ въ баню, отецъ Алексѣй: — вы, ваше благородіе, Алексѣй Никитичъ, такъ здѣсь за угломъ стойте, да какъ мога послушнѣе голосомъ своимъ блекочите, а я буду лозой по доскамъ ударять.

— Нѣтъ, не надо, я мать обманывать не хочу, — отвѣчала офицеръ.

— А вотъ это тебѣ, отецъ Алексѣй, и стыдно! Раздумайка, хорошо ли ты сына матери солгать учишь! — отозвалась вдругъ изъ-за окна разслышавшая весь этотъ разговоръ Марѳа Андревна. — Дурно это, попъ, дурно!

Сконфуженный отецъ Алексѣй поникъ головою и, глядя на лозу, заговорилъ:

— Да помилуй меня, легконошца: не могу... руки мои трепещуть... меня большая жаль обдержитъ! Отмѣни ему сіе наказаніе хоша за его благопокорность!

— А ты жалѣй да дѣлай, — отвѣчала изъ-за огна непреклонная Марѳа Андревна. — Кто съ холопами въ одной повадѣ живетъ, тотъ въ одной стати съ ними и наказуется.

— Совершимъ по реченному, — прошептала, вздохнувъ,

отецъ Алексѣй и, засучивъ широкой рукавъ рясы, началъ, плчто же сумняся, съчь поручика Плодомасова и сѣкъ до тѣхъ поръ, пока Марѳа Андревна постучала своей палочкой въ окно и крикнула: «довольно!»

— Наказаль.—объявилъ, выйдя, священникъ.

Марѳа Андревна не отвѣтила ему ни слова. Она была взволнована, потрясена и почти убита. Ей жаль было сына и стало еще жалче послѣ его покорности, возбранявшей ему обмануть ее въ опредѣленномъ ею наказаніи. Она стыла, зѣбла, умирала отъ немощи и страданья, но хранила нѣмое молчаніе.

Передъ Марѳою Андревну предсталъ наказанный ею сынъ и поклонился ей въ ноги.

Марѳа Андревна вспыхнула. Видъ виновника ея и его собственныхъ страданій возмутилъ ее, и она ударила его въ это время по спинѣ своей палочкой и далеко отбросила эту палочку въ куртину.

Алексѣй Никитичъ поднялъ брошенную матерью палочку, подаль ее Марѳѣ Андревнѣ и опять поклонился ей въ ноги.

Марѳа Андревна опять ударила его тѣмъ же порядкомъ и опять швырнула отъ себя палку.

Сынъ снова всталъ, нашелъ палку, снова подаль ее своей матери и снова легъ ей въ ноги.

Марѳа Андревна тронула его въ голову и сказала: «встань!»

Алексѣй Никитичъ поднялся, поцѣловаль материну руку, и всѣ трое пошли домой послѣ этой прогулки.

Разумѣется, все, что произошло здѣсь, навсегда осталось неизвѣстнымъ никому, кромѣ тѣхъ, кто принималъ въ этомъ непосредственное участіе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Зазвучали другія струны.

Марѳа Андревна, наказавъ такъ несообразно взрослога сына, изнемогла и духомъ, и плотью. Цѣлую ночь, смѣнившую этотъ тягостный день, она не могла уснуть ни на минуту: она все ходила, плакала, молилась Богу и жаловалась Ему на свое сердце, на свой характеръ: потомъ падала ницъ и благодарила Его за дарованіе ей такого покорнаго такого добраго сына!

Часа въ три послѣ полуночи, въ пору общаго глубокаго сна, Марѳа Андревна спустилась тихонько съ своего женскаго верха внизъ, перешла длинныя ряды пустыхъ темныхъ комнатъ, взшла тише вора на «мужской верхъ», подошла къ дверямъ сыновней спальни, стала, прислонясь лбомъ къ ихъ створу, и заплакала. Битый часъ она тихо, какъ изваянная изъ камня, стояла здѣсь, тихо всхлипывая и прерывая свои слезы, лишь только для того, чтобы, прислонясь ухомъ къ двери, послушать, какъ дышитъ обидно наказанный ею снѣщій сынъ ея. Наконецъ, кипѣвшія въ груди ея благодатныя слезы облегчили ее. Она перекрестила нѣсколько разъ сынову дверь, поклонилась ему у порога лицомъ до земли, прошептала сквозь слезы: «прости, мое дитя, Христа ради», и отошла. Во всю обратную дорогу къ своей опочивальнѣ она шла тихо, плачущи въ свой шейный платокъ.

Марѳѣ Андревнѣ пришлось невозмугу: у нея силъ не ставало быть одной; ей бы хотѣлось взойти къ сыну и поцѣловать его руки, ноги, которыя представлялись ей такими, какими она цѣловала ихъ въ его колыбели. Она Богъ знаетъ что дала бы за удовольствіе обнять его и сказать ему, что она не такая жестокая, какою должна была ему показаться; что ей его жаль; что она его прощаетъ; но повести себя такъ было несообразно съ ея правомъ и правилами.

А между тѣмъ сердце не слушалось этихъ правилъ: оно все безпокойнѣе и неумолчнѣе молило дать ему излиться въ нѣжности и ласкѣ.

А кому иному, если не ему, можно было бы отдать эту потокомъ рвущуюся ласку? Но нѣтъ. — ему показать свою слабость она не можетъ.

Марѳа Андревна подумала и, не доходя до своей спальни, вдругъ повернула съ прямого пути и стала тихо взбираться по скрипучимъ ступенямъ деревянной лѣстницы въ верхнюю дѣвичью. Тихо, задыхаясь и дрожа, какъ осторожный любовникъ, отыскала она среди спящихъ здѣсь женщинъ сынову фаворитку, закрыла ладонью ей ротъ, тихо шепнула: «иди со мной!» и увела ее къ себѣ за рукавъ сорочки.

Марѳа Андревна впервые въ жизни ходила со страхомъ по своему собственному дому, — впервые боялась она, чтобы ее кто-нибудь случайно не увидать и не подслушать.

Приведа дѣвушку къ себѣ въ опочивальню. боярыня посадила ее на свою кровать и крѣпко сжала ее руками за плечи.

Дѣвушка порывалась встать.

— Сиди! сиди! — страстно и скоро шептала ей Марѳа Андревна, и съ этимъ, повернувъ ее лицомъ къ лампадѣ, начала гладить ее по головѣ, по лицу и по молодымъ атласнымъ плечамъ. а съ устъ ея летѣли съ лаской слова: «Хорошенькая!.. нинь, какая хорошенькая! Ты прехорошенькая!.. мнѣ тебя жаль!» — вырвалось вдругъ громко изъ устъ Марѳы Андревны, и она ближе и ближе потянула красавицу къ свѣту лампы, передвинула нѣсколько разъ передъ собою изъ стороны въ сторону лицо и обнаженный бюстъ дѣвушки, любуясь ею при разныхъ тонахъ освѣщенія, и, вдругъ схвативъ ее крѣпко въ свои объятія, шепнула ей съ материнскою страстностью: «Мы вмѣстѣ, вмѣстѣ съ тобою... бережемъ что родится!»

Съ этимъ Марѳа Андревна еще тѣснѣе сжала въ объятіяхъ дѣвушку; а та какъ навилкикой обвила алебастровыми руками сухую боярынину шею, и онѣ обѣ зарыдали и обѣ цѣловали другъ друга. Разницы общественнаго положенія теперь между ними не было: любовь все это сгладила и объединила.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Бабушка воровить своему внучку.

Виповница этихъ скорбей и этихъ радостныхъ слезъ Марѳы Андревны была такъ умна, что никому не дала ни одного намека о перемиѣнѣ, происшедшей въ ея положеніи. Марѳа Андревна это замѣтила, и расположеніе ея къ крѣпкой фавориткѣ сына увеличилось еще болѣе.

— Ты неглупая дѣвка, — сказала она покоевкѣ, когда та одинъ разъ ее одѣвала, но, слѣдуя своей строгой системѣ сдержанности, съ тѣхъ поръ все-таки долгое время не обращалась къ ней ни съ какими нѣжностями. Это, по соображеніямъ Марѳы Андревны, должно было идти такъ, пока она не дастъ всѣмъ дѣламъ новаго направленія. Новое направленіе было готово.

Марѳа Андревна не стѣснялась тѣмъ, что срокъ годовому отпуску сына еще далеко не истекъ, и рѣшила отправить Алексѣя Иикитича въ Петербургъ немедленно.

— Я вижу,—сказала она:—что тебѣ съ матерью скучно и ты не умѣешь держать себя въ деревнѣ... Въ деревнѣ надо трудиться, а то здѣсь много и безъ тебя дворянскихъ пастуховъ болтается. Ступай лучше маршируй и служи своей государынѣ.

Сынъ повиновался и этому распоряженію матери безпрекословно, какъ повиновался онъ всѣмъ вообще ея распоряженіямъ.

День отъѣзда Алексѣя Никитича былъ назначенъ и наступилъ.

Во время служенія въ залѣ напутственнаго молебна по случаю отъѣзда сына. Марѣа Андревна стояла на колѣняхъ и моргала, стараясь отворачиваться, какъ будто отдавая приказанія стоявшей возлѣ нея ключницѣ. Она совладѣла съ собою и не заплакала. Но зазвенѣвшій во время завтрака у крыльца поддужный колокольчикъ и бубенцы ее срѣзали: она подскочила на мѣстѣ и взялась за бокъ.

— Что съ вами, матушка?—спросилъ ее сынъ.

— Колеть меня что-то. — отвѣчала она и, сейчасъ же обратясь къ отцу Алексѣю, добавила:—я замѣчаю, что, какъ будто простудилась, когда мы съ тобой, отецъ Алексѣй, на току опытъ молотили.

— До бѣды, Марѣа Андревна, развѣ долго? — отвѣчалъ отецъ Алексѣй, кушая жареную въ сметанѣ печенку.—Все вдругъ, государыня, можетъ быть. Я тоже намеренъ пошелъ ночью лошадокъ загарнуть, на задворкѣ, а большой вѣтеръ былъ, — и пригнулся, чтобъ дверь за собою притворить, а сивуха моя какъ меня шарахнетъ въ поясицу, такъ я насплу вылолзъ, и даже еще по сей часъ этотъ бокъ садитъ.

Марѣа Андревна остановила рѣчь пона взглядомъ и стала благословлять сына, а когда тотъ поклонился ей въ ноги, она сама нагнулась поднять его и, поднимая, шепнула:

— Служи тамъ какъ надобно, а я здѣсь свою кровь не забуду.

Алексѣй Никитичъ Плодомасовъ опять поѣхалъ въ блистательную скатернинскую гвардію, а Марѣа Андревна опять осталась одна-однѣшенька въ своей Плодомасовкѣ.

Первымъ дѣломъ Марѣы Андревны, проводи сына, было приласкать оставленную имъ спроту-фаворитку. При сынѣ

она не хотѣла быть потворицей его слабостей; но чуть онъ уѣхалъ, она сейчасъ же взяла дѣвушку къ себѣ на аптресоли и посадила ее за подушку плетъ кружева, наказавъ строго-настрого ничѣмъ себя не утруждать и не насилловать.

Милости боярыни къ виновной дѣвушкѣ вводили всю домашнюю челядь въ недоумѣніе. У многихъ зашевелилась мысль поделужиться по поводу этой исторіи барынѣ и поустроить посредствомъ этой подслуги свое собственное счастье. Любимый поваръ Марѳы Андревны первый сдѣлалъ на этотъ предметъ первую пробу. Въ одинъ вечеръ, получивши приказаніе насчетъ завтрашняго стола, онъ прямо осмѣлился просить у Плодомасовой позволенія жениться на этой дѣвушкѣ.

Онъ ждалъ за нею приданого и милостей.

Марѳа Андревна только завязала ему дурака и отпустила.

Попробовалъ этого же счастья просить у нея другой — смѣлый челоуѣкъ, садовникъ, а за нимъ третій — портной; но къ этимъ Марѳа Андревна уже не была такъ снисходительна, какъ къ повару, а прямо сказала имъ:

— Я эти ваши холопскія хитрости вижу и понимаю, чѣмъ вамъ сладка эта дѣвка! А впередъ подобныхъ рѣчей чтобъ я ни отъ кого не слыхала.

Марѳа Андревна безотступно берегла дѣвушку, и когда той доходилъ седьмой мѣсяць, Плодомасова сама собственными руками начала кроить свивальники, распашеночки и шапочки. Онѣ все это шили вдвоемъ у одного и того же окна, обыкновенно молча, и обѣ думая обѣ Алексѣѣ Никитчѣ. Разговоровъ у нихъ почти никакихъ не было; и Марѳа Андревнѣ это было не трудно, потому что она въ тридцать лѣтъ одинокой или почти что одинокой жизни привыкла къ думѣ и молчанью.

— Прибери! — говорила только Марѳа Андревна своей собесѣдницѣ, подавая ей дошитую дѣтскую шапочку или свивальникъ.

Дѣвушка брала вещь, цѣловала съ теплѣйшей благодарностью барынину руку, и онѣ обѣ опять начинали молча работать.

Наконецъ дѣтскаго приданого наготовлено было очень много: больше уже печего было и готовить.

Марѳа Андревна обратилась къ другимъ гораздо болѣе важнымъ заботамъ объ участи ожидаемаго ребенка.

Плодомасова позвала къ себѣ отца Алексѣя и велѣла ему писать подъ свою диктовку: «Во имя Отца и Сына и св. Духа».

— Это что будетъ, государыня Марѳа Андревна?—спросилъ отецъ Алексѣй.

— А моя духовная, — отвѣчала боярыня и продолжала излагать свою волю, что всю свою законную часть изъ мужниного имѣнiя, равно какъ и имѣнiе отъ ея родителей, ею унаслѣдованное, она, въ наказанiе сыну своему Алексѣю, не думавшему объ участи его незаконнаго младенца, завѣщаетъ ребенку, который такого-то года, мѣсяца и числа долженъ родиться отъ ея крѣпостной сѣнной дѣвушки такой-то. А помимо сего награжденiя, отъ нея тому младенцу по праву ея даримаго, она клятвою сына своего обязываетъ отдать тому младенцу третiю часть и изъ его собственной доли, ибо симъ грѣхъ его безопасности о семь младенцѣхъ хотя частiю искупленъ быть можетъ. Марѳа Андревна подписала свою волю; отецъ Алексѣй ее засвидѣтельствовалъ и унесъ въ алтарь своей церкви.

Одновременно съ этимъ Силуянъ, дворецкiй Марѳы Андревны, былъ посланъ добывать ожидаемому новорожденному неизвѣстнаго пола дворянское имя и вернулся съ доброю вѣстью. — Имя было припасено.

Боярыня Плодомасова была успокоена, и внуку ея оставалось только родиться на судьбу, уже навороженную его бабушкой.

Но въ это время съ Марѳой Андревной случилось неожиданное и ужасное происшествiе: ее постигло роковое испытанiе всѣмъ ея силамъ и крѣпостямъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Домашнiй воръ.

Марѳа Андревна, живучи одна въ своемъ огромномъ домѣ, постоянно держалась болѣе одиѣхъ антресолей. Тамъ у нея были комнаты низенькiя, уютныя, съ большими образниками, съ теплыми, широкими лежанками изъ пестрыхъ саксонскихъ кафель, съ гуслями изъ корельской березы и съ рядомъ большихъ длинныхъ сундуковъ, тяжело окованныхъ желѣзомъ и мѣдью. Здѣсь была постоянная спальня

Марья Андревна и ея образная, а съ осени боярыня почти совсѣмъ закупоривалась на цѣлую зиму на антресоли, и вышка эта дѣлалась исключительнымъ ея мѣстопробываніемъ во всѣ дни и ночи. Старухѣ и на антресоляхъ было не тѣсно, — и вправду, здѣсь было столько помѣщенія, что свободно размѣщались всѣ подручные покойки: и спальный, и образной, и столовый, и пріемный залецъ съ фортушкой, на которой боярыня игрывала съ отцомъ Алексѣемъ, и гардеробная, и пялечная, — словомъ, все, что нужно для помѣщенія одинокой старухи, и здѣсь Марья Андревна было пріятнѣе и веселѣе, чѣмъ въ пустыхъ большихъ покояхъ.

— Волковня это у меня, а не домъ. — говаривала, бывало. Марья Андревна, проходя иногда съ кѣмъ-нибудь по своимъ большимъ нижнимъ pokojамъ: — ишь, куда ни глянешь, хоть волковъ пугай, пусто.

Большіе покои тяготили Марью Андревну своей пустотой, и она сходила въ нихъ рѣдко, только при гостяхъ, которые тоже посѣщали ее очень рѣдко, или въ другихъ какихъ-нибудь экстренныхъ случаяхъ, встрѣчавшихся еще рѣже. Большіе покои нижняго этажа цѣлые зимніе дни спали, но зато оживлялись съ большою энергіею ночью. Это было оживленіе совершенно особенное, напоминавшее слегка то, что бываетъ будто на Лысой горѣ на шабашѣ.

Внизу зимой жили только сѣнныя дѣвушки, да орава лакеевъ. Дѣвушки спѣли здѣсь на звонкихъ донцахъ за прятками по своимъ дѣвичьимъ, а лакеи -- въ большой и въ малой переднихъ, одни за картами, а другіе, кто потруделюбивѣе и подомовитѣе, за визаньемъ чулокъ и перчатокъ. Гостиныя же, залы, столовыя и наугольныя покои были, какъ сказано, постоянно пусты во весь день до вечера и навѣщались только набродными номадами по ночамъ. Когда на плодомасовскія небеса спускалась ночь и въ боярскомъ домѣ меркли послѣдніе огни, между лакейскими и дѣвичьими начиналось таинственное сообщеніе. Съ той и съ другой стороны ночные бродяги и бродяжки, какъ мураши-сладены, расплозились по всѣмъ pokojамъ барскаго дома; здѣсь они встрѣчались и справляли свой шабашъ на пушистыхъ коврахъ и диванахъ.

Шумъ, поднимаемый въ нижнихъ большихъ pokojахъ плодомасовскаго дома, бывалъ иногда столь неостороженъ, что будилъ самой, сиящую на антресоляхъ Марью Андревну;

но какъ подобный шумъ былъ для Марѳы Андревны не новость, то она хотя и сердилась за него понемножку на своихъ челядинцевъ, но никогда этимъ шумомъ не тревожилась и не придавала ему никакого особаго значенія.

Развѣ когда уже очень вѣзмъ этимъ Марѳу Андревну допекали, и ей не спалось, то она рѣшалась принимать какія-нибудь мѣры противъ этого безчинства, но и то скорѣе для потѣхи, чѣмъ для строгости. Боярыня вставала, сходила тихонько внизъ и обходила съ палочкой домъ. Тогда, зачуявъ издали ея приближеніе, одни притаивались по угламъ, другіе, не помня себя, опрометью летѣли во всѣ стороны, какъ куропатки.

Въ большую часть подобныхъ своихъ ночныхъ обходовъ Марѳа Андревна возвращалась къ себѣ безъ всякаго уснѣха, только, бывало, распугаетъ развѣ свою праздную челядь. Но иногда случалось иное. Случалось, что Марѳа Андревнѣ попадалась за рукавъ какая-нибудь дѣвушка, и Марѳа Андревна вела эту ночную бродяжку къ себѣ за ухо, ставила ее передъ образикомъ на колѣни на мѣшочекъ, насыпанный гречею, и, усѣвшись сама на сундучокъ, заставляла грѣшницу класть земные поклоны, опредѣляя число ихъ сотнями, а иногда даже тысячей. Этимъ, впрочемъ, все наказаніе и кончалось. Марѳа Андревна терпѣть не могла. если дѣвушка была съ прибылью или просилась замужъ, но такъ-называемое «гулянье» считала необходимымъ зломъ, которое и преслѣдовала только болѣе для порядка. Таковъ былъ духъ времени.

Съ сына она взыскала строго за оскорбленіе ея дома, за то, что онъ посягнулъ на дѣвушку, которая ходила за самою ею, Марѳой Андревной, а болѣе же всего за то, что онъ ея сынъ, который, по ея понятіямъ, долженъ былъ быть не тѣмъ, чѣмъ могли быть рабы.

По отношенію къ рабамъ Марѳа Андревна была далеко снисходительнѣе. Она и въ обходы-то свои пускалась, какъ сказано, только во время безсонницъ, и то словно для развлеченія, какъ на охоту. А то Марѳа Андревна, сколь бы ей ни докучали, едва замѣчала ключницъ: ты бы, мать моя, ночью-то хоть иной разъ посматривала за крысами.

— За какими, матушка, крысами?—освѣдомлялась ключница.

— Да вонъ за рукастыми, да ногастыми, что по перед-

нимъ снять. Скажи имъ, что ужь я когда-нибудь къ нимъ сойду, такъ плохо имъ будетъ.

Ключница сказывала, и крысы какъ будто унимались, но ненадолго, и черезъ нѣкоторое время опять начиналось то же шнырянье.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Незванные гости.

Домъ боярыни Марѣи Андревны, хотя былъ населенъ очень людно, но въ нравахъ этого населенія подъ старость лѣтъ боярыня начинала господствовать большая распушенность. Домъ въ ночное время содержался неопасливо, и хотя время тогдашнее было не безпечно, но въ домѣ Плодомасовой почти никакой осторожности противъ вѣшнихъ напастей не наблюдалось. Здѣсь все вмѣстѣ, какъ и каждый порознь, были увѣрены, что ихъ очень много и что они «шапками всехъ закидаютъ», а эта политика шапокъ, хотя и бойка, но, какъ извѣстно, не всегда хорошо себя оправдываетъ. Такъ это и случилось въ плодомасовскомъ домѣ, который слытъ богатымъ и который, по тогдашнимъ смутнымъ временамъ, можетъ-быть, слѣдовало оберегать гораздо потщательнѣй, чѣмъ онъ оберегался. Народъ бредилъ пугачевщиной; вездѣ шатались шайки мужиковъ и холоповъ, взманенныхъ популярными усиѣхами Пугачева; они искали добычи, а плодомасовскій домъ обѣщаль этой добычи цѣлыя горы.

Въ ноябрѣ, въ самую несчастную дождливую темень, въ самую глухую полночь Марѣи Андревнѣ показалось, что у нея внизу дома происходитъ цѣлая свалка. Шумъ, порою достигавшій оттуда до ея слуха, былъ такъ смѣлъ и дерзокъ, что боярыня уже хотѣла встать и сойти, или послать внизъ спавшую въ смежномъ съ нею покоѣ фаворитку Алексеѣя Никитича; но самой Марѣи Андревнѣ нездоровилось, а будить непорожнюю женщину и гонять ее по лѣстницѣ боярыня пожалѣла. Въ этихъ соображеніяхъ Марѣи Андревны рѣшилась оставить разборъ дѣла до завтра: обернула голову теплымъ одѣяломъ и уснула.

Но вотъ слышится Марѣи Андревнѣ, будто кто-то трогаетъ дверь на лѣстницу внизу. Крѣпкая, дверь хорошо заперта и не отворится, а Марѣи Андревнѣ опять спится и снова ей слышно, что по комнатамъ будто кто-то ходитъ.

Полежала Марѳа Андревна еще съ минуточку, и вдругъ ей кажется, что вокругъ нея будто вѣтеръ вѣетъ, а кромѣ вѣтра, по ея покоямъ ходятъ и живые люди. Марѳа Андревна совѣмъ проснулась и покричала дѣвушку, но отвѣта не было. Тогда она, удивленная, встала сама, надѣла босовички и вышла. И что же Марѳа Андревна увидала? она увидала, что прямо противъ нея, въ другой комнатѣ, на сундукѣ лежитъ дѣвушка, та самая, которою грѣшенъ былъ Алексѣй Пикитичъ, и лежитъ она очень странно и неестественно — лежитъ вся навзничъ, руки подъ спиною, а на рту платокъ.

Какъ ни смѣла и подчасъ ни находчива была Марѳа Андревна, но здѣсь она ничего не могла вдругъ сообразить и придумать. А между тѣмъ для удивленія Марѳы Андревны, кромѣ горящей свѣчи и связанной дѣвушки, приготовлены были и нѣкоторыя другія новины: какъ разъ противъ вторыхъ дверей Плодомасова увидала молодець къ молодцу человекъ двадцать незнакомыхъ людей: рожа рожи страшнѣе, ножи за поясами, въ рукахъ у кого ломъ, у кого топоръ, у кого ружья, да свѣчи.

«Что это такое? видѣніе, что ли?» — подумала Марѳа Андревна; но врывавшійся въ окно вѣтеръ съ дождемъ и еще двѣ рожи, глядѣвшія въ выбитое окно изъ черныхъ вѣтвей растущей подъ самыми окнами липы, пронесли мигомъ послѣдніе просонки боярыни.

— Это, пожалуй, и Пугачъ! — рѣшила она и торопливо накинувъ на плечи шубунъ, вышла и стала на порогѣ двери.

Домъ Плодомасовой посѣтили небольшой отдѣлъ разбойничьей шайки. Шайка эта, зная, что въ домѣ Плодомасовой множество прислуги, между которой есть не мало людей очень преданныхъ своей госпожѣ, не рисковала напасть на домъ открытою силою, а дѣйствовала воровски. Разбойники прошли низомъ дома, кого заперли, кого перевязали и, не имѣя возможности проникнуть наверхъ къ боярынкѣ безъ большого шума черезъ лѣстницу, проникли къ ней въ окно, къ которому какъ нельзя болѣе было удобно подниматься по стоящей здѣсь старой черной липѣ.

Марѳа Андревна недолго стояла въ своемъ наблюдательномъ созерцаніи: разбойники ее замѣтили и сейчасъ же, однимъ ударомъ приклада, сшибли ее съ ногъ, бросили на полъ и тоже завязали ей ротъ. При ея глазахъ, взлამы-

вали ея сундуки, забирали ея добро, визали все это въ узлы и выкидывали за окно прямо на землю или передавали на веревкахъ темнымъ страшнымъ людямъ, которые, какъ вѣроны, сидѣли въ вѣтвяхъ черной лины и утаскивали все, что имъ подавали.

Вѣтеръ вылъ и заносилъ въ комнату брызги мелкаго осенняго дождя; свѣчи у разбойниковъ то вспыхивали широкимъ краснымъ пламенемъ, то гасли, и тогда снова поднимались хлопоты, чтобы зажечь ихъ. Марѳа Андревна лежала связанная на полу и молча смотрѣла на все это безчинство. Она понимала, что разбойники пробрались на ея антресоли очень хитро и что путь этотъ непременно былъ указанъ имъ кѣмъ-нибудь изъ своихъ людей, знавшихъ всѣ обычаи дома, знавшихъ все его размѣщеніе, всѣ его ходы и выходы.

Лежа на полу, Плодомасова старалась сквозь мелькавшія у ея лица грязныя сапожищи разбойниковъ разглядывать разбойничьи лица и, наконецъ, въ одномъ изъ нихъ узнала своего слугу Ваньку Жорнова.

Марѳа Андревна ясно припомнила, что она очень недавно видѣла это лицо въ своихъ покояхъ, и удивилась, увидавъ его теперь чуть не атаманомъ этого отдѣла разбойничьей шайки.

Въ печальномъ положеніи Марѳы Андревны не представлялось никакой возможности уйти внизъ, гдѣ она еще могла ожидать хоть какую-нибудь помощь; да и то, думала она, Богъ знаетъ, помощь эта станетъ ли на ея сторону, или на сторону Ваньки Жорнова.

Въ тѣ времена ни на какое старое добро, ни на какую защиту отъ своей челяди помѣщики не надѣялись.

Марѳа Андревна, пожалуй, болѣе, чѣмъ многіе другіе, могла положиться на любовь своихъ челядинцевъ, съ которыми она всегда была справедлива и милостива, но тогда и правда и милость не цѣнились и не помнились. «Добрую барыню» въ самарскомъ уѣздѣ мужики и плачущи повѣсили на ракиту. Да Марѳа Андревна это было почти все равно: на ея ли сторону стала бы ея челядь, или на сторону разбойниковъ и предводившаго ими Ваньки Жорнова,—все равно: ей внизъ съ своихъ антресолей теперь не добратся.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Пытка.

Марѳа Андревна, не видя ни малѣйшей надежды къ спасенію, отвернулась отъ картины разбоя и стала приготовляться къ смерти. Сундуки и укладки ея были опорожнены и все, что въ нихъ вмѣщалось, повышвырено за окно. Въ покояхъ оставалось уже очень немного, надъ чѣмъ бы стоило еще поработать. Последнее вниманіе разбойниковъ пало на одинъ желѣзный сундукъ, привертнутый черезъ мѣдныя шайбы винтами къ полу и запертый изнутри хитрою стальною пружиною. Ни одинъ ломъ, ни одинъ топоръ не бралъ этого заманчиваго сундука. По той тщательности, съ которою сундукъ этотъ былъ укрѣпленъ и запертъ, разбойники не сомнѣвались, что въ немъ-то и должны заключаться всѣ нацѣвнѣйшія богатства домовитой боярыни. А сундукъ этотъ только-что былъ Марѳой Андревной перебранъ прошедшимъ вечеромъ, и въ немъ не было ничего, кромѣ дѣтскаго бѣлья, припасеннаго ею ожидаемому новорожденному.

Со рта Марѳы Андревны сорвали платокъ и потребовали, чтобы она указала гдѣ ключъ.

Марѳа Андревна встрепелась. Она обернулась и сказала:

— Какъ же ты смѣешь думать, холощъ, что я дамъ тебѣ ключъ?

— Не дамъ?

— Ну, разумѣется, не дамъ,—отвѣчала заносчиво и рѣзко Марѳа Андревна.

Разбойникъ, не разсуждая долго, ударилъ старуху сапогомъ въ лицо.

— Подай ключъ! — приставали къ ней со всѣхъ сторонъ.

— Не дамъ я ключа,—отвѣчала Марѳа Андревна, отплевывая бѣгущую изъ рта кровь.

Что съ ней ни дѣляли, били ее, вывертывали ей пальцы и локти, таскали ее по полу за волосы! «не дамъ», отвѣчала желѣзная старуха.

— Я сказала, не дамъ, и не дамъ!

— Такъ на лучину ее, вѣдьму! сама заговорить, гдѣ ключъ спрятанъ,—скомандовалъ Ванька Жорновъ.

Съ Марою Андревны стащили ея золотомъ шитые босовички, согнули еѣ колѣни и подъ икры подсунули пукъ пылающей лучины.

— Не дамъ я ключа вамъ, холопамъ,—проскрипѣла сквозь зубы Плодомасова.

— А ты, боярыня, не крѣпись изпапрасна, мы вѣдь все допытасея, заговоришь,—приставалъ, колти ея ноги, Жорновъ.

— Врешь, подлый холопъ: не заговорю.

— Заговоришь.

Но Марою Андревна собрала силы, плюнула Жорнову въ самое лицо и опять назвала его «холопомъ».

— Холопъ! Нѣтъ, я твой господинъ теперь, а ты моя холопка.

— Подлый смердь!—крикнула въ азартѣ, забывъ на мпнуту самую боль свою, истязуемая и снова плюнула прямо въ глаза своему палачу.

Ее били и истязали несказанно; она не ожидала помощи ни откуда: видѣла сочувствіе въ глазахъ одной своей задыхавшейся дѣвушки, но и не думала уступить холопамъ.

Разбойники становились втупикъ: ломать половицы, къ которымъ привинченъ сундукъ,—ихъ не выломншь изъ-подъ взакрой положеннаго вѣнца. Зажечь домъ—нѣтъ прибыли, да и освѣтишь слѣдъ ходящимъ по всей окружности войскамъ; сложить ее, старуху, всю на лучину, сналить еѣ прежде спину, потомъ грудь и животъ,—страшно, что помреть, а не скажетъ.

Марою Андревнѣ было радостно, что эти звѣри не знали, что съ ней сдѣлать?

— А что у тебя тутъ въ сундукѣ?—спросилъ ее Жорновъ.

— Тутъ мое золото, да серебро, да окатный жемчугъ.

У разбойниковъ даже и въ сердцахъ похолонуло, и въ ушахъ зазвенѣло.

Даже честью стали просить Марою Андревну.

— Матушка, старушенька, не губи себя, мы твоей крови не жаждоваемъ: дай ключъ отъ укладки съ бурмистекимъ зерномъ.

— Не дамъ.—отвѣчала Марою Андревна.

— Такъ мы же у тебя выпытаемъ!

— Ничего не выпытаешь, холопъ.

Но у насъ, ни въ чемъ не знавшихъ ни мѣры, ни удержа, люди на злѣ, какъ и на добрѣ, не останавливаются.

У Емельяна Петровича были пыталыщики дошлые,—знали, какъ какого человека какимъ зломъ донимать; а преданія Емельяновы были живы въ народѣ и не безвѣдомы и Ванькѣ Жорнову.

Марѳа Андревнѣ погрозили непереноснымъ срамомъ, что раздѣнуть ее сейчасъ до-нага, осмолить ей голову дегтянымъ ведромъ и обсыпать пуховой подушкой, да, привязавъ на шелудиваго коня, о разсвѣтѣ въ село на базаръ выгонять.

Услыхавъ этотъ ужасный приказъ Ваньки Жорнова, Марѳа Андревна вздрогнула, и холодный потъ выступилъ у нея даже по законѣлымъ опалинамъ.

— Неужто же надо покориться холопамъ, или посрамить передъ нечистымъ взоромъ несорочную наготу свою.

Марѳа Андревна, однако, сообразила, что уже теперь ей не помогла бы и покорность, что разбойники, найдя въ сундукѣ однѣ дѣтскія тряпки, пришли бы еще въ большую ярость и все равно не простили бы ей ея упорства. Они отмстили бы ей именно тѣмъ мщеніемъ, къ которому она обнаружила страхъ и боясь котораго отдала бы имъ ключъ.

Безчестье ея казалось неотклонимымъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Помощь неожиданная и для многихъ, можетъ-быть, невѣроятная.

— Николай угодникъ! защити меня, твою вдову грѣшную,—взвыла голосомъ страшнаго отчаянія Марѳа Андревна, устремивъ глаза къ висѣвшему въ углу большому образу, передъ которымъ меркла задуваемая вѣтромъ лампада, и упованію Марѳы Андревны на защиту отсель не было мѣры и предѣловъ. Вѣра ея въ защиту, дѣйствительно, могла двигаться горами.

— Что у тебя въ сундукѣ? — в послѣднее приступили къ ней разбойники, мѣшая ей творить ея молитвы.

— Сокровища, — отвѣчала боярыня, прервавъ на мнуту свой молитвенный шопотъ, и опять замолила.

— Подай ключъ!

— Не дамъ. — попрежнему смѣло и твердо сказала боя-

рыня, и снова зоветь чудотворца, зоветь его смѣло, громко и уповательно, словно требуетъ.

— Свѣиши... — кричитъ; — свѣиши скорѣе, не постыди моихъ упованій!

Разбойникамъ даже становится страшно отъ этого крика: зычно кричитъ Мароа Андревна; страшно ей и ротъ закрытъ, страшно, что и на небѣ ее услышать.

— Полно! — командовалъ Иванъ Жорновъ: — перестань, ребята, слушать: пори подушку и подавай ведро.

— Не посрами меня, скорый помощникъ! Явись сюда — я вѣрую и погибаю! — страшно громко вскрикнула несчастная старуха и... вышло какъ-то такъ и дивно, и страшно, что скорый помощникъ словно дыханіемъ бури явился къ ней на помощь.

Свистя, грохоча и воя, дунуль въ распахнутое окно вѣтеръ, съ силой дотолѣ несслыханной, и вздрогнули старыя стѣны и съ угла сорвалась огромная въ тяжеломъ окладѣ икона святого Николая, которой молилась Плодомасова; загремѣли отъ ея паденія все стекла въ окнахъ и кіотахъ: зажженные свѣчи сразу погасли и выпали изъ разбойничьихъ рукъ, и затѣмъ ужъ что кому видѣлось, то тому одному и было извѣстно.

Обезсиленная истязаніями Мароа Андревна видѣла только, что разбойники все, какъ одинъ человекъ, бросились къ выбитому ими окну, и какъ демоны, архангельской силой низвергнутые, стремглавъ со стенами и визгомъ полетѣли внизъ изъ антресолей. Затѣмъ истерзанная и обожженная старуха, лежа, связанная, на полу въ комнатѣ, въ которой свисталъ и буневалъ предразсвѣтный вѣтеръ, впала въ долгій и тяжелый обморокъ, въ которомъ все событія катастрофы для нея сгладились и исчезли. Связанная дѣвушка, остававшаяся безмолвною свидѣтельницей всей этой исторіи, видѣла только, что когда въ комнату хлынулъ сильный вѣтеръ, икона сорвалась со стѣны, выпала изъ обрамника, разбила стекло и горящую лампаду и затѣмъ, качнувшись съ угла на уголъ, стала нижнимъ ребромъ на подугольномъ столикѣ.

Но разбойники видѣли совсѣмъ другое.

Пойманые на другой день войсками въ лѣсу, они возвратили все заграбленное ими у Плодомасовой добро и по-

казали, что въ плодомасовскомъ домѣ ихъ страшно покарали за ихъ вину Николай угодникъ.

Они увѣрили, что какъ только старая Плодомасиха крикнула святителю: «поспѣшай!»—то изъ-за иконы мгновенно сверкнули молоньи, и икона эта вышла изъ своего мѣста и пошла на нихъ по воздуху, полаяя ихъ и ослѣвляя сіяніемъ, котораго имъ перенести было невозможно.

Марѳа Андревнѣ возвратили ея добро; а природа возвратила ей ея здоровье; не возвратилось только здоровье къ подругѣ ея несчастія.

Но для того, чтобы не нарушать послѣдовательности нашего разсказа, возвратимся къ темной ночи разбойничьяго нападенія на домъ Плодомасовой и войдемъ въ обезображенные холодные покои антресолей, гдѣ Марѳа Андревна и свидѣтельница ея страданій остаются связанными и безчувственными.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Сынъ, стоившій своей матери жизни.

Несчастливая дѣвушка, раздѣлявшая съ Марѳой Андревной всѣ ужасы прошедшей ночи, поплатилась за это жизнью. Несмотря на то, что она только лежала связанною и не подвергалась отъ разбойниковъ никакимъ другимъ истязаніямъ, она не выдержала и къ утру начала терзаться многотрудными, несчастными, преждевременными родами, которые перенести ей было тѣмъ тяжче, что она лежала скрученная по всѣмъ суставамъ, и едва высвободила изъ-подъ тугой повязки ротъ, чтобы облегчать свои страданія стономъ.

Эти вопли и стоны вывели Марѳу Андревну изъ обморока, и это было къ счастью обѣихъ—иначе обѣ несчастныя женщины провалялись бы здѣсь Богъ вѣсть до какого времени. Въ пустынный садъ теперь забрести было некому, и нельзя было ожидать, чтобы кто-нибудь замѣтилъ выбитое на антресоляхъ окно; а покоевые слуги и сѣнныя дѣвушки, вѣроятно, тоже или побиты, или заперты, или связаны, или же, если ихъ эта бѣда и обминула, то тогда они не знаютъ ничего и никто изъ нихъ не посмѣетъ взойти наверхъ, пока ихъ боярыня не сошлетъ внизъ свою покоевку и кого-нибудь къ себѣ не потребуетъ.

Марѳа Андревна все это сообразила и увидѣла совер-

шенную невозможность ожидать никакой сторонней помощи ни для себя, ни для другой мученицы, которая теперь еще болѣе ея нуждалась во всякомъ пособіи. Изувѣченная боярыня рѣшила сама себѣ помогать: она прежде всего приподняла съ полу свои руки и хотѣла на них опереться, но вывернутыя въ суставахъ руки ей не повиновались. Старушка прислонилась къ полу ногами, но обожженные подошвы ея ногъ тоже сказали ей, чтобы она на нихъ не надѣялась. Ноги Плодомасовой отъ самыхъ икръ до пальцевъ были, какъ сплошнымъ янтареиъ, унизаны безконечными ожогами, изъ которыхъ многіе уже начинали лопаться и открывали зіяющія раны.

Въ распоряженіи Марѳы Андревны оставались одни колѣни, на нихъ еще можно было кое-какъ опереться. Марѳа Андревна приподнялась съ неимовѣриѣйшими страданіями и поползла къ роженицѣ на колѣняхъ. Ползучи, она несла передъ собою свои вывихнутыя и въ настоящее время ни къ чему непригодныя руки.

Доползши до роженицы, Плодомасова увидала только одну совершенную невозможность освободить мученицу отъ связывающихъ ее прочно узъ и, сказавъ ей: «терпи, другъ! терпи, другъ!»—сама такимъ же точно образомъ на колѣняхъ заколтыхала снова черезъ всѣ антресоли къ лѣстницѣ, сползла на груди внизъ по ступенямъ и, наконецъ, достигла запертыхъ нижнихъ дверей и застучала въ нихъ головою.

Долго Марѳа Андревнѣ приходилось стучать; но, наконецъ, внизу дома послышалась тревога: очередные истопники, заставъ домъ запертымъ, смекнули, что что-то неладно, выломали двери, отперли однихъ, развязали другихъ, и поднялся говоръ и суета.

Марѳа Андревна, стоя на колѣняхъ внизу лѣстницы, все-таки продолжала стучать головою въ дверь и была, наконецъ, услышана.

Двери, раздѣлявшія ее съ ея слугами, были выломаны, и Марѳа Андревна поднята на руки своихъ вѣрныхъ рабовъ и рабынь.

Она послала наверхъ женщинъ и повитуху, а себѣ потребовала теплую баню и костоправку.

Истопили баню, набрали въ большое липовое корыто мыльной пѣны, вложили въ него Марѳу Андревну и начали

ее расправлять, да вытягивать. Кости становились на мѣста, а о мясѣ Марѳа Андревна не заботилась. Вѣруя, что живая кость обрстетъ мясомъ, она хлопотала только поскорѣй выправиться и терпѣливо сносила безъ малѣйшаго стопа несносную боль отъ вытягиваній и отъ ожоговъ, лопавшихся въ мыльнистой щелочи.

Между тѣмъ какъ костоправка вытягивала и ломала въ банѣ Марѳу Андревну, сѣнная дѣвушка, раздѣлявшая съ боярыней ужасы этой ночи, родила еле дававшего признаки жизни семимѣсячнаго мальчика. Дитя было безъ ногтей, безъ вѣкъ и безъ всякаго голоса. Никакимъ образомъ нельзя было сомнѣваться, что дитя это жить не можетъ. Въ этомъ никто и не сомнѣвался, а о матери его нечего было и разговаривать: она только и дождала, пока взнесли на коврахъ на антресоли Марѳу Андревну; поцѣловавъ похолодѣвшими устами боярышину руку, крѣпостная красавица скончалась, не сказавъ никому ни одного слова. Марѳа Андревна тотчасъ же снова распорядилась: она велѣла подать себѣ изъ кладовой кругъ восковыхъ свѣчей, отсчитала по свѣчкѣ на каждую семью своихъ подданныхъ и послала разложить эти свѣчки на окна избъ и дворовыхъ клѣтей. Какъ только вечерній сумракъ спустился на село Плодомасово, всѣ его подслѣповатыя окна озарились краснымъ пламенемъ тысячи свѣчекъ, и тысяча душъ сразу послали небу молитву по усопшей.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Плодомасова доканчиваетъ дѣло природы и начинаетъ иныя дѣйствования.

Марѳа Андревна велѣла показать себѣ недоношеннаго внука, взглянула на него, покачала сомнительно головой и потребовала себѣ изъ своей большой кладовой давно не употребляющуюся кармазинную бархатную шубку на заячьемъ мѣху. Ребенка смазали теплымъ лампаднымъ масломъ и всунули въ нагрѣтый рукавъ этой шубки, а самую шубу положили въ уголь теплой лежанки, у которой стояла кровать Марѳы Андревны. Здѣсь младенецъ долженъ былъ дозрѣть.

Марѳа Андревна согрѣвала такимъ образомъ внука въ теченіе полутора мѣсяца, а въ теченіе этого срока внучекъ научился подавать слабый голосокъ, и сталъ ему тѣсенъ

рукавъ бабушкиной шубы, замѣнявшей ему покинутыя имъ до срока ложезна матери.

Въ теченіе этого же срока поправилась и Марса Андревна и написала въ Петербургъ сыну слѣдующее посланіе: «Извѣщаю тебя, милый другъ мой, Аліошицька, что я плыче щедротами Всевышняго Бога чувствую себя здоровой, но, по отпускъ тебѣ прошедшаго письма, была у самаго гроба и прошла половину мытарствъ: была у меня въ домѣ бунтовничья сволочь и грозили мнѣ всякими бѣдами, но Богъ и святой угодникъ ни до чего худого меня отъ нихъ не допустили. Пограбленіе ихъ мнѣ все назадъ возвращено, а здоровье мое опять, слава Богу; врагамъ же симъ, слышно, оскудѣло оружіе въ копецъ и самая память о нихъ вскорѣ погибнетъ съ шумомъ.—А еще увѣдомляю тебя, что извѣстная тебѣ дѣвушка моя, къ крайнему моему огорченію, скончалась. Она въ ту ночь отъ перепуга обронила дитя незрѣлое, но я сіе дитя со всякимъ стараніемъ сберегла и сохраняла его слишкомъ сорокъ дней въ рукавъ моей заячьей шубки, и оно тамъ вырѣло и, полагать надо, по волѣ Всевышняго намѣрено жить. Окрещенъ же сей младенецъ извѣстнымъ тебѣ отцомъ Алексѣемъ осторожно, не погруженіемъ, а полить съ чайнаго блюда и названъ Парменомъ, такъ какъ такое имя значилось въ метрицѣ, которую дворецкій Силуянъ досталъ мнѣ у бѣдныхъ дворянъ Тугановыхъ на ихъ сына, что почти вровень съ симъ всего за мѣсяць у нихъ родился и наскоряхъ затѣмъ умеръ. Мертвымъ помѣстили нашего, а сего сдѣлали живымъ. Дѣлю сіе я устроила къ общему удовольствію какъ своему, такъ и дворянъ Тугановыхъ, кои мнѣ все равню, а я имъ подарила за то деревушку Глаголиху, съ восемьюдесятью мужиками».

Осенью слѣдовавшаго за симъ года Алексѣй Никитичъ получилъ отъ матери другое письмо самаго неожиданнаго содержанія: «По отпускъ къ тебѣ послѣдняго письма моего,— писала Марса Андревна. — много все еще я заботилась и хлопотала, но живу, благодаря Создателя, весьма довольна и въ спокойствіи. Живая моя живучка все такъ и просится на живое стулчико, и съ моихъ колѣнъ, когда не спитъ, мало и сходить. Божьимъ дитемъ симъ, не знаю тебѣ какъ и сказать, сколь я довольна и, чтобы веселѣй его тѣшить, купила у одной сосѣдней госпожи двухъ маленькихъ карловъ настоящей русской природы изъ крѣпостныхъ: оба

очень не велики и забавны; мужинка называется Николай, а карлица—Марья. Карликъ умнѣе, а дѣвчужка изрядно съ придурью.—за пару триста рублей дала,—вырастетъ мальчикъ, будетъ съ кѣмъ играть. Я, другъ мой, полагаю такъ, что теперь намъ съ тобою онять бы время повидаться, но только лучше, думаю, мнѣ къ тебѣ съѣздить, чтобы отъ службы тебя не отрывать, да и отъ веселостей, о конхъ при дворѣ императрицы описываешь; а потому жди меня къ себѣ въ Питеръ по первопутку, ибо въ Москвѣ буду малое время, а хочу видѣть, что тамъ у васъ будетъ происходить передъ Рождествомъ, пробуду святки,—кстати привезу тебѣ показать и новокупленныхъ карликовъ».

Какъ только выпалъ снѣгъ и установился зимній первопутокъ, Марѳа Андревна, дѣйствительно, препожаловала въ Петербургъ и препожаловала съ немалою свитою.

Кромѣ лакеевъ, истопниковъ и сѣнныхъ дѣвушекъ и самоварницъ, за Марою Андревною въ петербургскую квартиру молодого Плодомасова вбирался два крошечные человекъ: оба въ кашемировыхъ бухарскихъ бешметахъ,—не разобрать, не то мужчины это, не то женщины. Это были карлики Николай Аванасычъ и Марья Аванасьевна, пріобрѣтенные Марѳой Андревной для забавы новорожденного внука, котораго сзади всего несла большая толстая мама.

— Это что же такое, матушка?—неосторожно освѣдомился Плодомасовъ, не замѣчая закрытаго маминной шубой ребенка.

— А это, другъ мой, здѣсь дворянинъ Парменъ Семеновъ.—Подай-ка его сюда, баба!

Мама вывернула изъ шубы цвѣтущаго розоваго младенца и подала его Марѳѣ Андревнѣ, которая тотчасъ же посадила его верхомъ на колѣни и, держа его за толстыя ручонки, стала его качать, напѣвая:

Тараданъ, тараданъ,
Сѣла баба на баранъ,
Поѣхала по горамъ:
Встрѣлись гости,
Разсыпались кости.
Стой, баба, не бѣги,
Подай мои пироги,
Съ лучкомъ, съ мячкомъ,
Съ козиннымъ бобочкомъ.
Хопъ! пошелъ!

Плодомасова поцѣловала расхотавшагося мальчишку

и, бросивъ его на руки стоявшаго передъ нею сына, тихо шепнула ему:

— Видишь... у бабки на лежанкѣ въ заячьемъ рукавѣ досиѣль!.. Понеси его къ образу да благослови.

Оставивъ ребенка на рукахъ отца, Марья Андревна кивнула людямъ и пошла въ дальнія комнаты переодеваться.

Среди опустѣлаго покоя остались гвардеецъ Алексѣй Плодомасовъ и на его рукахъ дворянинъ Пармень Тугановъ. Глядя другъ на друга, оба они, казалось, были удивлены, и оба молчали.

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

ПЛОДОМАСОВСКІЕ КАРЛИКИ *).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Николай Аванасьевичъ умнѣ и Марья Аванасьевна съ придурью.

У старгородскаго городничаго Порохонцева былъ именнинный пирогъ, и по этому случаю были гости: два купца изъ богатыхъ, чиновники и изъ духовенства: серебрюдрый протоіерей Савелій Туберововъ, маленькій, кроткій паче всѣхъ человекъ отецъ Бенефисовъ и непомѣрный дьяконъ Ахилла. Всѣ, и хозяева, и гости, сидѣли, ѣли, пили и потомъ, отпавъ отъ стола, зауживали. Въ залѣ стоялъ шумный говоръ и ходили густыя облака табачнаго дыма. Въ это время хозяинъ случайно глянулъ въ окно и, оборотясь къ женѣ, воскликнулъ:

— Оля! смотри, мой дружокъ, тебѣ Богъ посылаетъ еще какихъ-то новыхъ гостей!

Такое восклицаніе вызвало всеобщее любопытство: всѣ, кто былъ въ комнатѣ, встали съ мѣсто, подошли къ окнамъ и остановились, вперя взоры вдаль, на крутой спускъ, по которому осторожно сползаетъ, словно трехглавый змѣй,

*.) Здѣсь долженъ чувствоваться большой перерывъ въ Плодомасовской хроникѣ. Наступающій очеркъ представляетъ эпоху гораздо позднѣйшую, когда Плодомасова уже умерла. Глубокое старчество Марьи Андревны передается лишь устами ея фаворитнаго карлика Николая Аванасьевича. Очеркъ этотъ *частію* вошелъ въ хроникку «Соборные».

могучая рослая тройка большихъ мѣдно-красныхъ коней. Коренникъ мнется и тычетъ ногами какъ старый генералъ, подходящій чтобы кого-то распечь: онъ то скусить губу налѣво, то скусить направо, то встряхнетъ головой, и опять тычетъ и тычетъ: пристяжныя выются и сжимаются какъ спутанныя; малиновый колокольчикъ шлепнетъ колечкомъ въ край и снова прилигнетъ и молчитъ: бубенчики глухо рокочутъ, но безъ всякаго звона. Но вотъ этотъ трехглавый змѣй сползъ, показались хребты коней, махнулъ въ воздухъ хвостъ пристяжной изъ-подъ вѣтра; тройка выровнялась и понеслась по мосту, мѣрно и въ тактъ ударяя подковами о звонкія доски. Показались золоченая дуга съ травленою распиской и большія, бронзой кованыя, троечныя дрожки гитарой. На дрожкахъ рядкомъ, какъ сидятъ на козеткахъ, сидѣли два маленькія существа: одно мужское и одно женское; мужчина былъ въ темно-зеленой камлотовой шинели и въ большомъ картузѣ изъ шляпнаго волокнистаго плюша, а женщина—въ масаковомъ гроденацлевомъ салопѣ съ большимъ бархатнымъ воротникомъ лиловаго цвѣта и въ чепчикѣ съ коричневыми лентами.

— Боже, да это плодомасотскіе карлики!

— Не можетъ быть!

— Смотрите сами!

— Точно, точно они!

— Да какъ же: вонъ Николай-то Аоанасьичъ, глядите, увидалъ насъ и кланяется; а вонъ и Марья Аоанасьевна киваетъ.

Такіе возгласы раздались со всѣхъ сторонъ при видѣ карликовъ. и всѣ словно не вѣсть чему обрадовались ихъ пріѣзду. Хозяева захопотали, возобновляя для новыхъ гостей завтракъ, а прежніе гости внимательно смотрѣли на двери, въ которыя должны были показаться маленькіе люди. И они, наконецъ, показались. Впереди шелъ старичокъ, ростомъ съ небольшого осьмилѣтняго мальчика, за нимъ старушка немного побольше. Старичокъ былъ весь чистота и благообразіе: на лицѣ его не было ни желтыхъ пятенъ, ни морщинъ, обыкновенно портящихъ лица карликовъ; у него была очень пропорціональная фигурка, круглая, какъ шаръ, головка, покрытая совершенно бѣлыми, коротко остриженными волосами, и небольшіе коричневые медвѣжьи глазки. Карлица была лишена пріятности брата: она была одутловата, у нея былъ глуповатый, чувствennyй ротъ и тупые глаза.

На карликѣ. Николай Аонасьевичѣ, несмотря на жаркое, лѣтнее время, были надѣты теплые плюсовые сапожки, черные панталоны изъ лохматой байки, желтоватый фланелевый жилетъ и коричневый фракъ съ металлическими пуговицами. Бѣлье его было безукоризненной чистоты, и бѣлья, безкровныя щечки его туго поддерживали высокій атласный галстукъ. Карлица была въ шелковомъ зеленомъ канотѣ и большомъ кружевномъ воротничкѣ городками.

Николай Аонасьевичъ, войдя въ комнату, вытянулъ свои ручки по швамъ, потомъ преподнесъ правую руку съ картюзомъ къ сердцу, шаркнулъ ножкой объ ножку и, направляясь въ развалецъ прямо къ именинницѣ, проговорилъ тихимъ и ровнымъ старческимъ голоскомъ:

— Господишъ нашъ Никита Алексѣевичъ Плодомасовъ и господинъ Пармень Семенычъ Тугановъ отъ себя и отъ супруги своей извошли приказать намъ, ихъ слугамъ, принести вамъ, сударыня Ольга Арсентьевна, ихъ поздравленіе. Сестрица, повторите!—отнесся онъ къ стоявшей возлѣ него сестрѣ, и когда та кончила свое поздравленіе, Николай Аонасьевичъ шаркнулъ городничему и продолжалъ: — А васъ, сударь Воинъ Васильчъ, и всю честную компанію, съ дорогою именинницей. И затѣмъ, сударь, имѣю честь доложить, что, приславъ насъ съ сестрицей для принесенія вамъ ихъ поздравленія, и господинъ мой, и Пармень Семеновичъ Тугановъ просятъ извиненія за наше холопые посольство, но сами теперь въ своихъ минутахъ не вольны и принесутъ вамъ въ томъ извиненіе сегодня вечеромъ.

— Пармень Семенычъ будетъ здѣсь! — воскликнулъ городничій.

— Вмѣстѣ съ господиномъ моимъ Никитою Алексѣичемъ Плодомасовымъ, проѣздомъ въ Петербургъ; просятъ простить, что заѣдутъ къ вамъ въ дорожномъ положеніи.

Въ обществѣ началась суета, пользуясь которою карликъ подошелъ подъ благословеніе къ большому протопопу Туберозову и тихо проговорилъ:

— Пармень Семенычъ просили васъ, отецъ протоіерей, побывать вечеромъ сюда.

— Скажи, голубчикъ, буду,—отвѣчала Туберозовъ.

Карликъ взялъ благословеніе у маленькаго, кроткаго паще всѣхъ человѣкъ отца Захарія, потомъ протянулъ ручку Ахиллѣ и, улыбувшись, проговорилъ:

— Только сдѣлайте милость, сударь, отецъ дьяконъ, склы не пробуйте.

— А что, Николаѣ Аванасычъ, развѣ онъ того... здоровъ?—пошутить съ карликомъ хозяинъ.

— Силку свою, сударь, все пробовать любятъ-сь,—отвѣчалъ старичокъ.—Есть надъ кѣмъ? надъ калѣчкой сплится!

— А что ваше здоровье, Николаѣ Аванасычъ, пытали карлика дамы, окружая его со всѣхъ сторонъ и пожимая его ручонки.

— Какое, милостивыя мои государыни, здоровье! Смѣхъ отвѣчать: точно поросенокъ сталъ: Петровки на дворѣ, а я все зябну.

— Зябнете!

— Да какъ же-сь: вотъ какъ кроликъ, весь въ мѣшокъ, весь въ заячій зашитъ. Да и чему дивиться, прекрасныя госпожи,—осьмой десятокъ лѣтъ уже совершилъ, ненужный человѣкъ.

Николая Аванасыевнча наперебой засыпали вопросами о различныхъ предметахъ, усаживали, потчивали всѣмъ: онъ отвѣчалъ на всѣ вопросы умно и находчиво, но отказывался отъ всѣхъ угощеній, говоря, что давно уже ѣсть мало и то однажды въ сутки.

— Вотъ сестрица, онѣ покушаютъ,—проговорилъ онъ и тотчасъ же, обратясь къ сестрѣ, добавилъ: — садитесь, сестрица, кушайте! Когда просятъ хозяева, чего церемониться? Вы, можетъ-быть, безъ меня не хотите, такъ позвольте мнѣ, сударыня Ольга Арсентьевна, морковной начинки изъ пирога на блюде... Вотъ такъ, довольно-сь, довольно! Теперь, сестрица, кушайте, а съ меня довольно. Меня нынче, государи мои, и кормить-то ужъ не за что,—нипянаго чулка и того вязать не въ состояніи. Лучше гораздо сестрицы вязалъ когда-то, а нынче стану вязать, все петли спускаю.

— А бывало, Никола, ты славно вязалъ! — отозвался Туберововъ, весь оживившійся и повселявшійся съ прибытіемъ карлика.

— Ахъ, отецъ Савелій, государь! Время, государь, время,—карликъ улыбнулся и договорилъ шутя: — строгости надо мною, государь, не стало; избаловался послѣ смерти моей благодѣтельница. Что! хлѣбъ-соль готовые, кровь теплый—поѣлъ казакъ да на бокъ, съ того казакъ и гладокъ.

Протопопъ Туберозовъ посмотрѣлъ въ глаза карлику съ счастливою улыбкой и сказалъ:

— Вижу я тебя, Никола, словно милую сказку старую передъ собою вижу, съ которою умереть бы хотѣлось.

— А она, батушка (онъ говорилъ *у* вмѣсто *ю*), она, сказка-то, добрая, прежде насъ померла.

— А забываешь, Ниолушка, про госпожу-то свою? Про боярыню-то свою, Мароу Андревну, забываешь? — проговарялъ, юли около карлика, дьяконъ Ахилла, котораго Николай Аванасьевичъ не то чтобы не любилъ, а какъ бы опасался и остерегался.

— Забывать, сударь, отецъ дьяконъ, старъ, самъ къ ней, къ утѣшительницѣ моей, служить на томъ свѣтѣ собираюсь, — отвѣчалъ карликъ очень тихо и неспѣшно, и съ легкимъ только полуоборотомъ въ сторону Ахиллы.

— Утѣшительная, говорятъ, была старуха, — отнесся безразлично ко всему собранію дьяконъ.

— Ты это въ какомъ же смыслѣ берешь ея утѣшительность? — спросилъ Туберозовъ.

— Забавная!

Протопопъ улыбнулся и махнулъ рукой, а Николай Аванасьевичъ поправилъ Ахиллу, твердо сказавъ ему:

— Утѣшительница, сударь, *утѣшительница*, а не забавница.

— Что ты ему бесплодно внушаешь, Никола! ты лучше расскажи, какъ она тебя ожесточила-то, какъ откупить-то сдѣлала, — посоветовалъ протопопъ.

— Что, отецъ протопопъ, старое это, сударь.

— Наипенѣйше это у него выходитъ, когда онъ рассказываетъ, какъ онъ ожесточился, — обратился Туберозовъ къ присутствующимъ.

— А ужъ такъ, батушка, она, госпожа моя, умѣла человека и ожесточить, и утѣшить. И ожесточала, и утѣшала, какъ развѣ только одинъ ангелъ Господень можетъ утѣшить, — сейчасъ же отозвался карликъ. — Въ сокровенная души, бывало, человека проникнетъ, и утѣшить, а мановеніемъ своимъ вся блага для него и совершить.

— А ты въ самомъ дѣлѣ расскажи, какъ это ты ожесточенъ былъ.

— Да расскажи, Николаина, расскажи!

— Что жъ, милостивые государи, смѣтесъ ли вы, или

не смѣетесь, а вправду интересуетесь объ этомъ слышать, но если вся компанія желаетъ, я ослушаться не смѣю, расскажу.

— Пожалуйста, Николай Аванасъвичъ, рассказывай.

— Расскажу, — отвѣчалъ, улыбувшійся, карликъ: — расскажу, потому что повѣсть эта даже и приятная.

Съ этими словами карликъ началъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Николай Аванасъевичъ въ ожесточеніи.

— Это всего было черезъ годъ, какъ онѣ меня у прежнихъ господъ купили. Я прожилъ этотъ годокъ въ грусти, потому былъ отторгнутъ, знаете, отъ фамиліи. Разумѣется, виду этого, что грущу, не подавалъ, чтобы какъ помѣщицѣ въ томъ не донесли, или бы сами онѣ не замѣтили, но только все это было втуне, потому что покойница, по большому уму своему, все это провидѣли. Стали приближаться мои именины, она и изволила говорить:

— Какой же, говоритъ, — я тебѣ, Николай, подарокъ подарю?

— Матушка, говорю, — какой же мнѣ еще, глупцу, подарокъ? Я и такъ всѣмъ выше главы моей доволенъ.

— Нѣтъ, изволила говорить, — я думаю хоть рублемъ одарить.

Что жъ, я отказываться, разумѣется, не посмѣлъ, поцѣловалъ ея ручку, говорю: — много, говорю, вашей милостью, взысканъ, и сѣлъ опять чулокъ вязать. Я еще тогда хорошо глазами видѣлъ, и что Марѳа Андревна, что я, заравно такіе самые нитяные чулки на господина моего Алексѣя Никитича въ гвардію вязалъ. Вяжу, сударь, такъ-то и въ этотъ часъ чулокъ, да и заплакалъ. Богъ знаетъ отчего заплакалъ, такъ, знаете, вспомнилось что-то про родныхъ, передъ днемъ ангела, и заплакалъ. А Марѳа Андревна видятъ это, потому что я напротивъ ихъ кресла на скамеечкѣ всегда вязалъ, и спрашиваютъ:

— Что жъ ты это, изволила говорить, — нынче, Николаша, плачешь?

— Такъ, отвѣчаю, — матушка, что-то слезы такъ... да и, знаете, что имъ доложить-то, отчего плачу, и не знаю.

Всталъ, ручку ихъ поцѣловалъ, да и опять сѣлъ на свою скамеечку.

— Не извольте, говорю. — сударыня, обранцать взоровъ вашихъ на эту слабость,—это и такъ, сдуру, эти мои слезы пролить.

И овить сидимъ да работаемъ; и я чулокъ вяжу и онѣ чулочекъ визать изволятъ. Только вдругъ онѣ этакъ повязали и изволятъ спрашивать:

— А куда жъ ты, Николай, рубль тотъ дѣнешь, что я тебѣ завтра подарить хочу?

— Тягенькѣ, говорю, — сударыня, своему при вѣрной оказіи отираваю.

— А если, говорятъ,—я тебѣ два подарю?

— Другой, докладываю,—маменькѣ пошлю.

— А если три?

— Братцу, говорю.—Ивану Аѳанасьевичу.

Онѣ покачали головкой, да и изволятъ говорить:

— Много же какъ тебѣ, братецъ, денегъ-то надо, чтобы всёхъ одѣлить! Это ты такой маленькій этого и вѣкъ не заслужишь.

— Господу, говорю,—было угодно такимъ создать меня,— да съ сими словами и онять заплакалъ; онять сердце, знаете, сжалось: и сержусь на свои слезы, и плачу.

Онѣ же, покоинница, глядѣли-глядѣли на меня, и этакъ молчкомъ меня къ себѣ однимъ мальчикомъ и поманули: и упали имъ въ ноги, а онѣ положили мою голову въ колѣни, да и я плачу, и онѣ изволятъ плакать. Потому встали да и говорятъ:

— Ты не ропщешь, Николаша, на Бога?

— Никогда, говорю, — матушка, на Создателя своего не ропщу.

— Ну, Онѣ, изволятъ говорить.—тебя за это и утѣшить.

Встали онѣ, знаете, съ этимъ словомъ, велѣли мнѣ приказать, чтобы къ нимъ послали бурмистра Дементія, въ ихъ нижній кабинетъ, и сами туда отпавилсь.

— Не плачь, говорятъ, — Николаша:—тебя Господь утѣшитъ.

И точно утѣшилъ.

При этомъ Николай Аѳанасьевичъ заморгалъ частенько своими тонкими вѣками и вдругъ проворно соскочилъ со стула, отбѣжалъ въ уголокъ, взмахнулъ надъ глазами своими ручками, какъ крылышками, отеръ бѣлымъ платочкомъ слезы и возвратился со стыдливою улыбкой на преж-

нее мѣсто. Усѣвшись снова, онъ началъ другимъ, нѣсколько торжественнымъ голосомъ:

— Обновился майскій день моего ангела, девятого числа мая; встаю я, судари мои, рано; вышелъ на цыпочкахъ, потихоньку умылся, потому что я у нихъ, у Марыи Андревны, въ полкахъ за ширмою, на коврѣ спалъ; одѣлся да и пошелъ въ церковь. Я имѣлъ то намѣреніе, чтобъ отстоять заутреню и обѣдню, а послѣ у отца Алексѣя, какъ должно моему ангелу, молебень отслужить.

— Вошелъ я, сударь, въ церковь и прошелъ прямо въ алтарь, чтобъ у отца Алексѣя благословеніе принять, и вижу, что покойникъ отецъ Алексѣй какъ-то необыкновенно какъ радостны въ выраженіи и меня шепотливо поздравляютъ «съ великою радостію». И, поистинѣ вамъ доложу, все это отнесъ, разумѣется, къ праздничному дню и къ именинамъ моимъ. Но что-жъ тутъ, государи мои, воспослѣдовалю! Выхожу я съ просфорою на лѣвый клиросъ, такъ какъ я съ покойнымъ дьячкомъ Ефимычемъ на лѣвомъ клиросѣ пѣлъ, и вдругъ миѣ въ народѣ представилсь и матушка, и отецъ, и братецъ Иванъ Аонасьевичъ. Батунику-то съ матушкой я въ народѣ еще и не очень вижу, но братецъ Иванъ Аонасьевичъ, какъ онъ былъ... этакій гвардіонтъ,—я его сейчасъ увидалъ. Думаю: это видѣніе, потому что очень ужъ я желалъ ихъ этотъ день видѣть, — но нѣтъ, не видѣшь! Вижу, маменька, — крестьянка онѣ были, — такъ и ударяются плачуть. Думаю, вѣрно, у своихъ господъ онѣ отпросились и издалека пришли съ своимъ дитей повидаться. Разумѣется, я, чтобы благочинія церковнаго не нарушать, ушелъ скорѣй совсѣмъ въ алтарь, такъ и обѣдня по чину, какъ должно, кончилась, и тогда... Вотъ только чтобъ эти слезы дурацкія опять разказать не мѣшали! — проговорилъ, быстро обмахнувъ платочкомъ глаза, Николай Аонасьевичъ. — Выхожу я, сударь, послѣ обѣдни изъ алтаря, чтобы святителю молебень пѣть, а смотрю, предъ аналоемъ съ иконою стоитъ сама Марѣя Андревна, къ обѣднѣ пожаловала, а за нею сестрица Марѣя Аонасьевна, родители мои и братецъ. Стали пѣть «святителю отче Николае», и вдругъ отецъ Алексѣй на молитвѣ всю родню мою номинаетъ. Очень я былъ, сударь, всѣмъ этимъ тронуть. Отцу Алексѣю я, по состоянію своему, что имѣлъ запла-

тиль, хотя они и брать не хотѣли, но это нельзя же даромъ молиться,—да и подхожу къ Марѣ Андревѣ, чтобъ ее поздравить. А онѣ меня тихонько ручкой отъ себя отстранили и говорятъ:

— Иди прежде родителямъ поклонись.

Я повидался съ отцомъ, съ матушкой, съ братцемъ, и все со слезами. Сестрица Марья Аванасьевна (Николай Аванасьевичъ съ ласковою улыбкой указалъ на сестру), сестрица ничего — не плачуть, потому что у нихъ характеръ лучше, а я слабъ и плачу. Тутъ, батюшка, выходимъ мы на палерть; госпожа моя Марья Андревна достаютъ изъ карманчика кошелечекъ кувшинчикомъ, и самъ я видѣть даже, какъ онѣ этотъ кошелечекъ вязали, да не зная, разумѣется, кому онѣ.

— Одари, говорятъ мнѣ,—Николаша, свою родню.

Я начинаю одарять: тятенькѣ серебряный рубль, маменькѣ рубль, братцу Ивану Аванасьевичу рубль, и все новые рубли; а въ кошелечкѣ и еще четыре рубля.

— Это, говорю,—матушка, для чего прикажете?

А' ко мнѣ, гляжу, бурмистръ Дементій и подводитъ и пѣвѣтушку, и трехъ ребятишекъ, все въ свиткахъ. Всехъ я, по ея великой милости, одаряю, какъ виночерпій и хлѣбодаръ, что въ Писаніи. Ну-съ, одарилъ, и пошли мы домой изъ церкви все: покойница госпожа и отецъ Алексѣй, и я, сестрица Марья Аванасьевна, и родители, и все дѣти братцевы. Сестрица Марья Аванасьевна опять и здѣсь идутъ ничего, разумно, ну, а я, глупецъ, все и тутъ, самъ не знаю чего, рѣкой разливаюсь, плачу. Но все же, однако, я, милостивые государи, до сихъ поръ хоть и плакалъ, но шельтъ благоприлично за госпожей; но тутъ, батюшка, у крыльца господскаго, вдругъ смотрю, вижу, стоятъ три подводы, лошади запряжены разгонныя господскія Марья Андревны, а братцевы двѣ лошаденки сзади прицѣплены, и на телѣгахъ, вижу, весь багажъ моихъ родителей и братца. Я, батюшка, этимъ смутился и не знаю, что думать, что это значить? Марья Андревна до сего времени, идучи съ отцомъ Алексѣемъ, все о покосахъ изволли разговаривать и вниманія на меня будто не обращали, а тутъ вдругъ ступили ножками на крыльцо, оборачиваются ко мнѣ и изволятъ говорить такое слово: «Вотъ тебѣ, слуга мой вѣрный, отпускная, пусти своихъ стариковъ и брата съ дѣтьми на волю»,

и... и... бумагу-то эту... отпускную-то... за жилетъ мнѣ и положили... Ну, ужъ этого и не перенесъ... (Николай Аванасьевичъ приподнялъ руки вровень съ своимъ лицомъ и заговорилъ):— Ты, говорю ей, въ своемъ безуміи! Жестокая, говорю, ты жестокая! За что, говорю, ты хочешь меня раздавить своею благодатью!— и тутъ грудь мнѣ перехватило, виски заняли, въ глазахъ по всему свѣту замелькали лампы, и я безъ чувствъ упалъ у отцовскихъ вожовъ съ тою отпускной.

— Ахъ, старичокъ прелестный! — воскликнулъ растроганный дьяконъ Ахилла, хлопнувъ по плечу Николая Аванасьевича.

— Да-съ, продолжалъ, вытеревъ себѣ ротикъ, карликъ. — А пришелъ-то я въ себя ужъ черезъ девять дней, потому что горячка у меня сдѣлалась. Осматриваюсь и вижу, госпожа сидятъ у моего изголовья и говорятъ:—охъ, прости ты меня Христа-ради, Николаша: чуть я тебя, сумасшедшая, не убила! —Такъ вотъ-съ она какой великанъ-то была, госпожа Плодомасова!

— Ахъ ты, старичокъ прелестный! — опять воскликнулъ дьяконъ Ахилла, схвативъ Николая Аванасьевича въ шутку за пуговичку фрака и какъ бы оторвавъ ее.

Карликъ молча попробовалъ эту пуговицу и, удостовѣрясь, что она цѣла и на своемъ мѣстѣ, сказалъ:

— Да-съ, да, ничтожный человѣкъ, а заботились обо мнѣ, довѣряли; даже скорби свои иногда открывали, когда въ разлукѣ по Алексѣѣ Никитичѣ скорѣли. Получать, бывало, письмо, сейчасъ, сначала, скоро-скоро пошептомъ его пробѣжать, а потомъ и все вслухъ читаютъ. Онѣ сидятъ читаютъ, а я передъ ними стою, чулокъ вижу, да слушаю. Прочитаемъ, и въ разговоръ сейчасъ вступимъ:

— Теперь его въ офицеры, бывало скажутъ,—должно быть скоро произведутъ.

— А я говорю: ужъ по ранжиру, матушка, непременно произведутъ.

— Тогда, разсуждаютъ, — какъ ты думаешь: ему вѣдь больше надо будетъ денегъ посылать?

— А какъ же, отвѣчаю, — матушка? обойтись безъ того никакъ нельзя, непременно тогда надо больше.

— То-то, скажутъ, — намъ вѣдь здѣсь деньги все равно и не нужны.

— Да намъ, моль, олѣ на что же, матушка, нужны!

Тутъ Николай Аванасьевичъ щелкнулъ пальчиками и, привздохнуви, съ озабоченнѣйшею мишой проговорилъ:

— А сестрица Марья Аванасьевна въ это время молчать, покойница на нихъ за это сейчасъ и разгнѣваются, — сейчасъ начинаютъ деревянностью попрекать: «Деревяжка ты, скажутъ, деревяжка! Недаромъ мнѣ тебя за братомъ-то твоимъ безъ денегъ въ придачу отдали».

Николай Аванасьевичъ вдругъ спохватился, покраснѣлъ и, повернувшись къ своей тупоумной сестрѣ, проговорилъ:

— Вы простите меня, сестрица, что я это рассказываю?

— Сказывайте, ничего, сказывайте, — отвѣчала, вода языкомъ за щекую, Марья Аванасьевна.

— Сестрица, бывало, расплачутся, — продолжалъ Николай Аванасьевичъ: — а я се куда-нибудь въ уголокъ или на лѣстницу тихонечко съ глазъ Марьи Андревны выманю и уговорю: — сестрица, говорю, успокойтесь, пожалѣйте себя; эта немилость къ милости, — потому что и вѣдь ужъ, бывало, знаю, что у нея все къ милости. И точно, горячее да сплывчивое сердце ихъ сейчасъ скоро, бывало, и пройдетъ: «Марья! — бывало, зовутъ черезъ минутку. — Полно, мать, злиться-то. Чего ты конигой-то оцетинилась? Иди, сядь здѣсь, работай».

— Вы вѣдь, сестрица, не сердитесь?

— Сказывайте, что жъ мнѣ? сказывайте! — отвѣчала Марья Аванасьевна.

— Да-съ; тѣмъ, бывало, и кончешо. Сестрица возьмутъ скамеечку, поставятъ у ихъ ножекъ и опять начинаютъ визагъ. Ну, тутъ я ужъ, какъ это спокойствіе водворится, сейчасъ подхожу къ Марѣ Андревнѣ, попрошу у нихъ ручку поцѣловать и скажу: — покорно васъ, матушка, благодаримъ! — Сейчасъ все даже слезой взволнуются.

— Ты у меня, говорятъ, Николай, нѣжный. — Отчего это только, я понять не могу, отчего она у васъ такаа деревянная? скажутъ опять на сестрицу. — А и. — продолжалъ Николай Аванасьевичъ, улыбувшись: — я эту рѣчь ихъ сейчасъ, какъ секретарь, подъ сукно, подъ сукно. «Сестрица! шенчу, сестрица, просите скорѣй ручку поцѣловать!»

Марья Андревна улынать, сейчасъ и конецъ.

— «Сиди ужъ, мать моя, скажутъ сестрицѣ, — не надо

мигъ твоихъ поцѣлуевъ»,—и пойдемъ колтыхать спицами въ тросъ рукъ. Только и слышно, что спицы эти три-ти-ти-три-ти-ти, да мушка ж-ж-жу-ж-жу-ж-жу пролетитъ. Вотъ въ такой тишинѣ невозмутимой, милостивые государи, въ селѣ Плодомасовѣ жили, и такъ пятьдесятъ пять лѣтъ вмѣстѣ прожили

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Николай Аванасьевичъ сконфуженъ.

— Пу, а васъ же самихъ съ сестрицей на волю Марса Андревна не отпустила?—спросилъ судья Дарьяновъ карлика, когда тотъ окончилъ свою повѣсть и хотѣлъ встать.

— На волю? Нѣтъ, сударь Валерьянъ Николаичъ, меня не отпускали. Сестрица Марья Аванасьевна были приписаны къ родительской отпускнуой, а меня не отпускали, да это вѣдь и къ моеи пользѣ все. Онѣ, бывало, изволятъ говорить: «Послѣ смерти моей живи гдѣ хочешь (потому что онѣ на меня капиталъ положили), а пока жива, я тебя на волю не отпускаю».

— Да и на что, говорю,—мигъ, матушка, она, воля? Меня на ней воробыи заклюютъ.

— Ахъ ты маленькій этакой!—воскликнулъ въ удивленіи Ахилла.

— Да, конечно-съ, заклюютъ,—подтвердилъ Николай Аванасьевичъ.—Вонъ у насъ дворецкій Глѣбъ Степановичъ, на волю ихъ отпустили, они гостиницу открыли и занялись винцомъ, а теперь по гостининому двору ходятъ, да купцамъ съ конфетныхъ билетиковъ стихи читаютъ. Ничего прекраснаго въ этомъ нѣтъ.

— А онъ вѣдь, Николай-то Аванасьевичъ-то, онъ у нея во всемъ правая рука былъ. Крѣпостной, да не рабъ, а больше другъ и наперсникъ,—отозвался Туберозовъ, желая возвысить этимъ отзывомъ значеніе Николая Аванасьевича и снова наладить разговоръ на желанную тему.

— Служилъ, батюшка, отецъ протоіерей, по разумѣнію своему угодялъ и берегъ ихъ. Въ Москву и въ Питеръ покойница ѣзжали, никогда горничныхъ съ собою не брали. Терпѣть женской прислуги въ дорогѣ не могли. Изволятъ, бывало, говорить: «Все эти Милитрисы Кирбитьевны вкочуютъ, да въ гостиницахъ по коридорамъ расхаживаютъ, а Николаша, говорятъ, у меня, какъ заяцъ, въ углу сидитъ».

Онъ вѣдь меня за мужчину вовсе не почитали, а все, бывало, заяць.

Николай Аонасьевичъ разсмѣялся и добавилъ:

— Да и взаправду, какой же я ужь мужчина, когда на меня, извините, ни сапожковъ и никакого мужского платья готоваго нельзя купить, — не придется. Это и точно, ихъ слово справедливое было, что я заяць.

— Но не совсѣмъ же она тебя всегда считала зайцемъ, когда хотѣла женить? — отозвался городничій Порохонцевъ.

— Да, это такое ихъ господское желаніе, батюшка, Воннъ Васильевичъ, было, — проговорилъ сконфузясь карликъ. — Было, сударь, — добавилъ онъ, все понижая голосъ: — было.

— Неужто, Николай Аонасьичъ, было? — откликнулось разомъ нѣсколько голосовъ.

Николай Аонасьевичъ потупилъ стыдливо взоръ себѣ въ колѣни и шопотомъ проронилъ:

— Не могу солгать, дѣйствительно, такое дѣло было.

Всѣ, кто здѣсь были, разомъ пристали къ карлику:

— Голубчикъ, Николай Аонасьевичъ, расскажите про это.

— Ахъ, господа, про что тутъ рассказывать, — отговаривался, краснѣя и отмахиваясь отъ просьбъ руками, Николай Аонасьевичъ.

Его просили неотступно, дамы его брали за руки, цѣловали его въ лобъ; онъ ловилъ на лету прикасавшіяся къ нему дамскія руки и цѣловалъ ихъ, но все-таки отказывался отъ разсказа, находя его и долгимъ, и незанимательнымъ. Но вотъ что-то вдругъ неожиданно стукнуло объ полъ; именинница, стоявшая въ эту минуту предъ кресломъ карлика, въ испугѣ посторонилась, и глазамъ Николая Аонасьевича представился колѣнопреклоненный, съ воздѣтыми вверхъ руками, дьяконъ Ахилла.

— Душенька, душка, душачикъ, — мотая головой, выбивалъ Ахилла.

— Что вы? Что вы это, отецъ дьяконъ? — заговорилъ, быстро подскочивъ къ дьякону, Николай Аонасьевичъ.

Стоя на своихъ ножкахъ, карликъ былъ на вершокъ ниже колѣнопреклоненнаго Ахиллы, который, обнявъ его своими руками, крѣпко цѣловалъ и между поцѣлуями барабанилъ:

— Никола... Николаша... Николавра... если ты... не расскажешь, какъ тебя женить хотѣли... то ты просто не другъ Кесарю!

— Скажу, скажу, все расскажу, только поднимайтесь, отецъ дяконъ.

Ахилла встать и. обмахнувъ съ рясы пыль, самодовольно возгласилъ:

— А то говорить: *не расскажетъ!* Съ чего такъ не расскажетъ? Я сказалъ: *выпрошу*, вотъ и выпросилъ. Теперь, господа, опять по мѣстамъ и чтобъ тихо, а вы, хозяйка, велите Николаврѣ стаканъ воды съ червоннымъ виномъ, какъ въ домахъ подаютъ.

Всѣ усѣлись. Николаю Аванасьевичу подали стаканъ воды, въ который онъ самъ опустилъ нѣсколько капель краснаго вина, и началъ:

— Это, господа, было вскорѣ послѣ французскаго замиренія, какъ я со въ Возѣ почивающимъ государемъ императоромъ разговаривалъ.

— Вы съ государемъ разговаривали?—перебили рассказчика нѣсколько голосовъ.

— А какъ бы вы изволили полагать?—отвѣчалъ съ тихою улыбкой карликъ.—Съ самимъ императоромъ Александромъ Первымъ, имѣлъ честь отвѣчать ему.

— Ха-ха-ха! Вотъ Богъ меня убей, шельма какая у насъ этотъ Николавра! — взвылъ вдругъ отъ удовольствія дяконъ Ахилла и, хлопнувъ себя ладонями по бедрамъ, добавилъ:—глядите на него, а онъ, клошится, съ царемъ разговаривалъ!

— Сиди, дяконъ, сиди!—спокойно и внушительно произнесъ Туберововъ.

Ахилла показать руками, что онъ болѣе ничего не скажетъ, и сѣлъ.

Рассказъ начался.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Николай Аванасьевичъ во всей славѣ своей.

— Это какъ будто отъ разговора моего съ государемъ императоромъ даже и начало имѣло,—спокойно заговорилъ Николай Аванасьевичъ.—Госпожа моя, Марѳа Андревна, имѣла желаніе быть въ Москвѣ, когда туда ждали императора послѣ побѣды надъ Наполеономъ. Разумѣется, и я, по ихъ волѣ, при нихъ находился. Онѣ, покойница, тогда уже были въ большихъ лѣтахъ и, по нездоровью своему,

стали нѣсколько стропотны, гнѣвливы и обидчивы. Молодымъ господамъ въ домѣ у насъ было скучно, и покойница это видѣли и много на это досадовали. Себѣ этого ничего, бывало, не приписываютъ, а больше всѣхъ на Алексѣи Никитича сердились,—все полагали, что не такъ, вѣрно, у нихъ въ домѣ порядокъ устроенъ, чтобы всѣмъ весело было, и что чрезъ то ихъ всѣ забываютъ. Вотъ Алексѣй Никитичъ и достали маменькѣ приглашеніе на балъ, на который государи ожидали. Марфа Андревна сейчасъ Алексѣю Никитичу ручку пожаловали и не скрыли отъ меня, что это имъ очень большое удовольствіе доставило. Сдѣлали онѣ себѣ нарядъ безцѣнный и мнѣ французу-портному заказали синій фракъ алмазкаго сукна съ золотыми пуговицами, панталоны—сударыни, простите!—жилетъ и галстукъ бѣлые, манишку съ кружевными гофререями и серебряныя пряжки на башмаки, сорокъ два рубля заплатили. Алексѣй Никитичъ для маменькинаго удовольствія такъ упростили, чтобы и меня туда можно было на балъ взять. Приказано было метръ-д'отелю, чтобы ввести меня въ оранжерею при домѣ и напротивъ самаго зала, куда государь взойдетъ, въ углу поставить.

— Такъ это, милостивые государи, все и исполнилось, но не совсемъ. Поставилъ меня, знаете, метръ-д'отель въ уголокъ у большого такого дерева, китайская пальма называется, и сказали, чтобы я смотрѣлъ, что отсюда увижу. А что оттуда увидать можно?—Ничего. Вотъ я, знаете, какъ Захей мытарь, царь-цараль да и взлѣзъ на такую невысокую скалу, изъ такого, знаете, изъ поздраватаго камня, въ видѣ натуральной сдѣлана. Взлѣзъ я на нее на самый верхъ и стою подъ пальмой, за стволочъ-то держуся. Въ залѣ шумъ, блескъ, музыка и распарады, а я хоть и на скалѣ подъ пальмой стою, а все ничего не вижу, кромѣ какъ головы. Такъ ничего совсемъ ужъ не видѣть не надѣлся, но только вышло, что больше всѣхъ увидалъ. Вдругъ-съ всѣ эти головы въ залахъ засуетились, раздвинулись, и государь съ княземъ Голицынымъ прямо и входятъ отъ жары въ оранжерею. И еще-то, представьте, идетъ не только-что въ оранжерею, а даже въ самый тотъ дальній уголъ прохладный, куда меня спрятали. Я такъ, сударыни, и засохъ. На скалѣ-то засохъ и не слѣзу.

— Странно?—спросилъ Туберозовъ.

— Какъ вамъ доложить, отецъ протопопъ: не страшно, но и не нестрашно.

— А я бы убѣгъ, — сказалъ, не вытерпѣвъ, дьяконъ Ахилла.

— Чего же, сударь, бѣжать?

— Чего бѣжать? Да потому, что никогда царской фамили не видалъ, вотъ испугался бѣ и убѣгъ, — отвѣчалъ гигантъ.

— Ну-съ, я не бѣгалъ, — продолжалъ карликъ. — Не могу сказать, чтобы совсѣмъ ни капли не испугался, но не бѣгалъ. А его величество тѣмъ часомъ все подходятъ, да подходятъ; я слышу, какъ сапожки на нихъ ринъ-ринъ-ринъ; вижу ужъ и ликъ у нихъ этакій тихій, взракъ ласковый, да ужъ, знаете, на отчаянность, и думаю и не думаю: какъ и зачѣмъ это я предъ ними на самомъ на виду являюсь? Такъ, думъ совершенно никакихъ, а одно млѣнье въ суставахъ. А государь вдругъ этакъ головку повернули и, вижу, изволили вскинуть на меня свои очи и на мнѣ ихъ и остановили. Я думаю: что же я статуя есть, или человѣкъ? Человѣкъ. Я взялъ да и поклонился своему императору. Они посмотрѣли на меня и изволятъ князю Голицыну говорить по-французски: «Ахъ, какой миниатюрный экземпляръ! Чей, любопытствуютъ, это такой?» Князь Голицынъ, вижу, въ затруднительности, какъ ихъ величеству отвѣтить; а я, какъ французскую рѣчь могу понимать, самъ и отвѣчаю:

— Госпожи Плодомасовой, говорю, — ваше императорское величество.

Государь обратился ко мнѣ и изволятъ меня спрашивать:

— Какой вы націи?

— Вѣрноподданный, говорю, — вашего императорскаго величества.

— Какой же вы уроженецъ? — изволятъ спрашивать.

А я опять отвѣчаю:

— Изъ крестьянъ, говорю, — вѣрноподданный вашего императорскаго величества!

Императоръ и разсмѣялись.

— Bravo! — изволили пошутить, — bravo, mon petit sujet fidèle, и ручкой, этакъ, меня за голову взяли.

Николай Аоанасьевичъ понизилъ голосъ и сквозь тихую улыбку шопотомъ добавилъ:

— Ручкой-то своей, знаете, взяли, обняли, а здѣсь... не примѣтно для нихъ, пуговочкой своего обилага, носъ-то мнѣ ужасно чувствительно больно придавили.

— А ты же, вѣдь, ничего... не закричалъ? — спросилъ дяконъ.

— Итъ-сь, какъ можно! Я-сь, — заключилъ Николай Аванасьевичъ: — только какъ они выпустили меня, я поцѣловалъ ихъ ручку... что счастливъ и удостоенъ чести, и только и всего моего разговора съ ихъ величествомъ было. А послѣ, разумѣется, какъ сняли меня изъ-подъ пальмы и повезли въ каретѣ домой, такъ вотъ тутъ ужъ все плакалъ.

— Отчего же ты въ каретѣ-то плакалъ? — спросилъ дяконъ Ахилла.

— Да какъ же отчего? — отвѣчалъ, удивясь и смаргивая слезы, карликъ. — Отъ умиленія чувствъ плачешь.

— Да-а, вотъ отчего! — догадался Ахилла. — Ну, а когда жъ про жененье-то?

— Ну-сь, позвольте. Сейчасъ и про жененье.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Николай Аванасьевичъ женихъ.

— Только-что это случайное вниманіе императора ко мнѣ по Москвѣ въ большихъ домахъ разгласилось, покойница Мароа Андревна начали меня всюду возить и показывать, а я, истину вамъ декладываю, не лгу, былъ тогда самый маленькій карликъ во всей Москвѣ. Но недолго это было-сь, всего одну зиму...

Въ это время дяконъ, ни съ того, ни съ сего, вдругъ оглушительно фыркнулъ и, свѣсивъ голову за спинку стула, тихо захохоталъ.

Замѣтя, что его смѣхъ остановилъ рассказъ, Ахилла приподнялся и сказалъ:

— Итъ, это ничего!.. Рассказывай, едѣлай милость, Николавра: — это я по своему дѣлу смѣюсь. Какъ со мной графъ Кленыхинъ говорилъ.

Карликъ молчалъ.

— Да ничего; говорите! — упранивалъ Ахилла. — Графъ Кленыхинъ новый семинарскій корпусъ у насъ смотрѣлъ, я ему, въ родѣ вотъ какъ ты, поклонился, а онъ говоритъ: «пошелъ прочь, дуракъ!» — вотъ и весь нашъ разговоръ. Вотъ чему я разсмѣялся.

Николай Аванасьевичъ улыбнулся и сталъ продолжать:

— На другую зиму,—заговорилъ онъ:—Вихіорова генеральша привезла изъ-за Петербурга чухончку Метту Ивановну, карлицу, еще меньше меня на палець. Покоѣница госпожа Марѳа Андревна слышать объ этомъ не могли. Сначала все изволили говорить, что эта карлица не натуральная, а свинцомъ будто опоечная; но какъ пріѣхали и изволили сами Метту Ивановну увидать, и разсердились, что она такая бѣленькая и совершенная. И во свѣ стали видѣть, какъ бы намъ Метту Ивановну себѣ купить, а Вихіорина, та слышать не хочетъ, чтобы продать. Вотъ тутъ Марѳа Андревна и объясняютъ, что «мой Николай, говорятъ, умный и государю отвѣчать умѣлъ, а твоя, говорятъ, дѣвчунка, что жъ, только на видъ хороша, а въ ней особеннаго ничего не нахожу». А генеральша говорятъ, что и во мнѣ ничего особеннаго не видятъ,—такъ межъ собою объ госпожи за насъ и поспорятъ. Марѳа Андревна говорятъ той: «продай», а эта имъ говоритъ, чтобы меня продать. Марѳа Андревна вскипятъ вдругъ: «я, вѣдь, изволятъ говорить, не для игрушки се у тебя торгую: я се въ невѣсты на выводъ покупаю, чтобы Николая на ней женить».—А госпожа Вихіорова говорятъ: «что же, я его и у себя женю». Марѳа Андревна говорятъ: «я тебѣ отпихъ дѣтей дамъ, если будутъ», и та тоже говоритъ, что и онѣ Марѳѣ Андревнѣ пожалуютъ дѣтей, если родятся. Марѳа Андревна разсердятся и велятъ мнѣ прощаться съ Меттой Ивановной. А потомъ, день-два пройдетъ, Марѳа Андревна опять не выдержатъ. заѣдемъ, и какъ только онѣ войдутъ, сейчасъ и объявляютъ: «ну, слушай, матушка, я тебѣ, чтобы попусту не говорить, тысячу рублей за твою уродиху дамъ», а генеральша меня не порочатъ уродомъ, но двѣ за меня Марѳѣ Андревнѣ предлагаютъ. Пойдутъ другъ другу набавлять и набавляютъ-набавляютъ, и потомъ разсердится Марѳа Андревна, вскрикнетъ: «я, матушка, своими людьми не торгую», а госпожа Вихіорова тоже отвѣчаютъ, что и онѣ не торгуютъ,—такъ и опять велятъ намъ съ Меттой Ивановной прощаться.

— До десяти тысячъ рублей, милостивые государи, до-торговались за насъ, а все дѣло не подвигалось, потому что моя госпожа за ту даетъ десять тысячъ, а та за меня одиннадцать. До самой весны, государи мои, такъ тяну-

лось, и доложу вамъ, госпожа Вихіорова ужасно переломили Марю Андревну весь характеръ. Скучаютъ, страшно скучаютъ! И на меня все начинаютъ гнѣваться: «Это ты, изволятъ говорить, сякой-такой пентюхъ, что дѣвку въ воображеніе ввести не можешь, чтобы сама за тебя просилась».

— Матушка, говорю, Марю Андревна, да чѣмъ же, говорю, питательница, я могу ее въ воображеніе вводить? Ручку, говорю, матушка, миѣ, дураку, пожалуйте!

— Маленькій,—прошепталъ сочувственно дяконъ.

— Ну-съ, такъ дальше больше, дошло до весны,—пора намъ стало и домой въ Илодомасово изъ Москвы собираться. Марю Андревна опять приказали миѣ одѣваться, и чтобы одѣлся я въ испанское платье. Поѣхали къ Вихіоринѣ и опять не сторговались. Марю Андревна говорятъ ей: «Ну, хоть позволь же ты своей каракатицѣ, пусть они хоть походятъ вмѣстѣ съ Николашей передъ домомъ». Генеральница на это согласилась, и мы съ Меттой Ивановной по тротуару, на Мясницкой, противъ генеральшинныхъ оконъ и гуляли. Марю Андревна, покойница, и этому радовались, и всякихъ костюмовъ намъ обоимъ панили. Приѣдемъ, бывало, онѣ и приказываютъ: «падѣньте, Николаша съ Меттой, пейзажскіе костюмы». Мы оба въ деревянныхъ башмакахъ; я въ камзолѣ и въ шляпѣ, а она въ высокому чепчикѣ, выстроимся парой и ходимъ, и народа на насъ много соберется, стоитъ и смотритъ. Другой разъ велятъ намъ одѣться туркомъ съ турчанкой,—мы тоже опять ходимъ; или матросомъ съ матроской,—мы и этакъ ходимъ. А то были у насъ тоже медвѣжьи платица, тѣ изъ коричневой фланели, въ родѣ чехловъ, сшиты. Всунутъ насъ, бывало, въ нихъ, будто руку въ перчатку, ничего, кромѣ глазъ, и не видно, а на макушечкахъ такія суконныя завязочки ушками подѣланы, треплются. Но въ этихъ платицахъ насъ на улицу не посылали, потому тамъ собаки... разорвать могли, а велятъ, бывало, одѣться, когда обѣ госпожи за столомъ кофей кушаютъ, и чтобы во время ихъ кофею на коврѣ противъ ихъ стола бороться. Метта Ивановна пресильныя были, даромъ что женщина, но я, бывало, если имъ хорошенько модножку дамъ, онѣ сейчасъ и слетятъ, но только я, впрочемъ, это рѣдко дѣлалъ; я всегда Меттѣ Ивановнѣ больше поддавался, потому что миѣ ихъ жаль

было по ихъ женскому полу, да и генеральша ссейчасъ, бывало, въ ихъ защиту, собачку болонку кличуть, а та меня за голенишки, а Марѳа Андревна этого не снесуть и сердятся... А тоже покойница заказали намъ уже самый лучший костюмъ, оиъ у меня и теперь цѣль — меня одѣли французскимъ гренадеромъ, а Метту Ивановну маркизой. У меня этакій киверь, медвѣжіей мѣховой, высокій, мундиръ длинный, ружье со штычкомъ и тесакъ, а Меттѣ Ивановнѣ робъ и опахало большое. Я, бывало, стану въ дверяхъ съ ружьемъ, а Метта Ивановна съ опахаломъ проходятъ, и я имъ честь отдаю, и потомъ Марѳа Андревна съ генеральшею опять за насъ торгуются, чтобы насъ женить.

Но только надо вамъ доложить, что все эти наряды и костюмы для насъ съ Меттой Ивановной все моя госпожа на свой счетъ дѣлала, потому что онѣ ужъ навѣрное надѣялись, что мы Метту Ивановну кушимъ, и даже такъ, что тѣмъ больше онѣ на насъ двоихъ этихъ костюмовъ надѣлывали, тѣмъ больше увѣрялись, что мы ихніе; а дѣло-то совсѣмъ было не туда.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Николай Аванасьевичъ двуличный.

— Предъ самую весной Марѳа Андревна говорятъ генеральшѣ: «Что же это мы съ тобою, матушка, дѣлаемъ, ни Мишу, ни Гришу? Надо же, говорятъ, это на чемъ-нибудь намъ кончить», да на томъ, было, и кончили, что чуть самихъ на Ваганьково кладбище не отнесли. Захали покойница, желчью покрылись, на всѣхъ стали сердиться, и вотъ минуты одной, какова есть минута, не хотятъ ждать: вынь да положь имъ Метту Ивановну, чтобы женить меня!

У кого въ домѣ Свѣтлое Христово Воскресеніе, а у насъ тревога, а къ Красной Горкѣ ждемъ послѣдній отвѣтъ и не знаемъ, какъ ей и передать его.

— Тутъ-то Алексѣй Никитичъ, — дай имъ Богъ здоровья, ужъ и имъ это дѣло насолило, — видятъ, что бѣда ожидаетъ немнучая, вдругъ надумались и доложили маменькѣ, что Вихоршина карлица пропала.

Марѳа Андревнѣ все, знаете, отъ этого легче стало, что ужъ ни у кого ей нѣтъ.

— Какъ же, спрашиваютъ, — она пропала?

Алексѣй Никитичъ отвѣчаютъ, что жидъ укралъ.

— Какъ? Какой жидъ?—все разспрашиваютъ.

Сочиняемъ имъ, что понало: такъ, молъ, жидъ такай канитановатый, съ бородою, всѣ видѣли, взялъ да понесъ

— Что же,—изволятъ спрашивать:—зачѣмъ же его не остановили?

— Такъ, молъ, онъ изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулкъ, такъ и унесъ.

— Да и она-то, разсуждаютъ,—дура какая, что ее не суть, а она не кричитъ. Мой Николай ни за что бы, говорить,—не дался.

— Да какъ же можно, говорю,—сударыня, жиду сдаться! Самъ это говорю, а самому мочи нѣтъ совѣстно, что ихъ обманываю; а онѣ ужъ какъ ребенокъ всему стали вѣрять.

Но тутъ Алексѣй Пикитичъ маленькую ошибку дали: намѣреніе ихъ такое сыповнее было, разумѣется, чтобы скорѣе Мароу Андревну со мною въ деревню отправить, чтобы все это тутъ позабылось; они и сказали маменькѣ:

— Вы, изволятъ говорить,—маменька, не безпокойтесь, ее найдутъ, потому что ее ищутъ, и какъ найдутъ, я вамъ сейчасъ и отищу въ деревню.

А покойница, какъ это услышали, сейчасъ за это слово и ухватились:

— Иѣтъ, ужъ, говорятъ,—если ищутъ, такъ я лучше подожду, я этого жидъ хочу посмотрѣть, который унесъ ее.

Тутъ, судари мои, мы ужъ кварталнаго съ собою лгать подрядили: тотъ всякій день приходитъ и вретъ, что ищутъ, да не находятъ. Мароа Андревна ему всякій день синенькую, а меня, всякій день, къ ранней обѣднѣ посылаютъ, въ церковь Іоанну Воинственнику молебень о сбѣжавшей рабѣ служить...

— Іоанну Воинственнику? Іоанну Воинственнику, говоришь ты, ходилъ молебень-то служить?—перебилъ карлика дьяконъ.

— Да-съ, Іоанну Воинственнику.

— Это совсѣмъ не тому святому служилъ.

— Дьяконъ, сядь! Сядь, тебѣ говорю, сядь! — рѣшилъ отецъ Савелій:—а ты, Николай, продолжай.

— Да что, батунка, продолжать, когда вся ужъ почти ноя сказка и разказана. Ѳдемъ мы одинъ разъ съ Мароой Андревной огъ Пверской Божіей Матери, а генеральша Впхіорова и хлопъ на самой Петровкѣ навстрѣчу въ коляскѣ

и Метта Ивановна съ ними. Тутъ Марѳа Андреевна все поняла и... повѣрите, государи мои, или нѣтъ... тихо, по прегорько въ каретѣ заплакали.

Карликъ замолчалъ.

— Ну, Никола!—подогналъ его отецъ Савелій.

— Ну-съ, а тутъ ужъ что жъ, пріѣхали домой и говорятъ Алексѣю Никитичу: «а ты, сынъ мой, говорятъ,—выходишь дуракъ, что смѣлъ свою мать обманывать, да еще полицейскаго ярыжку, квартальнаго приводилъ»,—и съ этимъ велѣли укладываться и уѣхали.

— А вамъ же,—спросили Николая Аонасьевича:—вамъ ничего не досталось?

— Было-съ,—отвѣчалъ старичокъ:—было. Своими устами прямо мнѣ они ничего не изрекли, а все наметки давали. Въ обратный путь какъ ѣхали, то какъ скоро на знакомомъ постояломъ дворѣ остановимся, они изволятъ про что-нибудь хозяйственное съ дворникомъ разсуждать, да сейчасъ и вставятъ: «теперь, говорятъ, прощай: больше я ужъ въ столицы не ѣздохъ,—ни за что, говорятъ, не поѣду». — Что жъ такъ разгнѣвались, сударыня?—скажетъ дворникъ. А они: «я, изволятъ говорить,—гнѣваться не гнѣваюсь, да и никто тамъ моего гнѣва, спасибо, не боится, но не люблю людей двуличныхъ, а тѣмъ особеннѣйшій столичныхъ», да на меня при этомъ и взглянуть.

— Ну-съ?

— Ну-съ, я ужъ это, разумѣется, понимаю, что это на мой счетъ съ Алексѣемъ Никитичемъ про двуличность,—подойду, униженно вину свою чувствуя, поцѣлую ручку и шепчу:—«достоинъ, государыня, достоинъ сего, достоинъ!»

— Аксіось,—замѣтилъ дьяконъ.

— Да-съ, аксіось. Этимъ укореніемъ вины своей, по всякую минуту, ихъ наконецъ и успокоилъ.

— Это пантеплѣйше!—воскликнулъ Туберозовъ.

Николай Аонасьевичъ обернулся на стульцѣ ко всѣмъ слушателямъ и заключилъ:

— Я вѣдь вамъ докладывалъ, что исторія самая простая и нисколько не занимательная. А мы, сестрица,—добавилъ онъ, вставая,—засимъ и поѣдемте!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Николай Афанасьевич улетает и съ нимъ улетаетъ старая сказка.

Марья Афанасьевна стала собираться.

Всѣ стали съ мѣста, чтобы проводить маленькихъ гостей и бесѣда уже казалась совершенно законченною, какъ вдругъ дьяконъ Ахилла опять выступилъ со споромъ, что Николай Афанасьевичъ не тому святому молебень служилъ.

— Это, отецъ дьяконъ, не мое, сударь, дѣло знать, — оправдывался, отыскивая свой пуховый картузь, Николай Афанасьевичъ. — Я въ первый разъ пришелъ въ церковь, подаль записку о *блжавшей рабѣ* и полтинникъ; священникъ и стали служить Юанну Воинственнику, такъ оно послѣ и шло.

— Плохъ, значитъ, священникъ.

— Чѣмъ? чѣмъ? чѣмъ? Чѣмъ такъ по-твоему плохъ этотъ священникъ? — вмѣшался неожиданно кроткій отецъ Бенефисовъ.

— Тѣмъ, отецъ Захарія, плохъ онъ, что дѣла своего не знаетъ, — отвѣчала Бенефисову съ отчужденною развязностью Ахилла. — *О блжавшемъ рабѣ* нешто Юанну Воинственнику итъ подобаетъ?

— Да, да! А кому же по-твоему? Кому же? Кому?

— Кому? Вѣдь слава тебѣ Госноди, сколько, я думаю, итъ эта таблица передъ вами у ктиторна на стѣнѣ наклеена; а я вѣдь по печатному читать разумью и знаю, кому за что молебень итъ.

— Да!

— Ну, и только! Федору Тирону, если вамъ угодно слышать, вотъ кому.

— Ложно осуждаешь: Юанну Воинственнику они праведно служили.

— Не конфузьте себя, отецъ Захарія.

— Я тебѣ говорю: правильно.

— А я вамъ говорю: понапрасну себя не конфузьте.

— Да что ты тутъ со мной споришь! Ишь! ишь!.. спорщикъ какой!

— Нѣтъ, это что вы со мной спорите! Я васъ вѣдь, если захочу, сейчасъ могу оконфузить.

— Ну, оконфузь!

— Ей-Богу, оконфужу!

— Ну, оконфузь!

— Ей-Богу, вѣдь оконфужу, не просите лучше, потому я эту ктиторскую таблицу наизусть знаю.

— Да ты не разговаривай, а оконфузь, оконфузь!—смѣясь и радуясь, частилъ Захарія Бенефисовъ, глядя то на дьякона, то на чинно хвоящаго молчаніе отца Туберозова.

— Оконфузить? извольте,—рѣшилъ Ахилла, и сейчасъ же, закинувъ далеко на локоть широкій рукавъ, загнулъ правою рукой большой палецъ лѣвой руки, какъ будто собирався его отломить, и пачалъ:—вотъ первос: объ исцѣленіи отрясовичной болѣзни—преподобному Марою.

— Преподобному Марою, — повторилъ за нимъ, соглашаясь, отецъ Бенефисовъ.

— Отъ огрызной болѣзни—великомученику Артемію,—вычитывалъ Ахилла, заломивъ тѣмъ же способомъ второй палецъ.

— Артемію,—повторилъ Бенефисовъ.

— О разрѣшеніи неплодства—Роману Чудотворцу; если возненавидитъ мужъ жену свою—мученикамъ Гурію, Самону и Авивѣ; объ отогнаніи бѣсовъ—преподобному Нифонту; объ избавленіи отъ блудныя страсти—преподобному Мартемьяну...

— И преподобному Моисею Угрина, — тихо вставилъ, до сихъ поръ только въ тактъ покачивавшій своею головкой, Бенефисовъ.

Дьяконъ, уже загнувшій всѣ пять пальцевъ лѣвой руки, секунду подумалъ, глядя въ глаза отцу Захарію, и затѣмъ, разжавъ лѣвую руку, чтобы загибать ею пальцы правой, произнесъ:

— Да, можно тоже и Моисею Угрина.

— Ну, теперь продолжай.

— Отъ виннаго запойства—мученику Воиифатію...

— И Моисею Мурина.

— Что-съ?

— Воиифатію и *Моисею Мурина*, — повторилъ отецъ Захарія.

— Точно,—подтвердилъ дьяконъ.

— Продолжай.

— О сохраненіи отъ злого очарованія—священномученику Кширіяну...

— И Святой Устиниі.

— Да позвольте же, наконецъ, отецъ Захарія!

— Да нечего мнѣ тебѣ позволять, русскимъ словомъ ясно напечатано: «и святой Устиниі».

— Ну, хорошо! ну, и святой Устиниі, а объ обрѣтеніи украденныхъ вещей и *бѣжавшихъ рабовъ* (дьяконъ началъ съ этого мѣста подчеркивать свои слова) *Федору Тирону, его же память празднуемъ семнадцатаго февраля.*

Но только-что Ахилла вострубилъ свое послѣднее слово, какъ Захарія, тою же своею тихою и безстрастною рѣчью, продолжалъ чтеніе таблички словами:

— И Иоанну Воинственнику, его же память празднуемъ десятаго іюля.

Ахилла похлопалъ глазами и проговорилъ:

— Точно, теперь вспомнилъ: есть и Иоанну Воинственнику.

— Такъ о чемъ же это вы, сударь, отецъ дьяконъ, изволили спорить?—спросилъ, протягивая на прощанье свою ручку Ахиллѣ, Николайъ Аонасьевичъ.

— Ну, вотъ, поди же ты говори со мной! Дубликаты позабылъ, вотъ изъ чего спорилъ,—отвѣчалъ дьяконъ.

КОТИНЪ ДОИЛЕЦЪ И ПЛАТониДА.

Изломанная утварь
Разрушеннаго дома.

Шекспиръ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ Старомъ Городѣ не было человѣка, который пользо-
вался бы такою извѣстностью и уваженіемъ, какими поль-
зуется тамъ даже въ наше неуважительное время очень
скромный человѣкъ, обработавшій неплодную почву нынѣ
плодоноснаго городского острова. Человѣкъ этотъ происхо-
дилъ отъ раскольничьяго колѣна купца Дѣва; но не родъ
и не порода, а жизнь и дѣла этого человѣка дали ему его
извѣстность и почтеніе отъ ближнихъ.

Купецъ Семень Дмитріевичъ Дѣвъ былъ только иннов-
никомъ золь для того, о комъ здѣсь будетъ рассказано.

Это небольшая исторія.

Сдѣлавшись главою людей, не пошедшихъ къ соедине-
нію съ церковью, старый Дѣвъ построилъ себѣ деревян-
ный домъ, на «отлетѣ», въ самомъ концѣ города. Нынче
никто не живетъ въ этомъ домѣ, и онъ стоитъ одинокій,
сумрачный и непривѣтливый. Таковъ же, впрочемъ, былъ
этотъ сѣрый, двухъ-этажный домъ, съ двумя ярусами ма-
ленькихъ оконекъ, и въ тѣ дни, когда въ немъ еще оби-
тали живые люди, и въ окна его свѣтили мерцающіе огоньки
неугасимыхъ лампадокъ. Домъ этотъ не хотѣлъ имѣть со-
общенія ни съ кѣмъ и немилосердно каралъ тѣхъ изъ сво-
ихъ обитателей, у кого по какому-нибудь случаю замѣча-
лось хоть малѣйшее желаніе облизнуться съ новымъ міромъ.

Въ цѣломъ городѣ почти никто не имѣлъ никакого понятія о томъ, какъ живетъ въ раскольничьемъ домѣ Семена Дѣева. На улицѣ старогорожане встрѣчали только самого Дѣева, но встрѣчали его всегда капризнаго, угрюмаго, ко гнѣву склоннаго и мстительнаго. Если же встрѣчался гдѣ-нибудь кто бы то ни было изъ другихъ жильцовъ этого дома, то всѣ смотрѣли на него какъ на выходца съ того свѣта. О женищинахъ, здѣсь жившихъ, знали еще менѣе, чѣмъ о мужчинахъ. Онѣ тамъ рождались, или приходили туда для сожителства, тамъ же и умирали. Ворота дѣевского дома затворялись за ними только за мертвыми. Изъ этого были только два исключенія.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ одну самую бурную, темнѣйшую и человѣконенавистную ночь, грозный дѣевскій домъ вытолкнулъ въ неприютность молодую дѣвушку.

Домъ словно выцвѣнулъ спросонья это дитя и снова залопнулъ до другого случая свои сердитыя вѣки.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вытолкнутая дѣвушка была сирота, племянница Семена Дѣева, Аксинья Матвѣевна. Ей было тогда всего восемнадцать лѣтъ; но, несмотря на свое строгое дѣвичье затворничество, она знала, куда ей нужно идти въ эту суровую ночь своего изгнанія. Она шла изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ, прямо къ маленькому, сѣренькому домику на церковномъ погостѣ, и здѣсь робко постучалась въ покосившееся окошко. Черезъ нѣсколько минутъ, она постучалась нѣсколько смѣлѣе, и въ ту же минуту навстрѣчу ей выскочилъ молодой человѣкъ, въ одномъ бѣльѣ и въ сапожныхъ опоркахъ. Это былъ понамарь Юна Пизонскій.

— Кеюна! Косатка!—вскричалъ онъ съ изумленіемъ, увидя передъ собою дѣвушку.

Изгнанница только уныло шепнула:

— Выгнали.

— Выгнали?

— Выгнали; избил и выгнали.

Молодой человѣкъ, съ безнечивѣйшею радостью, широко распахнулъ калитку и, перехвативъ къ себѣ дѣвушку, заперъ задвижкой ворота и внесъ на рукахъ свою дрожащую гостью въ очень небольшую горенку.

Весь домикъ Юны Пизонскаго, къ которому пришла

Асюша, состоялъ изъ одной крошечной горенки и еще меньшей приспѣшной. Иона Пизонскій былъ человѣкъ одинокій и молодой. Онъ проводилъ беззаботнѣйшую жизнь и обыкновенно расхвѣвалъ съ голода самыя веселыя пѣсни. Пѣсни эти, его красота и беззаботная удалъ полонили для него сердца старогородскихъ затворницъ и добыли ему пылкое сердечко изгнанницы дѣвскаго дома. Сцена, которую мы видѣли, была сцена, резюмировавшая ихъ тайную любовь въ тотъ моментъ, когда силою природы вещей любовь эта перестала быть тайною для дѣвскаго дома.

Выгнанная сирота, скромная какъ агнецъ, пошла на все за своимъ любимцемъ: она приняла его вѣру, его имя и званіе—сдѣлалась его женой и понамарицей, а черезъ пять мѣсяцевъ родила ему сына Константина.

— Оступилась и не доносила,—остричь на свой счетъ по этому случаю понамарь Пизонскій; а черезъ годъ самъ оступился, рубя осенью хворостъ на крутомъ обрывѣ надъ Турицею, полетѣлъ внизъ головою и одинъ-одинокъ отдалъ свою веселую душу единому Богу.

Понамарица осталась съ годовымъ ребенкомъ одна, яко персть.

Ворота дѣвскаго дома, въ которыя постучалась вдова въ эту годину несчастія, отворились только для того, чтобы послать ей одно проклятіе.

Не имѣя ни роду, ни племени, ни пристанища, куда приклонить голову, вдова Пизонская пріютилась въ женскомъ монастырѣ, въ келейныя. Туда же въ женскій монастырь внесла она съ собою и своего сына, назвавъ его обманю дѣвочкой Макриной.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Хитрость, вызванная отчаяннымъ положеніемъ вдовы, удалась ей какъ нельзя лучше. Благодаря безпрестанному бдѣнію матери, настоящій полъ ребенка не былъ никогда никѣмъ обнаруженъ; но зато и не знало его и само дитя, и само оно тоже считало себя дѣвочкой. Когда же Константинъ Пизонскій, подъ псевдонимомъ Макрины, достигъ въ монастырѣ двѣнадцатилѣтняго возраста, вдова Пизонская, заботясь о воспитаніи сына, вывела его вопъ изъ обители, переодѣла въ оврагѣ изъ юбки и черноколенковаго платья въ желтый нанковый халатъ и отдала въ ду-

ховное приходское училище, подъ его настоящимъ именемъ Константина Пизонскаго. Но книжная премудрость не далась ребенку. Несчастное дитя прежде всего сдѣлалось всеобщимъ посмѣшищемъ. Скинувъ съ себя свой женскій псевдонимъ, оно, во-первыхъ, никакъ не могло приучиться считать себя мальшкомъ и постоянно говорило: «я была, я пришла, я ѣла»; а это дало поводъ издѣваться надъ нимъ съ первой же минуты. Учиться ребенокъ былъ очень способенъ; но тогдашняя училищная строгость и ядовитыя докучки товарищей отняли у него всякую возможность успѣха. Запуганность его дошла до невѣроятныхъ предѣловъ и была причиною окончательнаго смѣненія его въ неспособныя. Однажды, еще векоръ послѣ своего поступленія въ училище, Пизонскій, надписывая свое имя на тетради, вмѣсто Константина, написалъ Кипстинтъ. Учитель поймалъ его на этой ошибкѣ и, ударивъ по головѣ лозою, спросилъ:

— Какъ твое имя?

— Константинъ,—отвѣчалъ ребенокъ.

— Пини на табулѣ.

Дитя взяло дрожащею рукою мѣлъ и почувствовало, что рука его бѣжитъ, бѣжитъ, бѣжитъ неудержимо и чертитъ одну за другою безконечныя буквы. Во всю доску тянется Константиинтинтинтинтин... и все нѣтъ ему конца, нѣтъ заключенія, нѣтъ предѣла. Ребенокъ чувствуетъ, что это что-то не то, что это что-то неладно, — онъ мѣлетъ, дрожитъ и все ведетъ слогъ за слогомъ: «тинтинтинтинтин»...

— Что ты, стрикулишь, такъ больно длинешь?—замѣчаетъ ядовито учитель:—держишь своей пренорціи!

Пизонскій быстро стеръ съ доски безконечную цѣпь слоговъ и твердою, рѣшительною рукою написалъ короткое «Котинъ».

Приведенный въ недоумѣніе этимъ быстрымъ сокращеніемъ протяжно-сложеннаго слова, учитель счелъ это за оскорбительный фарсъ: онъ снова рѣзнулъ Пизонскаго лозою по уху и снова еще болѣе строгимъ голосомъ напомнилъ ему о соблюденіи «пренорціи».

— Не могу,—рѣшительно отвѣчалъ ребенокъ.

— Чего жъ ты не можешь?

— Не могу написать по пренорціи.

Учитель качнулъ назадъ головою, и дитя, зная, что означаетъ сей знакъ, съ невозмутимою покорностью подошло къ

скамейкѣ, у которой всегда лежали, въ ведрѣ, пучки розогъ.

— Ну, Макрина, укладывайся!—приглашали его очередные сѣкуторы, и совершалася казнь.

И всякій разъ повторялись надъ нимъ эти шутки и потѣхи, и всякій день выводилъ онъ цѣлый часъ, при общемъ смѣхѣ, безконечное *Константинтинъ*, и потомъ, доходя до отчаянія, вдругъ писалъ короткое—*Котинъ*, и шелъ къ сѣкуторской скамейкѣ. Всякій день его стегали по незажившимъ рубцамъ, и онъ все-таки не входилъ въ свою пропорцію, а всегда или ползъ съ своимъ именемъ въ безконечность, или отчаянно ставилъ короткое: «Котинъ».

Окончательное воспитаніе Пизонскаго завершилось тѣмъ, что товарищи сломали ему посовой хрящъ и своротили на сторону носъ, а начальство исключило его «за великовозрастіемъ и малоуспѣшіемъ» изъ училища и предоставило ему избрать себѣ дозволенный закономъ родъ жизни. Для Пизонскаго всѣ дозволенные роды жизни были равнозначущи и равноцѣпны, а потому онъ вовсе не заблагоразсудилъ позаботиться объ избраніи какого-нибудь одного изъ нихъ себѣ въ исключительную собственность. Онъ прежде всего подумалъ о хлѣбѣ и поступилъ въ науку къ энциклопедисту-ремесленнику, мѣднику, механику, переплетчику, астроному и поэту. Вдвоемъ съ своимъ чудачкомъ-хозяиномъ они были все и ничего: они переплетали книги, малярничали, лудили кастрюли—и все это дѣлали «ничтоже сумняшеся», и дешево, и скверно. Скуднаго дневного заработка имъ едва доставало на самое нищенское пропитаніе; по это ихъ нимало не смущало. Сидя зачастую и безъ работы, и безъ хлѣба, они забывали о голодѣ, азартно читали какую-нибудь старую астрономію и тыкали пальцами по засаленному небесному атласу. Спускающаяся на землю вечерняя темень только пригоняла ихъ къ окну, изъ котораго они гляѣли цѣлыя ночи на небо и опредѣляли созвѣздія или читали на память Манфреда и козловскаго «Чернеца», или же, наконецъ, усѣвшись на порожкѣ своей хаты, распѣвали дуэтомъ:

О, человекъ!
Вспомни свой вѣкъ.
Взгляни ты на гробы,
Они вѣчны домы.

Неизвѣстно, докуда бы продолжалось такое сладкое и

поэтическое житье нашей Макрины, если бы ее, какъ чело-
вѣка, не избравшаго себѣ въ срокъ никакого дозволеннаго
закономъ рода жизни, не отдали «по разряду» въ окруты.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Три года Константинъ Пизонскій пробылъ дьячкомъ
полковой церкви и, наконецъ, по ходатайству матери, воз-
вращень для ея прокормленія. По своей старухи Констан-
тинъ Пизонскій, возвратясь домой, уже не засталъ на свѣтѣ.
Онъ пришелъ въ Старый Городъ и явился къ дядѣ-старо-
вѣру Маркелу Дѣеву. Маркель Семеновичъ Дѣевъ допустилъ
Пизонскаго къ себѣ на глаза, выслушалъ все, что тотъ го-
ворилъ ему, а потомъ позвалъ всѣхъ, кто у него былъ въ
семьѣ, и сказалъ племяннику:

— А ну-ка, повернись!

— Какъ, дядюшка?—спросилъ Пизонскій.

— Такъ, бокомъ повернись.

Тотъ повернулся.

— Ну, а теперь задомъ стань.

Пизонскій и это исполнилъ.

— Хорошо?—спросилъ Маркель Семеновичъ домашнихъ.

Общій хохотъ, гдѣ громкій, гдѣ сдержанный, раздался изъ
всѣхъ угловъ въ отвѣтъ на это восклицаніе.

На Пизонскаго и дѣйствительно трудно было смотрѣть
безъ смѣха: его лысая и, вдобавокъ, по-солдатски обточен-
ная голова, его кривой носъ, его птичьи-круглые глаза,
синія губы и длинный нанковый капотъ, купленный въ
томъ городѣ, гдѣ кончилась его военная карьера,—все это
вмѣстѣ взитое давало самый смѣшной и дурашный видъ
его фигурѣ.

— Служилъ куцымъ бѣсомъ три года и выслужилъ три
уголовицы—и то ладно. Ну, и больше же, братъ, не хло-
почи, не оборачивайся, а какъ сталъ теперь лбомъ къ по-
рогу, такъ и иди вонъ, откуда пришелъ,—объявилъ ему
дяди, твердо и рѣшительно изгоняя навсегда изъ своего
правовѣрнаго дома сына еретика и еретицы.

Пизонскій вышелъ.

Съ непокрытою отъ разсѣянности головою прошелъ онъ
по всему городу, удивляя своею лысною прохожихъ, ко-
горые смѣялись надъ нимъ злѣе, чѣмъ дѣти смѣялись надъ
лысымъ пророкомъ; но Пизонскій, однако, былъ терпѣливѣй

пророка: опъ никого не проклялъ, а только тихо поплаквалъ, сѣвши подь ракитой за городскою заставой. Онъ былъ совершенно безпріютенъ и сидѣлъ на дорогѣ, какъ опцианный филинъ. Обыкновенно думаютъ, что въ такомъ положеніи человекъ находится на одинъ короткій шагъ отъ злого дѣла, но это не со всѣми такъ бываетъ. По крайней мѣрѣ Пизонскій не задумывалъ никакихъ злыхъ дѣлъ: ему было только очень тяжело и больно, и опъ сидѣлъ и плакалъ просто — чтобъ выплакаться. Однако, невозможно же было вѣчно сидѣть на большой дорогѣ: надо было куда-нибудь шагать, гдѣ-нибудь искать какого бы то ни было пріюта.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Пизонскій вспомнилъ, что у него гдѣ-то, не очень далеко отъ города, была замужемъ за однодворцемъ материна племянница, а его двоюродная сестра, по фамилин Набокова, и пошелъ искать ее. Шелъ онъ — близко ли, далеко ли — и пришелъ на другой вечеръ въ село, гдѣ надѣялся увидеть свою родственницу и гдѣ узналъ, что ни ея самой, ни ея мужа въ живыхъ нѣтъ, а что остались послѣ нихъ двѣ дѣвочки: Глаша лѣтъ пяти, да Пилочка — по второму году; но и ихъ, этихъ сиротъ, нѣту въ наличности, и ихъ забрала къ себѣ на воспитаніе слѣпая нищая, Пустыриха. Вотъ тебѣ и весь родъ, и все племя!

«Пойду, посмотрю, по крайней мѣрѣ, хоть какія эти дѣвоньки», подумалъ все болѣе и болѣе сиротѣвшій Пизонскій, и онъ отыскалъ Пустыриху и нашелъ у нея дѣтей.

Встрѣча его съ дѣтьми была передъ вечеромъ. Обѣ дѣвочки, въ ветчайшихъ рубищахъ, сидѣли на пыльной завалинкѣ: старшая играла, подгибывая ручонками крошечные камешки, а младшая — томилась, лѣниво слѣдя глазенками за сестриными руками.

Пизонскій выскочилъ къ нимъ неожиданно, изъ-за угла хаты, и остановился передъ ними, какъ уродливый сказочный гений.

Посмотрѣвъ на дѣтей, онъ сѣлъ около нихъ на травку и обнялъ ихъ обѣими руками.

— Голубятки! — заговорилъ онъ: — плохо вамъ тутъ у бабушки?

Дѣти нугливо прижались одна къ другой, сначала долго

другъ на друга смотрѣли и потомъ обѣ разомъ тихо заплакали.

Пизонскій опустилъ въ карманъ руку и, доставъ оттуда немного смятую, печеную луковицу, обдѣлъ прилипшія къ ней крошки хлѣба, разломилъ ее ногтями пополамъ и подалъ сироткамъ.

Тайный ли голосъ крови, или заманчивый вкусъ сладкой, печеной луковицы, сразу расположилъ сиротокъ къ Пизонскому. Онѣ сползли съ завалины, усѣлись одна противъ другой на его колѣняхъ и сосали лужъ, теребя ручонками ясную, солдатскую пуговицу, пришитую къ воротнику дынинаго коленкороваго халата.

— Бьетъ васъ бабушка, дѣтки? — началъ прямо Пизонскій, поглаживая дѣвочекъ по головкамъ.

— Боть, — прошептали тихо дѣти.

— И больно?

— Бою, — проронили онѣ еще тише и робче и, смаргивая слезы, напряженно смотрѣли съ раздражающей дѣтскою тоскою на ту же глухо блестящую пуговицу.

Пизонскій развздыхался. Дробныя слезы ребячьи на щекахъ забитаго ребенка непереносимы. Необъятная любовь и нѣжность овладѣли сердцемъ Пизонскаго въ виду этихъ слезъ. Онъ готовъ былъ все сдѣлать, чтобы отереть эти слезы; но что могъ для кого-нибудь сдѣлать онъ, — нищій, калѣка и уродъ, когда сотни людей, представляя себѣ его собственное положеніе, павѣрное почитаютъ его самого обреченнымъ на гибель?

И всякій бы простилъ ему безучастіе, потому что бѣдный уродъ ничего не могъ сдѣлать для двухъ сиротъ. У нихъ былъ хотя нищенскій пріютъ Пустырихи, Пизонскій же былъ совсѣмъ безпріютенъ. А взять чужое дитя — это, говорятъ, такъ отвѣтственно, что страхомъ этой отвѣтственности всегда можно извинить себя и оставить все на волю безотвѣтственнаго случая.

Пизонскій, къ счастью, не философствовалъ, а хорошо чувствовалъ и потому поступилъ иначе.

Дождавшись возвращенія Пустырихи домой, онъ попросился у нея переночевать. Ночью онъ все вставалъ и павѣдывался къ дѣтямъ, а къ утру окрестъ его запорхали какія-то чудныя грезы, и утромъ онъ, забывая собственную

беспомощность и безпріютность, стать умолять старуху чтобы она отдала ему спротокъ.

— Я ихъ, бабушка, воздую, я выучу ихъ, бабонька,— говорилъ Пизонскій.

Старуха и слушать объ этомъ не хотѣла. Она хотѣла посылать дѣтей побираться, и потому выгнала самого Пизонскаго и захлопнула у него передъ носомъ дверь свою.

«Тягаться съ нею судомъ,—подумалъ Пизонскій,—долго, и денегъ у меня нѣтъ на то, да и пока велятъ ей отдать мнѣ дѣтей, она ихъ непремѣнно ослѣпитъ».—Но разстаться съ дѣтьми и снова идти Богъ знаетъ куда одному—Пизонскому теперь уже показалось невозможно, и онъ въ теченіе слѣдующей за нимъ ночи придумалъ нѣчто другое.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Увидѣвъ у одного крестьянскаго половня лозовую плетушку, въ которой носятъ мякину и ухоботье, Пизонскій утащилъ ее за сарай, высыпалъ изъ нея вонъ ржаной колось, настлалъ на дно свѣжаго сѣна и припряталъ у Пустырихи на огородѣ. (Онъ сдѣлалъ преступленіе — онъ укралъ плетушку). Чуть только на другой день выглянуло на небѣ солнышко и Пустыриха, по заведенному порядку, тронулась съ поваркой въ поборъ. Пизонскій схватилъ оставшихся дома дѣвочекъ, посадилъ ихъ въ плетушку, подцѣпилъ ее своимъ кушакомъ за плечи и съ длиннымъ костьюлемъ въ рукѣ зашагалъ своими длинными ногами къ городу. Боязнь погони и страхъ за участь дѣтей, которыя, какъ не оперившіяся птички, спали свернувшись въ плетушкѣ за его плечами, такъ гнали Пизонскаго, что онъ, не отдыхая, отмахалъ въ лѣтній день шестьдесятъ верстъ и вечеромъ сталъ въ Старый Городъ. Здѣсь ему не было мѣста одному, и сюда онъ теперь являлся еще съ двумя взятыми на свое попеченіе дѣтьми.

Всякій имѣлъ полное основаніе назвать этого человѣка дуракомъ.

— Что-то онъ теперь будетъ дѣлать? Куда онъ съ ними подѣнется?

— Дуракъ!

.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Качаясь за спиною Пизонскаго, обѣ путешествовавшія въ плетушкѣ сиротки спали цѣлый день; но вечерняя прохлада разбудила ихъ, и онѣ начали съ холоду ёжиться и поческивать. Но это ужъ было у пристани. Пизонскій въ это время уже свернулъ въ сторону нѣ подгороднiе конопляники. Здѣсь онъ взялъ обѣихъ дѣвочекъ подъ мышки, вытрясъ на землю бывшее на длѣ плетушки сѣно, уложилъ на него дѣтей, сѣлъ надъ ними на корточки, какъ насѣдка, и, подобравъ ихъ подъ грудь, въ теченiе всей короткой ночи согрѣвалъ ихъ животною теплотою собственнаго тѣла и самъ плакалъ... сладко плакалъ отъ счастья.

«Чего мнѣ!—думалъ онъ,—и за что такая радость! Ты, Господь, хотѣлъ собрать дѣтей Иерусалима, какъ кокошь собираетъ итенцы, а они не захотѣли... они Тебя огорчили,—они не пошли, а мои пришли ко мнѣ... я ихъ унесъ... укралъ... Я ихъ грѣю... Господи! прости мнѣ, что я ихъ укралъ.. Дай мнѣ укрыть ихъ отъ зла.. и прости мнѣ... прости, сдѣлай милость, что я также укралъ и плетушку!»

И онъ всхлинулъ, окончивъ эту молитву, и тутъ же уснулъ, согрѣвая подъ грудью своєю крѣпко спавшихъ сиротокъ.

Рослая конопля закрывала это гнѣздо такъ, что¹его можно было видѣть только съ неба.

Раннимъ утромъ, чуть только всыхнуло погожее солнышко, Пизонскій всталъ съ своего мѣста, накрылъ спящихъ дѣтей плетушкой, и чтобы они, проснувшись, не могли ее съ себя сбросить, связалъ надъ нею крестъ-накрестъ четыре пучка конопли и вышелъ изъ своей засады. Оглядѣвшись на всѣ стороны, онъ вздохнулъ, перекрестился и прямо задами побрелъ къ городскимъ огородамъ. Городъ еще спалъ, вѣжась въ подымавшемся съ рѣки дымчатомъ туманѣ. Мѣста, которыми теперь шелъ Пизонскій, очевидно, были ему не очень знакомы, потому что онъ долго осматривалъ, припоминалъ малѣйшiя примѣты и только послѣ долгихъ соображенiй, открывъ глазами большой огородъ, обнесенный вокругъ высокимъ плетнемъ изъ лѣсной орѣшники, направился прямо къ этому огороду и перелѣзъ черезъ окружавшую его канаву, потомъ черезъ плетень. Очу-

тившись затѣмъ на самомъ огородѣ. Пизонскій изогнулся дугою, быстро пробѣжалъ по межамъ и спрятался въ грядахъ напереннаго гороха. Здѣсь онъ присѣлъ и сталъ кого-то высматривать. Цѣлый часъ онъ просидѣлъ въ горохѣ, то робко высовывая свою голову выше зелени, то снова быстро падалъ въ межу при малѣйшемъ шумѣ. Ради какихъ соображеній явился сюда Пизонскій, только нѣскольکو дней тому назадъ изгнанный изъ этого дома съ неслыханной суровостью и позоромъ, и кого онъ теперь желалъ здѣсь встрѣтить? Этого отгадать было невозможно. Одно только можно было основательно предположить, что Пизонскій ждалъ здѣсь не Маркела Семеныча.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Пизонскій, дѣйствительно, выжидалъ появленія совсѣмъ другого лица изъ семьи Дѣвухъ, и невыразимо смутился, когда тихо скрипнули ворота задняго двора и на огородъ вышелъ высокій кучерявый парень въ свѣтлой розовой рубашкѣ. Это былъ не Маркель Семенычъ и не сынъ его, Марко Маркелычъ, но, очевидно, это все-таки былъ и не тотъ, кого желалъ встрѣтить Пизонскій.

Завидя вошедшаго молодца, Пизонскій не только не всталъ, но пригнулся какъ можно ниже.

Молодой человѣкъ, который вошелъ въ огородъ, сдѣлалъ нѣскольکو шаговъ по узкой дорожкѣ, раздѣлявшей гряды на двѣ ровныя половины, подперся лѣвой рукой въ бокъ и, весело глянувъ по широкому пространству, занятому росистыми овощами, тихо зѣвнулъ, потянулся и сталъ, почесывая сапожкомъ одной ноги другую. Этотъ юноша была сама молодость, сама воплощенная свѣжесть. Пизонскій его разсматривалъ не безъ удовольствія, забывъ даже какъ будто о своемъ петербургѣ. Но вотъ ворота скрипнули еще разъ. Въ этотъ разъ на огородѣ показалась высокая, молодая женщина съ веселымъ румянцемъ и прямыми соболиными бровями. Она была одѣта въ темной шерстяной юбкѣ, старенькой гарнитуровой душегрѣйкѣ и покрыта по головѣ бѣлымъ бумажнымъ платкомъ съ розовыми касмочками.

Завидя эту женщину, Константинъ Юнычъ покраснѣлъ отъ радости до ушей и заметался по межѣ. Явно было, что это и есть то самое лицо, которое онъ хотѣлъ здѣсь видѣть, и что теперь его занимала одна мысль: какъ при-

влечь на себя ея вниманіе, не обративъ на себя въ то же время вниманія стоящаго парня. Но такой маневръ былъ рѣшительно невозможенъ, и Пизонскій снова присѣлъ на колѣни и, удерживая дыханіе, сталъ торопливо раздвигать синеватые усы гороха.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Между тѣмъ блѣлолицая красавица, войдя на огородъ, подошла одной рукою отъ росной травы юбку и прямо направилась къ грядѣ съ молодымъ свекольникомъ. Пизонскому показалось, что, завиды стоящаго на дорожкѣ парня, молодая женщина немножко смутилась, но тотчасъ же и улыбнулась. Дойдя спокойною поступью до гряды, она поставила на между большую, расписанную сусальнымъ золотомъ деревянную чашу и стала проворно срывать и класть въ нее молодые свекольные листья. Этимъ временемъ парень приблизился тихой, щеголеватой походкой къ красавицѣ и съ веселой улыбкой проговорилъ:

— Здравствуйте, невѣстка!

Та, къ которой относилось это привѣтствіе, не обратила на него никакого вниманія.

Молодой человекъ снова усмѣхнулся; онъ обошелъ невѣстку съ другой стороны и уже гораздо смѣлѣе прежняго проговорилъ;

— Платонида Андревна, здравствуйте!

— Здравствуй и ты, Авениръ Маркельчъ, — отвѣчала, не подымая лица отъ гряды, Платонида Андревна.

Авениръ отдалъ невѣсткѣ низкій поклонъ и сталъ помогать ей рвать въ чашку свекольникъ.

— Ну, а помогать мнѣ я тебя не пропну, — проговорила Платонида Андревна.

— Что же это вамъ мѣшаетъ?

— Не мѣшаетъ, а не хочу.

— Позвольте?

— Нѣтъ, не позволяю.

И съ этимъ словомъ выбросила назадъ изъ чаши нарываннйй Авениромъ пучекъ свекольныхъ листьевъ.

— Отчего вы, невѣстка, такая сердитая? — запыталъ, распрямляясь во весь ростъ, молодой деверь.

— Такъ; не хочу, чтобы ты тутъ вертѣлся.

Авениръ улыбнулся, опять нарвалъ другую горсть зелени и опять положилъ ее въ расписную чашку.

— Послушай, Авениръ! иди ты, сдѣлай милость, отъ меня съ своею помощью прочь! — вскрикнула красавица и, не выдержавъ, разсмѣялась и бросила нарванную Авениромъ зелень прямо ему въ лицо.

Авениръ, кажется, только и дожидался этой перемѣны.

— Ну, вы же вотъ, невѣстка, разсмѣялись и опять стали красавица!

— Еще соври что-нибудь.

— Вотъ ей-Богу, разрази меня Богъ на семь мѣстѣ — красавица, а иѣту на свѣтѣ ни одной парницы такой красивой, какъ вы! — заговорилъ онъ, глядя на нее со сложеными на груди руками.

— Тьфу! — отилюнулась безъ сердца Платонида Андревна и опять стала рвать бѣлой рукой росной свекольникъ.

Авениръ отошелъ, походилъ немножко и, снова приближаясь къ невѣсткѣ, заговорилъ тихо:

— А отчего это и объ чемъ вы, невѣстка, вчера съ вечера плакали?

— А ты почему это знаешь, что я плакала?

— Да я жъ будто не слышалъ?

— Гм! Гдѣ жъ это ты, дуракъ, могъ это слышать?

Платонида Андревна улыбнулась и сказала:

— Нѣтъ, я вижу, что вправду надо на тебя Марку Маркеличу жаловаться, чтобы тебя на ночь запирали.

— Для чего меня запирають?

— Чтобы ты подъ окнами, гдѣ тебѣ не слѣдуетъ, не шатался.

— Ну, у меня про то на случай и потолокъ въ палаткѣ разбирается, — отвѣчалъ Авениръ.

— Дуракъ ты самъ-то разборчатый и больше ничего, — проговорила Платонида Андревна. — Мало тебя, дурака, и безъ того за меня колотять, такъ ты, видно, хочешь, чтобы еще больше тебя брать съ отцомъ колотили. Ну, и поколотить.

— А пусть ихъ пока еще поколотять. Только я чуть ли скоро и самъ не начну имъ сдачи давать.

— Ну, да, какъ же, сдачи! Нѣтъ, а ты вотъ что, Авениръ; онъ вонъ, свекоръ-то, Маркель Семенычъ, напередъ при всѣхъ при отцахъ изъ моленной сказалъ, что онъ та-

кую духовную вышшесть, что все одному Марку Марколычу отдасть, а тебѣ, главному, за твое непочтенье къ родителю, — шини съ масломъ.

— Что жъ? вы же, невѣстка, тогда съ нашимъ мужемъ богаче будете. Я этимъ счастливъ буду.

— Ммм!.. Нѣтъ, скажи ты, пожалуйста, что ты это въ самомъ дѣлѣ, Авениръ, о себѣ думаешь?

— А ничего я, невѣстка, не думаю. Про что мнѣ много думать-то?

— Нѣтъ, тебѣ нравится, что ли, чтобъ тебя били за меня да колотили?

— А можетъ-быть и нравится.

— Дуракъ.

— Дуракъ, да вамъ преданный.

— Такъ я не хочу, чтобъ тебя увѣчили за меня, да еще лицомъ сдѣлали? Что ты это забрала себѣ въ голову?

Авениръ молчалъ и стоялъ сложа руки. Платонида Андревна, сдвинувъ брови, говорила внушительно:

— Ты бѣ то, ненутящій ты парень, взялъ себѣ въ разумъ, что я вѣдь твоего брата жена; невѣстка тебѣ называюсь.

— Да я развѣ этого не помню, что ли? — отозвался нетерпѣливо Авениръ. — Я все это прекрасно помню, и ничего нехорошаго не думаю.

— Нехорошаго! Хорошее или нехорошее ты себѣ думаешь, а только знай ты себѣ, что ты мнѣ надобно, и я не хочу, чтобъ ты за мной слонялся. Слышишь ты это, Авенирка, или нѣтъ? Слышишь! не смѣй и никакъ не смѣй ты здѣсь со мной больше встрѣчаться... И заступаться за меня тоже дома не смѣй и не приставай ко мнѣ, что я красивая... потому что не хочу я этого; не хочу и не желаю... Да и... коли ужъ на правду пошло, такъ знай, что и ты мнѣ постыль, вотъ что!

— Ну, это что... на что пустое говорить, невѣстка, неправду?

— Какъ пустое? Какъ это пустое? Съ чего это ты взяла, что это пустое?

Авениръ махнулъ рукою и, наложивъ на губы свекольный листочекъ, насосалъ его и равнодушно хлопнулъ.

Платонида Андревна разсмѣялась и, пожавъ плечами проговорила:

— Ну, смотрите, пожалуйте, на этого дурака, добрые люди!

— Эхъ, ужъ, невѣстка, полно вамъ все меня дуракомъ-то звать, — отвѣчалъ Авениръ.

— Что?

— А зачѣмъ вы меня цѣловали-то?

— Когда это? Когда это я тебя, дурака, цѣловала? Врешь ты это все, врешь ты это, лгунъ, никогда я тебя не цѣловала.

— Никогда?

— Никогда.

Платонида Андревна покраснѣла и, пагнувшись, стала еще скорѣе дергать свекольные листья и бросать ихъ въ чашу совсѣмъ съ землею.

— А забыли вы, невѣстка, какъ нашихъ въ прошломъ году дома-то не было?..

— Ну?

— А мы съ вами тогда въ прятки играли да на сѣнѣ боролись... то, помните?

Платонида Андревна приподнялась и, строго смотря въ глаза Авениру, спросила:

— Такъ что-жъ такое, что боролись?

— Ну, вотъ тутъ-то вы меня щекотали...

— Ну?..

— Ну, да и поцѣловали, отпираться нечего, что поцѣловали.

— Пфффю, пустяки какіе онъ помнить! — отвѣчала, закрывая рукавомъ лицо, Платонида Андревна. — Можетъ, что и вправду какъ-нибудь тогда поцѣловала, потому что ты еще мальчикъ — отчего жъ мнѣ тебя было не поцѣловать. Ты моему мужу младшій братъ. И этакъ хоть и еще сто разъ тебя, изволь, поцѣлую.

— Ну, поцѣлуйте.

Авениръ сдѣлалъ къ невѣсткѣ шагъ и слегка тронулъ ее за бѣлый кисейный рукавъ.

— Поди прочь, дуракъ! — серьезно проговорила, отшвырнувъ девереву руку, Платонида Андревна.

— Важность онъ какую придумалъ, — продолжала она: — что я поцѣловала! Въ этомъ острогѣ живучи, чорта съ рогами и того поцѣлуешь.

— А вотъ же и опять, невѣстка, неправду сказали; вотъ не очень-то вы брата цѣлуете.

— Авениръ! — крикнула, приподнявшись и стараясь говорить какъ можно строже, Платонида Андревна. Что ты, негодный ты нарень, очень хочешь, чтобъ я тебя изругала? Такъ я тебя, поганого мальчишку, сейчасъ вотъ какъ нельзя хуже одѣлаю.

— Да что вы это все меня мальчишка да мальчишка. Полно вамъ; пора и перестать мальчишкой-то звать меня.

— А потому я тебя такъ зову, что ты мальчишка.

— Что мнѣ двадцать-одинъ годъ, то и вамъ вѣдь столько же. Ничуть моего не больше на свѣтѣ прожили.

— Я жепщина.

— А я мужчина.

— Дуракъ ты, а не мужчина. Важность какая, мужчина! Да и развѣ такіе-то бываютъ мужчины?

— Да, а то, невѣстка, какіе же?

— Какіе?.. А я вотъ не посмотрю, что ты мужчина, да оплеуху тебѣ хорошую дамъ.

— Ну и что жъ такое—дамъ!

— И ей-Богу дамъ!

— Да сдѣлайте одолженіе.

— И ударю тебя, и изругаю, и какъ не надо хуже высрамлю,—сказала, возвышая голосъ и на этотъ разъ неприхотливо сердясь, Платонида Андревна.—Что это въ самомъ дѣлѣ за наказаніе! Ничего, балбеска этакой, не дѣлаетъ; на пилью его калачомъ не заманишь, торговлѣ не учишься, съ пристани все поровить какъ бы ему домой скорѣй; да еще теперь что себѣ, мерзавецъ, вообразилъ? Голова бъ у другого треснула такое подумать. Иди ты, негодяй, прочь! — крикнула она, размахнувшись на Авенира чашкой.—Прочь; а то сейчасъ брата крикну!

— Платонинида! — раздался въ эту минуту со двора изъ-за сарая сухой, дребезжащій голосъ.

При первыхъ звукахъ этого голоса, Авениръ запрыгаль козломъ черезъ гряды и, перескочивъ черезъ межу въ горехъ, очутился какъ разъ лицомъ къ лицу съ притаившимся здѣсь Пизонскимъ.

Оба они сидѣли на корточкахъ другъ противъ друга, какъ сидятъ рано утромъ на лѣсной опушкѣ молодые зайцы, и оба протирали себѣ руками удивленные глаза.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Между тѣмъ, Платонида Андревна, слѣдя съ улыбкой за прыгающимъ Авениромъ, спокойно отвѣчала мужу:

— Сейчасъ!

— Что, не знаешь ли ты, гдѣ это Авениръ? — продолжалъ тотъ же голосъ уже нѣсколько ближе.

— Нѣтъ, Марко Маркелычъ, не знаю, — опять отозвалась Платонида Андревна.

Въ калиткѣ показался похожій на ежа пизенькій, черный съ просѣдью человѣкъ, лѣтъ сорока-пяти, съ злою физиономією и сурово выглядывающими исподлобья подозрительными глазами.

— А здѣсь его нѣтъ? — спросилъ онъ, остановясь и раскинувъши руками на калиткѣ.

— Нѣтъ.

— И не бывалъ?

— И не бывалъ.

— Взаправду?

— Да что же ему здѣсь, Марко Маркелычъ, дѣлать?

— Гдѣ жъ это онъ, шальная собака, запропастился?

— Миѣ будто показалось что-то, что онъ на присталь рано пошелъ, — отвѣчала Платонида Андревна.

— Опять же-таки все это онъ безъ времени дѣлаетъ.

— Торопился, видно, что работы много.

— Усерденъ очень! Ну-къ бы ему нынче за это его усердіе опять безъ чаю. Мы съ батюшкой идемъ на приданью, а ты, если онъ вернется, чтобъ самовара ему другого не смѣла ставить! Слышишь ты про то или нѣтъ?

— Слышу.

— Не давать ему чаю, когда онъ своего времени не помнитъ.

— Не дамъ.

— Такой мой приказъ: не давать!

— Да не дамъ же, не дамъ, Марко Маркелычъ. Неужели-жъ-таки я васъ въ этомъ ослушаюсь? Можете послѣ и Дарью спросить, — отвѣчала мужу Платонида Андревна.

Калитка хлопнула на блокъ, и изъ-за гряды синихъ бобовъ въ ту же минуту съ испугомъ высунулась голова Авенира. Онъ проворно запрыгалъ опять козломъ черезъ гряды и, на бѣгу, тихо показывалъ Платонидѣ Андревнѣ рукою на гряды гороха.

— Скройся ты съ глазъ моихъ, перачитель неавиестный! — проговорила, встрѣчая его и озираясь по сторонамъ, Платонида Андревна. — Что ты бзыришь-то козломъ по огороду? Пошелъ, тебѣ говорить, вошь!

Но Авениръ, не слушая этого приказа, тихо взявъ невѣстку за рукавъ и тихо же съ серьезной миной указаль ей рукою на гороховую гряду, за которой скрывался доесть Пизонскій.

Платонида Андревна только-что взглянула по этому направлению, какъ произительно вскрикнула и уронила изъ рукъ чашу со свекольникомъ. Въ горохѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ поставленнаго для воробьевъ пугала, стояла длинная, смѣшная фигура Пизонскаго, на которой, тоже какъ и на пугалѣ, висѣли лохмотья мокраго коленкороваго халата, подпоясаннаго зеленою коноплею.

— Миленькая! Пойди! Миленькая Платонида Андревна, пойдите! — заговорилъ Пизонскій, выльзая изъ-за своей за-сады. — Я къ тебѣ, дѣвушка, не съ зломъ пришла.

Платонида Андревна съ нѣмымъ удивленіемъ разсматривала предстоящую ей странную фигуру; ей казалось, что это само гороховое пугало сошло съ мѣста, чтобы обличить ее въ грѣхѣ Продиады, т. е. въ ей хотя дѣтской, но все-таки сердечной слабости къ мужниному брату.

Константинъ Юнычъ, разрушая убѣжденія Платониды Андревны о его тождествѣ съ гороховымъ пугаломъ, поспѣшилъ счестся съ нею родствомъ, потомъ напомнилъ, какъ его три дня назадъ приняли Маркель Семенычъ и мужъ Платониды, Марко Маркельчъ, и наконецъ, поклонившись Платонидѣ Андревнѣ до земли, сталъ просить ее пособить ему пріотить спританныхъ имъ на конопляникѣ дѣтей.

Извѣстное дѣло, что никогда и никому женщина неспособна оказать болѣе великодушнаго сочувствія и услуги, какъ человѣку, сдѣлавшемуся случайно повѣреннымъ въ сердечной слабости.

Платонида Андревна подтвердила непреложную истину этого мифа: не разспрашивая ничего болѣе у Пизонскаго, она прямо обратилась съ вопросомъ къ Авениру:

— Ну, какъ же быть? Что же мы, Авениръ, сдѣлаемъ?

Авениръ только развелъ руками.

— Развѣ вотъ что, — продолжала Платонида Андревна: — развѣ, ступай ты, Авенирка, отъ меня къ бабушкѣ Ро-

ховнѣ; она хоть и не изъ церковныхъ, но не строгая; она, можетъ, сжалится—приметь.

А Пизонскій продолжалъ:

— И доложу тебѣ, моя умница, что одёжонки на нихъ, на бѣдныхъ итенчикахъ, теперь никакой нѣтъ ровнехолько; одна-таки еще въ рубашечкѣ, а другая, меньшинькая—совсѣмъ голенькая. Завернула я ее въ свои штанцы, да не очень ей въ нихъ пристойно, а ея лохмотики всѣ свалились, да, совсѣмъ свалились.

— Это ничего,—отвѣчала Платонида Андревна:—дохмотковъ я сейчасъ вынесу. Чтoby только Дарья-воровка за мною какъ не подсмотрѣла! — добавила она, взглянувъ на Авенира и приложивъ къ губамъ палець. — Она нонче все за мной, какъ есть всякій мой шагъ замѣчаетъ.

— А вы, невѣстка, будто какъ на пугало чтo негодное несете: сверните въ комочекъ да и пронесите, — научалъ Авениръ невѣстку.

— Только я свое развѣ что — дѣтскаго у меня ничего нѣтъ, потому дѣтей у насъ нѣтъ въ домѣ—не рожаю я,—заговорила, бѣгучи къ калиткѣ, Платонида Андревна.

Миновать черезъ пять она громко закричала на дворѣ «шугууу!» и выскочила на огородъ съ туго свернутымъ комкомъ, изъ котораго метались и коленкоръ, и холстъ, и пола стеганой ватной шубесчки.

Ткнувъ этотъ сверточекъ Пизонскому, она дернула за локоть Авенира и сказала:

— На забѣги оттуда въ трактиръ, тамъ чаю напейся,— и съ этимъ она сунула ему въ руку пяталтынный.

Авениръ ласково отвелъ невѣсткѣ руку и проговорилъ:

— Спрячьте, невѣстка, спрячьте; вамъ самимъ надо; а я и безъ чаю хорошъ буду.

Съ этими словами Авениръ не хуже ловкаго волтижера перелетѣлъ черезъ частоколъ и побѣжалъ вслѣдъ за Пизонскимъ, который, обхвативъ руками данныя ему ветошки, уже выбирался широкими шагами на поле.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Древлепечатная бабушка Февронья Роховна, мѣстная зпхарка и акушерка, была старуха очень добрая и, по замѣчанію Платониды Андревны, «не строгая». Она пустила Пизонскаго съ принесенными имъ въ плетушкѣ

дѣтьми пожить въ маленькомъ деревянномъ чуланчикѣ, гдѣ у нея висѣли разные цѣлебные и мнимоцѣлебные корни и травы. Пока до осени Пизонскій и пріютился здѣсь такъ, что, по крайней мѣрѣ, и дождь, и почные холода ему съ дѣтьми были не страшны; а Авениръ каждую недѣлю два приносилъ сюда отъ Платониды Андревны и печенаго, и варенаго, и молока, и свѣжей огородины. Пизонскій устраиался. Онъ постоянно сидѣлъ на полу въ чуланѣ возлѣ кровати, на которой помѣщались его дѣти, и то забавлялъ ихъ самодѣльными игрушками, то ковылялъ иглою, перенивая имъ изъ присылаемой Платонидой Андревной ветоши разныя рубашечки, палочки, фуфаячки, да снапечки. Шилъ онъ прекрасно, какъ искусная женщина. Этому его научили въ монастырѣ, когда считали его дѣвочкой. О Пизонскомъ еще почти никто въ это время не зналъ въ Старомъ Городѣ; а кто зналъ, тотъ или ничего о немъ не думалъ, или думалъ, что это новый нищій, повый стоялецъ соборнаго притвора. Сама бабушка Роховна, глядя на его возню и хлопоты, не предрекала ему другой судьбины и мысленно упрекала его, зачѣмъ онъ забралъ дѣтишекъ.

— Какъ ты съ ними будешь, Ионычъ?—говорила ему не разъ, указывая на дѣтей, бабушка Роховна.

— Бабушка,—отвѣчала старухѣ Пизонскій:—сидѣлъ пророкъ. Илія одинъ въ степи безлюдной; предъ очами его было море сипее, а за сипею острая скала каменная, и надо бы ему погибнуть голодомъ у этой скалы дикой.

— Такъ, батюшка,—подтвердила Роховна.

— Да пошлать къ нему Господь ворона,—говорилъ, оживаясь, Пизонскій:—и повелѣлъ птицѣ кормить слугу своего, и она его кормила. Забѣчай: птица, бабушка, кормила! *птица!*

— Такъ, батюшка, точно что кормила.

— Да, мать Февронья Роховна, кормила. И пошлать мнѣ Господь двухъ птицъ: летаетъ ко мнѣ воронъ Авениръ и печется обо мнѣ бѣлая лебедь Платониды Андревны, и прокормятъ они меня съ цыплятками моими, пока я обошью ребетѣнокъ и сама стану на ноги.

«Гдѣ тебѣ стать на ноги?» — молча, думала про себя, отходя отъ него, бабушка Роховна; но скоро она перемѣнила это мнѣніе.

Константинъ Ионычъ, принималъ пособіе Авенира и Платониды, и самъ не сидѣлъ сиднемъ и не ждалъ воды подъ лежачій камень. Энциклопедизмъ его скоро ему пригодился и его выручилъ. Пизонскій показалъ бабушкѣ Роховнѣ, что ни самъ онъ, ни его цыплята не пропадутъ — ни съ холоду, ни съ голоду.

Обиравъ дѣвочекъ, Константинъ Ионычъ вступилъ съ бабушкой въ переговоры о дозволеніи обрядить ея чуланъ на свой счетъ въ жилую каморку, съ тѣмъ, что онъ, какъ Богъ его поправитъ, сдастъ ей все въ порядкѣ, а пока будетъ здѣсь жить, станеть ей платить по полтиннику въ мѣсяць.

Бабушка Роховна, не видя для себя въ этомъ ничего, кромѣ прибытка, согласилась. Пизонскій, пользуясь тѣми часами, когда напгравшіяся дѣти засыпали, натаскалъ на бабушкинъ дворъ мѣшковъ глины, вымазалъ чуланъ самымъ тщательнымъ образомъ, наникалъ въ поднолье земли, сложилъ кронечную печурку и, наконецъ, спокойно крикнулъ.

У-у! какъ богатъ и какъ счастливъ теперь былъ Пизонскій и какимъ назидательнымъ примѣромъ онъ могъ бы служить для великаго множества людей, разрѣшающихъ проблематическіе трактаты о счастьи!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Съ устройствомъ каморки, Пизонскій далеко отогналъ отъ себя всякое безпокойство. Теперь у него была только одна насущная забота, — забота приучить старшую, пятилѣтнюю дѣвочку Глашу присматривать, въ его отсутствіе, за ея младшей сестрой Нилочкой, или, какъ Пизонскій звалъ ее, *Милочкой*.

Достигнувъ того, что малосмысленную Милочку можно было оставлять подъ надзоромъ Глаши, Константинъ Ионычъ началъ отлучаться на короткое время изъ дома, и послѣ каждой такой отлучки возвращался всегда домой съ покупками, на которыя изстратилъ послѣдніе два рубля, принесенные имъ изъ солдатчины. Прежде всего Пизонскій пришелъ домой съ старымъ муравленнымъ горшкомъ; потомъ онъ въ нѣсколько пріемовъ натаскалъ къ себѣ разныхъ негодныхъ баночекъ, пузырьковъ и бутылочекъ и, наконецъ, принесъ чернильныхъ орѣшковъ, меду и голландской сажки. Съ

этими препаратами и съ этимъ матеріаломъ Пизонскій уѣлся передъ печкой за химическія занятія. Дня черезъ два онъ вышелъ изъ дому съ большой бутылкой чернилъ и съ деревяннымъ ящичкомъ черной, лоснящейся ваксы. На чернилахъ Пизонскій сбанкрутовалъ, потому что сторожка присутственныхъ мѣстъ дѣлала чернила на казенныя деньги и, слѣдовательно, могли продавать этотъ продуктъ на сторону гораздо дешевле Пизонскаго; но его свѣжая пакса оказалась гораздо лучше сухой синей ваксы, получаемой въ плиткахъ изъ Москвы, и эта часть коммерціи его выручила. Константинъ Юнычъ совсѣмъ ожилъ и сталъ еще смѣлѣе и предприимчивѣе. Скоро Старый Городъ увидалъ его безпрестанно снующаго изъ дома въ домъ съ набитымъ ваксою деревяннымъ ящичкомъ и съ дешевыми, очень прочными самодѣльными щетками. Пизонскій леталъ съ своимъ ящичкомъ во все дома, въ лавки, въ присутственныя мѣста, на постоянные дворы; вездѣ онъ тихо и не слыша снискивалъ себѣ общую расположенность, со всеми знакомился и всякому на что-нибудь пригожался. Въ уѣздномъ судѣ часы были лѣтъ двадцать съ такимъ частымъ боемъ, что никто не могъ спеть, сколько они ударили—часъ или двѣнадцать: Пизонскій слылъ часы, пошлилъ, постучалъ и они стали бить отчетливо: разъ, два, три—какъ слѣдуетъ. Отцу-протопопу Туберозову онъ устроилъ въ окнѣ жестяной вентиляторъ. Отецъ-протопопъ похвалилъ его и сказать: «да, ты не излещенъ, но не безъ талапта». Городскому головѣ Котинѣ сдѣлалъ деревянную ногу, чтобы чистить на ней его высокія голенища, и тотъ тоже не преминулъ похвалить его. Дьякону Ахиллѣ приправилъ, по его просьбѣ, шпору къ сапогамъ, въ которыхъ дьяконъ намѣревался ѣздить верхомъ въ деревню къ знакомымъ. Правда, что шпору эту жили недолго, потому что встрѣтившій Ахиллу со шпорами протоіерей Туберозовъ тутъ же велѣлъ эти шпору отломить; но тѣмъ не менѣе и эти шпору все-таки тоже были за Пизонскаго. Потомъ Пизонскій кому починилъ зонтикъ, кому полудилъ кастрюлю, кому сналъ изломанныя мѣдныя вещи, склеилъ разбитую посуду, и Старый Городъ не успѣлъ оглянуться, какъ Пизонскій въ самое короткое время прослылъ въ немъ самымъ полезнымъ человѣкомъ. Теперь, кажется, если бы Пизонскій самъ задумалъ почему-нибудь оставить Старый Городъ, такъ все бы заговорили въ одинъ голосъ: «кътъ, какъ же

это мы останемся безъ Константина Юныча?» Почтмейстерша, слышшая за большую хозяйку и великую схибну, даже ужъ впередъ нѣсколько разъ публично выражала такое мнѣніе, что безъ Пизонскаго въ Старомъ Городѣ и жить было бы невозможно.

Съ голоса почтмейстерши, въ самомъ скоромъ времени, то же самое заговорили о Пизонскомъ и другіе.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—говорили эти другіе:—Боже спаси насъ остаться безъ Константина Юныча! Теперь даже вспомнить это время, какъ его у насъ не было, когда за всякимъ нустякомъ, бывало, посылай въ губернію, такъ и не понимаешь даже, какъ это мы и жили.

Пизонскій, можетъ-быть, уже долженъ бы былъ заботиться о томъ, чтобы не возбуждать противъ себя зависти и злословія, но Пизонскій велъ себя тихо, ровно и, не возносясь своими успѣхами, не возбуждалъ и ничьей зависти.

Доброе имя его все росло и общее расположеніе къ нему все увеличивалось. Расположеніе это выражалось не одними словами, но и дѣлами. Въ городѣ вдругъ оказалось нѣсколько лицъ, которыхъ стала серьезно занимать мысль о томъ, какъ бы прочно устроить здѣсь бытъ многополезнаго Константина Юныча.

Первая выразила такую заботливость почтмейстерша.

Эта полная, животрепещущая дама, которой, какъ греческаго огня, боялись всѣ почтальоны и которой больше всѣхъ боялся ея мужъ, зашла въ своей расположенности къ многополезному Пизонскому до того, что вмѣшила мужу въ непремѣнную обязанность дать Пизонскому мѣсто при почтовой конторѣ.

— Матушка!—начиналъ, складывая на груди руки, умоляющій почтмейстеръ, желая этимъ покорнымъ жестомъ изъяснить супругѣ, какъ трудно создать для Пизонскаго мѣсто при почтовой конторѣ.

— Что-съ?—грозно окликала мужа животрепещущая почтмейстерша:—я этого требую; слышите: *требую*?

— Ангель мой!—еще ниже одною потою заи́валъ почтмейстеръ:—но если этого нельзя?

Почтмейстерша посмотрѣла на мужа холоднымъ, презрительнымъ взглядомъ.

— Голубчикъ Дезидерій Ивановичъ,—обратился на другой день почтмейстеръ къ своему сортировщику:—сдѣлай ми-

дость, научи, какъ бы намъ дать въ конторѣ Пизонскому мѣсто. Непремѣнно этого требуетъ Агаоша Алексѣевна.

— Ахъ, ты Боже мой! — отвѣчалъ сортировщикъ, и оба они съ почтмейстеромъ задумались.

— Развѣ вотъ что, — началъ, потянувъ себя двумя перстами за нижнюю губу, Деидерій Ивановичъ: — развѣ посадить его расписываться въ получательской книгѣ.

— Вы, ей-Богу, министръ, — отвѣчалъ обрадованный почтмейстеръ и тотчасъ же послалъ сторожа за Константиномъ Пизонскимъ.

Призванный Пизонскій и радъ и не радъ былъ своему счастью: съ одной стороны его манила прелесть заработка за расписку вмѣсто неграмотныхъ, а съ другой, какъ вспоминалъ онъ степень собственной грамотности, и особенно бралъ въ расчетъ долговременное неупражненіе въ этомъ капризномъ искусствѣ, онъ не рѣшался взяться за это хитрое дѣло.

— Робка и, дѣвунка, на перѣ, — говорилъ онъ почтмейстеру.

— Деидерій Ивановичъ тебя, Константинъ Іонычъ, поучить; онъ тебя поучить, поучить.

Пизонскій подумалъ и, поджигаемый безгрѣшной корыстью, отвѣчалъ: «ну, развѣ поучить».

Дали Пизонскому мѣсто «расписчика», но только не въ прокъ пошло ему это мѣсто по протекціи. Первый же почтовый день, въ который ему пришлось расписываться за неграмотнаго получателя, былъ и послѣднимъ днемъ его почтовой службы.

— Пини, Константинъ Іонычъ, — диктовалъ ему сортировщикъ.

Пизонскій взялъ въ руки перо, сначала его поплюнулъ, потомъ обмакнулъ, потомъ положилъ на бумагу руку, а на руку налегнулъ правой щекою, долго выводилъ перомъ разные разводы и, наконецъ, воскликнулъ: «естъ!»

Сортировщикъ съ ваятыми разставовками началъ диктовать: «оные семь рублей и десять копеекъ серебромъ получили и расписался такой-то, а вмѣсто его, неграмотнаго, отставной рядовой Константинъ Пизонскій».

Пизонскій еще крѣпче прижалъ щеку къ бумагѣ и пошелъ выводить.

На этотъ разъ онъ рисовалъ до безконечности долго;

круглые глаза его вылирало отъ внимательнаго слѣдованія за водящею перомъ рукою; на лбу собралась капли холоднаго пота, и все лицо его выражало невыносимую тревогу.

Это продолжалось добрую четверть часа, по истеченіи которой Пизонскій вдругъ быстро откинулся на спинку стула, потомъ вскочилъ и затрясся, не сводя глазъ съ своей расписки. Видъ его въ это время былъ просто ужасенъ: онъ походилъ на медіума, вызваннаго страшнаго духа и искуганнаго его явленіемъ. Сортировщикъ и почтмейстеръ заглянули на роковую страницу и тоже остолбѣнѣли. На этой страницѣ рукою Пизонскаго было изображено: «Онѣ склябуры и удасть кокеу съ рублемъ почуль и расшлея отстегни на видъ Контантинтаини...»

Это убійственное для воспроизведенія перомъ имя подняло въ душѣ Пизонскаго всѣ забытыя страданія его сиротскаго дѣтства; каждое одно изъ другаго вытекавшее «таптинтаини» являлось передъ нимъ повымъ, злымъ, насмѣшливымъ кобольдомъ, или гномомъ, и онъ не выдержалъ, всталъ и въ страхѣ затрясся.

— Вотъ, ангель мой, какъ онъ расписался, — говорилъ черезъ минуту почтмейстеръ, предъявляя женѣ испорченною получательскую книгу.

Почтмейстерша не выдержала и улыбулась, прочитавши Пизонскаго «склябуры».

— И «отстегни на видъ», — указывалъ ей, обрадованный ея улыбкою, почтмейстеръ.

— Ну, что жъ вы тутъ такое особенное показываете?

— Да помилуй же, душка: «отстегни на видъ». Какъ же это можно такъ сказать? Въ этомъ вѣдь просто нѣтъ смысла.

— Да, я это вижу, но я все-таки буду о немъ самаго хорошаго мнѣнія, — отвѣчала почтмейстерша такъ, какъ будто она была хорошаго мнѣнія о тѣхъ, которые къ почтовой службѣ неспособны.

Этотъ новый анекдотъ о Пизонскомъ разошелся по городу; но и онъ нисколько не повредилъ его незыблемой репутациіи.

Напротивъ, Пизонскаго чуть ли не съ этихъ поръ п начали принимать въ чиновничьихъ домахъ не какъ ремесленника, а какъ свободнаго художника, которому мелочи приказнострочительства даже и неприличны. Его те-

перъ не кормили на кухняхъ, а сажали на особый стулъ у двери залы; ему подносили рюмку водки не между пальцами, а на ломтъ хлѣба, и говорили ему въ глаза не просто «ты», а «ты, Константинъ Юнычъ». Онъ до такой степени выдвигался изъ положенія рабочаго смерда, что даже самъ голова сталъ посылать ему чаю не въ сѣни, а въ молодцовскую, и позволялъ разсуждать съ собою стоя у притолоки. И не прошло года, какъ всѣ замѣтные люди Стараго Города самымъ незамѣтнымъ образомъ очутились друзьями и сторонниками убогаго пришельца Пизонскаго и ему настала пора сдѣлаться собственникомъ и гражданиномъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Принося всѣмъ и каждому посильныя услуги и втираясь, безъ всякихъ подобострастныхъ искательствъ, во всеобщее расположеніе, Константинъ Юнычъ никогда не жаловался на свою судьбу и даже никогда ни слова никому не говорилъ о своихъ сироткахъ. Развѣ когда кто самъ его о нихъ спрашивалъ: «Ну, какъ, Константинъ Юнычъ, твои дѣти?» то только въ такихъ случаяхъ Пизонскій отвѣчалъ: «А живутъ, моя дѣвушка, помаленечку».

— Ты бы, Константинъ Юнычъ, подумаль, чтобъ дать имъ какое-нибудь воспитаніе,—говорили ему барыни.

Пизонскій отмалчивался или коротко отвѣчалъ:

— Какъ же, дѣвонька, я думаю.

— Хотъ бы ты ко мнѣ ихъ присылалъ поучиться, — предлагала ему почтмейстерша.

Пизонскій и отъ этого отдѣлывался.

— Дики онъ у меня, дружокъ: очень сиротливы; людей не видали; куда имъ въ господскомъ домѣ!

У Константина Юныча насчетъ воспитанія сиротъ были свои планы, о которыхъ онъ ни съ кѣмъ не говорилъ, но которые знали до малѣйшихъ деталей.

Совѣсть, не допускавшая Пизонскаго никому ни на шагъ перебивать никакой дороги, изоцрила его вниманіе къ тѣмъ брѣсовымъ средствамъ, которыя лежатъ праздыми которыя какъ бы никому ни на что не нужны и не обращаютъ на себя ничего вниманія. Неудача почтовой карьеры еще болѣе убѣдила Пизонскаго, что онъ не можетъ идти путями протекцій. Онъ чувствовалъ, что ему

пригодны одни прямые пути; что для него гораздо удобнѣе брать въ свои руки то, чѣмъ небрегли другіе, что не дастъ ему ни недостойной борьбы, ни враговъ и завистниковъ.

Пизонскій видѣлъ, что на нашей просторной землѣ, на нашей широкой полосѣ, и нежатой, и неоранной, еще нетронутаго добра будетъ и прензбудетъ на всякую плоть, не падающую цѣта своего, и онъ сдѣлалъ новый шагъ къ устройству сиротъ своихъ. Въ одно лѣто Пизонскій явился на сходку въ думу и сказалъ:

— Не будетъ ли, господа думцы, вашей милости пустить меня съ сиротами покормиться подъ мостъ на пустой островъ?

— И вправду,—заговорило общество: — пустимъ ихъ на нашъ пустой островъ. Все равно вѣдь отъ этого пустыря никакой пользы нѣтъ,—пусть же этою лядою хоть добрый человѣкъ пользуется.

И Пизонскій безданно и безошлинно получилъ въ долгосрочную временную собственность пустой островъ — царство запустѣнія, бурьяна, ужей и крапивы.

Это пріобрѣтеніе было для Пизонскаго такимъ великимъ счастіемъ, что онъ не могъ и вообразить теперь кого-нибудь счастливѣе себя на цѣломъ свѣтѣ. Въ первый же годъ по полученіи въ свою власть этого острова, онъ поставилъ здѣсь хибарочку, выкопалъ землянку, окопалъ ровокъ и поставилъ воротцы. На другой годъ пустынный островъ былъ уже бакшою, давшюю Пизонскому съ сиротами и хлѣбъ, и соль, и все, еже имъ на потребу. Зимой Пизонскій почувствовалъ себя даже бариномъ. Онъ добылъ, гдѣ могъ, различныхъ книжекъ и научилъ своихъ сиротокъ грамотѣ, и успѣхи обѣихъ, очень понятливыхъ дѣвочекъ, были Пизонскому неслыханнымъ утѣшеніемъ. Въ такомъ прелестномъ благополучіи, въ такомъ райскомъ житіи прошли для нашего Робинзона цѣлые четыре года: семейный міръ его не возмущался ничѣмъ ни на минуту; дѣти его подрастали и учились; у него завелась лошадка и телѣжка, которую онъ, по любви къ искусствамъ, каждую весну перекрашивалъ въ новую краску; годы шли урожайныя, печего было и желать больше. Пизонскій всѣми былъ почитаемъ за человѣка годнаго на все и повсюду, и, дѣйствительно, онъ только не годился въ чиновникъ.

Такъ Пизонскій возникъ безъ онеки и безъ покровительства и уже самъ покровительствовалъ тому, что имѣеть право на покровительство, — *дѣйствию*. Но... всегда ждутъ насъ, гдѣ мы не думаемъ, разныя скверныя *но*.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Въ тотъ приснопамятный годъ, когда во многихъ мѣстахъ Россіи передъ осенью во второй разъ зацвѣли въ садахъ вишни и яблони и народъ запророчествовалъ по этому явленію великій моръ на люди, отошелъ въ вѣчность Марко Девъ, мужъ встрѣченной нами утромъ на огородѣ молодницы Платонида Андревны. Въ огромной дубовой колодѣ, съ пудовыми свѣчами, съ ладаннымъ куреніемъ и гнусливымъ раскольничьимъ пѣніемъ отнесли его на кладбище и сравняли, по обычаю, съ землею, которую онъ протопталъ лѣтъ полсотни своими саножницами. Пикто особенно не убивался на могилѣ отшедшаго Марка. Вдова его, Платонида Андревна, тихонько поплакала, да старикъ Маркель Семенычъ уронилъ нѣсколько слезинокъ. Только всего и было вещественнаго выраженія скорби по этомъ усоніемъ. Братъ покойника Авениръ оставался совершенно равнодушненькъ къ смерти своего жестокаго брата, тѣмъ болѣе, что въ теченіе трехъ послѣднихъ дней, которые мертвецъ простоялъ въ домѣ, старикъ Маркель Семенычъ, пачавшій, страха ради холернаго, прилежать чарочкѣ, разъ пять принимался колотить Авенира чѣмъ полади, упрекая его при этомъ въ безчувственности и говоря, что «вотъ тебѣ бы, черачителю, слѣдовало растянуться, а не брату». Маркель Семенычъ, взволновавшись одинъ разъ горемъ утраты, страхомъ смерти и виномъ утѣшенія, никакъ не могъ войти въ свою форму и не уставалъ поддерживать себя стаканомъ. Засыпавъ сына землею, онъ и тамъ, на кладбищѣ, вынулъ за его душу одну серебряную чарочку, роздалъ тамъ же своею рукою мѣшокъ мѣдныхъ денегъ на поминъ сыновней души и сѣлъ верхомъ на свои старинныя дрожки, запряженные толстою вороною лошадыю, а въ колѣни, бокомъ къ нему, робко присѣла овдовѣвшая нещетка Платонида Андревна. Ясные съ темной поволокой глаза молодой вдовы были очень мало заплаканы, и чуть только она съ свекромъ выѣхала съ кладбища на поле, отдѣляющее могилки отъ города, эти ясные глаза совсѣмъ высохли и взглянули изъ-подъ густыхъ рѣсницъ сво-

ихъ еще чище, чѣмъ смотрѣли доселѣ. Словно они только умылись слезой, или словно теперь только они и увидѣли впервые свѣтъ Божій. Да именно скорѣе можно было предпологать, что они теперь только впервые и увидѣли этотъ свѣтъ. Это говорили не одни глаза красавицы, но и ея бѣлая грудь, которая вздыхала теперь вольно и широко, колышась подъ кармазинной дунегрѣйкой.

Кто бы теперь только дерзнулъ напомнить этой пышной розѣ: «ты вдовнца!» чья бы рука налегнула срѣзать такимъ напоминаніемъ этотъ роскошнѣйшій цвѣтокъ, такъ сильно протестовавшій за свое право цвѣсти, зрѣніе радовать и разливаться ароматомъ? Пѣтъ, самый пламеннѣйшій идеалистъ не посовѣтовалъ бы ей проводить жизнь въ воздыханіяхъ о переселившихся въ вѣчность; ее не осудилъ бы на сожженіе съ мужемъ самый фанатическій индеецъ, и если суровый аскетъ не сказалъ бы ей: «Жено! впередъ отпущаются ти вси грѣхи», то поэтъ, глядя въ ея дѣтское личико, долженъ былъ воскликнуть:

Мертвый въ гробѣ мирно спи,
Жизнью пользуйся живущій!

Даже суровый старикъ Дѣвѣ не щунялъ ее за скудость источниковъ ея слезъ, и онъ, возвращаясь съ сыновичкѣ похоронъ, прощаль невѣсткѣ земную красоту ея и, поглядѣвъ на нее, проговорилъ только:

— Тебѣ неловко сидѣть, Платонида! Сидь лебедь, сюда, ближе!— съ этимъ старикъ своею рукою подвинулъ невѣстку отъ кучеровоѣ спишы къ своимъ колѣнямъ и еще разъ добавилъ:— сидь такъ.

— Нѣтъ, тятенька, ничего мнѣ; мнѣ очень даже прекрасно,—отвѣчала Платонида Андревна.

— А ты еще попридвинься: такъ еще будетъ лучше.

Платонида Андревна въ угоду свекру слегка подвинулась. Маркель Семенычъ долго смотрѣлъ ей на носъ, на лобъ, на рѣсницы и, наконецъ, проговорилъ:

— Ты, молодница, по мужѣ хонь и плачь въ свою мѣру, потому что онъ тебѣ былъ мужъ; ну, очень-то ужъ ты не убивайся: ты забыта и обижена въ моемъ домѣ не будешь.

Платонида Андревна легонько поклонилась свекру.

Эта покорная благодарность такъ повривилась Маркелу Семенычу, что онъ, слѣзая у воротъ съ дрожекъ, крѣпко сжалъ за локоть невѣстницу руку и еще разъ сказалъ ей:

— Не бойся, моя лебедь, никого не бойся.

На заунывоицѣмъ стрѣломъ Маркель Семеновъ нѣсколько разъ публично зговаривалъ, что хона смилъ его и умеръ бедѣтнѣмъ, но что онъ, почитаючи его вдову, а свою вѣстку, желаетъ ей сдѣлать опредѣленіе и намѣрѣнъ дать ей равную съ Авеширомъ часть.

— А можетъ-быть даже, — добавлялъ онъ, некое взгляды-вня на Авешира: — можетъ-быть, что въ такомъ буду мѣ-ницъ, что и все ей одной отпущу, какъ она того заслужи-ваетъ, потому что ничѣмъ я не могу ее укорить и всѣмъ я ей допоемъ, а добро есть мое собственное — кому его захочу отдать, тому и отдамъ.

Платонида Андревна красѣла до самыхъ ушей, и не знала, что ей говорить и что думать, и въ смущеніи рас-теряннѣо кланялась за столомъ въ поясъ еверу.

Во все время обѣда Маркель Семеновъ все себя под-правдиль, все поивалъ по чашечкѣ ц, наконецъ, захме-лѣлъ. Проводивъ, какъ могъ, гостей, онъ повалился на ди-ванъ и только безмысленно произнесъ:

— Невѣстка!

Платонида Андревна съ Авеширомъ взяли старика подъ руки и отвели его въ спальню.

— Невѣстка! — произнесъ онъ слова, еще болѣе заплеталъ языкомъ, когда его положили въ постель.

Что изволите? — спросила его Платонида Андревна; но Маркель Семеновъ уже спалъ и ничего ей не отвѣтилъ.

Авеширъ съ Платонидой оставили старика выспаться и разошлись.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Авеширъ, побродивъ по огороду, пошелъ со двора, а мо-лодая вдова сѣла, пригорюнясь, у окошечка. Суроваго, пе-привѣтливаго мужа ей не жаль было, потому что ничего она отъ него во всю свою жизнь не видѣла, кромѣ угрозы да непрековъ, и никогда ничего лучшаго не ожидала отъ него и въ будущемъ. Но что же и теперь у нея впереди? Что ждетъ ее, одинокую, вдовую, безприданную, въ ея пы-ифинихъ молодыхъ годахъ? А жизнь такъ хороша, а жить такъ хочется, такъ манишь, такъ что-то кружится-кружится передъ глазами...

— Охъ, чуръ меня совѣмъ, что это такое мѣ ду-

мастят, проговорила въ досадѣ Платонида Андревна и, сердито почесавъ одною рукою локоть другой руки, оперлась ею о подоконникъ и сѣла и стала глядѣть, какъ на карнизѣ фронтона амбаровъ сладко цѣлуются съ дружками сизые голуби.

Пусто и скучно вокругъ; скучно и пусто и на сердцѣ Платонида Андревны.

«Лучше бѣ ужь скорѣй состарѣться; лучше бѣ я не шла никогда замужъ; лучше бѣ меня въ монастырь отдали...» думала она, отирая кисейнымъ рукавомъ выступавшія на глазахъ почти дѣтскія слезы, и, вздыхая, перекладывала голову съ одной усталой руки на другую. Такъ прошелъ часъ-другой, и тяжелый день тихо сгорѣлъ передъ ея глазами.

Въ самую густыя сумерки къ ней вошелъ Авениръ. Онъ оглянулся по комнатѣ, повѣсилъ на колокъ фуражку, сѣлъ противъ невѣстки на стулъ и подаль ей на рукѣ кисть винограда.

— Гдѣ ты это взялъ, Авениръ?—спросила его Платонида Андревна.

— Лялинымъ бакалей пришла, такъ и этого привезли; только, говорить, его теперь ѣсть при этой болѣзни не годится.

— Отчего не годится? Пу-ка, давай-ка сюда, я погляжу, какъ не годится.

Платонида взяла виноградную кисть, обѣла на ней всея ягоды, обтерла рукавомъ алыя губы и, выбросивъ на галлерейку за окно пустую кисть, потихоньку засмѣялась.

И Авениръ, и вдова были совершенно спокойны; но обоимъ имъ что-то не говорилось.

— Ты гдѣ былъ?—спросила Платонида нехотя своего деверя.

— Такъ... въ проходку немощко ходилъ,—отвѣчалъ Авениръ.

— Скучица у насъ на дворѣ такая, что ужасть.

— Да, вѣдь, что заведенъ дѣлать-то?

— Что ты говоришь?

— Говорю, что что жъ, молъ, заведенъ дѣлать, что скука?

— Мой бы згадъ: теперь хорошо спать ложиться,—проговорила Платонида Андревна.

— Да и что жъ такое.

— Только и всего, что тятенька встануть, надо имъ чай собрать.

— А вы тогда и встаньте, какъ онъ проснется; да онъ хмелеть очень; наврядъ онъ еще и проснется-то.

— И то послушаюся тебя, часочекъ какой вздремну покуда такъ въ платьѣ. Иди-ка ты отъ меня съ Богомъ.

Молодой человекъ всталъ и спать съ гвоздя свою фуражку. Въ одно время съ нимъ поднялась съ своего мѣста и Платонида и, позѣвывая, проговорила:

— Охъ, Господи, что-й-то у меня передъ чѣмъ-то такъ локти чешутся?

— На другомъ мѣстѣ спать, невѣстка.

— Еще что ври! на какомъ это на другомъ мѣстѣ спать вѣтъ? Это локти къ горю чешутся,—добавила она, выпроваживая деверя, и зацѣкнула за нимъ дверь на задвижку.

Оставшись одна въ запертой комнатѣ, Платонида поставила около накрытаго ковромъ сундука свѣчу и желѣзный ящичекъ съ трупомъ, сѣриками и огнивомъ, перекрестилась, легла на этотъ сундукъ и, утомленная трехдневными хлопотами по похоронамъ, въ ту же минуту крѣпко заснула.

Ничего во снѣ не привидѣлось Платонидѣ Андревнѣ, только все ей сквозь крѣпкій сонъ хотѣлось проснуться, потому что знала она, что нужно еще напоить свекра чаемъ, и даже стало ей чудиться, будто свекоръ ее кличетъ и говорить ей: «что жь это ты, Платонида, развалилась, словно бѣлуга разварная! встань же, напои меня, пожалуйста, чаемъ». И два, и три, и четыре раза все это слышалось Платонидѣ, и наконецъ, въ пятый разъ уже слышалось такъ явственно, что она вскочила и, сидя на постели, крикнула:

— Сейчасъ, тятенька, сейчасъ!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Протерши глаза, Платонида Андревна оглянулась по покою: кругомъ темнота густая: чернаго шкафа даже никакъ не отличишь отъ желтой стѣны; на лежанкѣ, впрочемъ, чуть обозначается блестящій самоваръ, да длинное полотенце бѣлѣется на шпуркѣ, словно мертвецъ, стоящій въ саванѣ.

Платонида Андревна вдула огня, потомъ залустила руку

подъ сундукъ и достала оттуда топоръ, а изъ угла взяла сухое березовое полѣно, чтобы нацѣпать лучинки. Но прежде, чѣмъ ударить хоть разъ топоромъ по плахѣ, она подумала: «да не послышалось ли все это мнѣ во снѣ? Можетъ, батюшка и спитъ еще».

Эта мысль заставила молодую женщину взять свѣчу и выйти въ залу.

На большихъ стѣнныхъ часахъ было половина перваго. Платонида Андревна потихоньку подошла къ двери свекровей спальни и прилегла ухомъ къ створу. Въ опочивальнѣ старика было тихохонько.

— Это мнѣ, значить, все во снѣ почудилось,—рѣшила вдова и, зѣвнувъ, пошла опять въ свою комнату.

Снова запершись на крючокъ къ своей вдовьей спальнѣ, Платонида Андревна поставила свѣчу на столъ протѣвъ окна и стала раздвѣтаться.

«Ну, да будѣтъ же съ меня хоть и этого счастья! будетъ съ меня хоть и того, что я хоть въ спальнѣ-то у себя въ покоѣ проживу одна безъ него, безъ привередника», подумала она и, нетерпѣливо сбросивъ на полъ двѣ лишнія теперь подушки, развязала юбку и сѣла на постель съ такою смѣлостью, съ какою не подходила къ ней и не садилась на нее ни разу отъ роду.

Эта рослая, дородная красавица съ дувною младенца, съ сплютою мужчиною, съ грудью, которая должна бы вскормить богатыря, теперь напоминала невиннѣйшую наисюнержу, которая, вознаграждая себя за годъ стѣсненія, тѣшитса однодневной свободой отпуска.

Новыя ощущенія независимости и свободы такъ переполнили собою младенческую душу и мысли Платониды Андревны, что ей даже не захотѣлось болѣе спать; да къ тому же она и выспалась. Теперь ей хотѣлось сидѣть, думать, Богъ вѣсть о чемъ думать, и только думать. Она такъ долго не смѣла ни ступить, ни молвить слова безъ упрека и безъ нѣученія, и вотъ теперь она одна, никто ее не видитъ на этой постели, никто ей не скажетъ: «чего ты тутъ вѣшься? чего стоишишь, чего ѣрзаешь?»

Она пересѣла еще разъ, и еще; потомъ прилегла впоперекъ кровати и снова привстала и, улыбнувшись на двѣ лежанціи на полу подушки, вспрыгнула, постояла, завела назадъ за голову руки, закрыла глаза и черезъ минуту,

раскрывъ ихъ, кинулась въ страхѣ въ уголокъ постели и задрожала. На верхней подушкѣ покойнаго Марка, которую наловливалъ вдова его, сбросила на полъ по самой срединѣ, пала небольшая лежаночка, какъ будто бы здѣсь кто-то незримый лежалъ головою. Въ самомъ верху надъ этой занависей лежаночкой, въ томъ мѣстѣ, гдѣ на мертвецкомъ вѣнцѣ нарисованъ Спаситель, сидѣлъ сѣрый, ночной мотылекъ. Онъ сидѣлъ, высоко приподнявшись на тоненькихъ ножкахъ, и то поднимать, то опускалъ свои крылышки, словно схимникъ, освѣяющій воскресіями своей мантіи незамкнутую могилу.

Платонида вздрогнула. Сѣрая пыльная тля въ мгновеніе ока испытала ея эгоистическую радость; а этой порой мотылекъ и еще разъ, и два, и три раза тихо коснулся подушки своими крылами и тихо же снялся, и тихо пропалъ за окномъ во тьмѣ теплой ночи.

Вдова быстро встала съ постели, сѣвѣнной рукой затворила за улетѣвшею бабочкой открывшую раму и молилась: «грѣхъ мнѣ! не честь мнѣ; не слѣдъ мнѣ валить по полу его подушки!»

Съ этими словами она подняла подушки съ полу и положила ихъ на пустую лежанку.

Въ эту минуту ей слышалось, что у нея за дверью кто-то вздохнулъ.

Платонида схватила еще торопливѣе тѣ же самыя подушки и, положивъ ихъ на диванъ подъ свѣты, быстро отошла отъ нихъ прочь и стала у своей кровати.

Теперь все было тихо по цѣлой комнатѣ, и на полу, и на холодной лежанкѣ, и за занертой дверью, и на постели.

— О, упокой, упокой его, Господи! — думала себѣ вдова съ чувствомъ теплой признательности къ мужу за то, что онъ умеръ и оставилъ ее хоть госпожою этого угла да постели. — Но полно мнѣ полуночничать!

И Платонида стала раздѣваться.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Но едва молодая вдова сняла съ себя платье, какъ въ мертвой тишинѣ ночи ей опять показалось, что какъ будто кто-то ступнулъ рюмкой у шкафика, въ которомъ покойный мужъ всегда держалъ подъ ключомъ вино и настойку. Платонида Андреева, стянувъ съ себя половину чулка, подо-

ждала и, не услыхавъ болѣе ни одного звука, подумала: вѣрно, это возятся мыши.

Успокоивъ себя такимъ предположеніемъ, молодая жепщина сдержала съ себя чулки и подошла къ стоявшему передъ окномъ маленькому паркетному століку; поставила на него свѣчу и, лѣниво потянувшись, стала смѣнить дневную сорочку. Но чуть лишь она спустила съ плеча распущенный воротъ, какъ вдругъ ей показалось, что что-то такое темною тѣнью промелькнуло по галлерей мимо самаго ея окошка. Ей почудилось, что это словно тѣнь человѣческая. Платонида Андревна была впечатлительна, но она сообразила, что это ходитъ живой человѣкъ, а не пришлецъ изъ гроба, и въ ту же секунду быстро задула свѣчку и, скорѣй нахвативъ на себя ночную рубашку, подумала:

«Однако, что жъ это за мерзавецъ сталъ этотъ погодный Авенирка! Въ рожу ему только послѣ этого остается плюнуть».

И она твердо рѣшилась не простить шалуну этой новой его дерзости. Платонида накинула себѣ на голыя плечи старенькую гарнитуровую шубейку, въ которой мы ее видѣли утромъ разговаривавшую съ Авениромъ на огородѣ, и приталась тихо за оконницей. На галлерей теперь все было тихохонько, не слышно было ни шума, ни шороха; но Платонида не довѣряла этой тишинѣ. Она приталась и стояла съ самымъ рѣшительнымъ намѣреніемъ, при первомъ новомъ появленіи подъ ея окномъ ночного посѣтителя, распахнуть раму и плюнуть ему въ лицо.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Соображенія Платониды Андревны не обманули ея: почтой гость не заставилъ себя долго дожидаться.

Не успѣла полураздѣтая красавица и двухъ минутъ простоять за оконнымъ косякомъ, какъ со стороны галлерей, по темному стеклу окна, тихо выползла сначала одна кисть человѣческой руки, потомъ показался локоть, потомъ плечо, и наконецъ, выдвинулась цѣлая мужская фигура...

Какъ ни темна была безлунная ночь, только изрѣдка мерцавшая нѣсколькими звѣздочками, но въ комнатѣ стало еще темнѣе, когда единственное окно совсѣмъ заслонила собою подошедшая фигура.

Платонида продолжала стоять тихо, прикрывая накрестъ

сложенными руками бѣлую грудь, въ которой крѣпко стучало и невольно замирало, и страхомъ, и негодованіемъ, истеряблнвое сердце. Несмотря, однако, на все свое негодованіе, оскорбленная вдова удерживалась и, утаивая дыханіе, ждала, чѣмъ это все кончится.

Почпой соглядатай стоялъ и прислушивался очень долго, наконецъ, ободренный мертвою тишиною, осторожно тронулъ пальцами запертыя изнутри полы створчатой рамы. Онъ дѣлалъ это съ большой осторожностью, но дѣлалъ неловко. Пальцы его безпрестанно соскользали и черкали ногтями по окрашенной плалкѣ рамы. Платонида слегка придвинула къ окну свое ухо, и ей стало слышно, что царанавиійся къ ней человекъ тяжело дышитъ и дрожитъ всѣмъ тѣломъ. По мѣрѣ того, какъ Платонида Андревна, скрѣпя свое сердце, долѣе и долѣе удерживалась, противная сторона все становилась смѣлѣе и уже начинала потряхивать раму безъ всякаго опасенія и безъ всякой осторожности.

«Однако, этакъ онъ, мерзавецъ, чего добраго, еще можетъ разбудить и свекра»,—подумала Платонида Андревна, и съ неописаннымъ негодованіемъ бросилась къ окну и остолбенѣла.

Это былъ совѣтъ не Авениръ, а у окна стоялъ самъ ея сѣдой свекоръ Маркель Семенычъ.

Платонида удержала свой порывъ и въ недоумѣніи опустила руки.

Увидя передъ собою невѣстку, Маркель Семенычъ на мгновеніе смутился, но потомъ что-то глухо забормоталъ и тихо застучалъ въ стекло косточкою средняго пальца.

— Что вамъ, тятенька, угодно? — выговорила, стараясь оправиться въ свою очередь, и Платонида Андревна.

Старикъ снова что-то зашепталъ еще тише; но изъ этихъ рѣчей его въ комнатѣ не было слышно ни одного слова.

— Не слышу, — сказала Платонида Андревна, прикладывая къ створу окна свое ухо.

Маркель Семенычъ началъ страстно цѣловать стекло, къ которому прилегалъ локоть Платониды.

Невѣстка съ ужасомъ посмотрѣла на свекра и не узнала его. Совершенно сѣдая голова старика, напоминающая прекрасную голову Авенира, была художественно венутапа, какъ голова бѣловласаго Юпитера; глаза его горѣли, и бѣлая миткалевая рубаха ходила ходенемъ на трепещущей груди.

— Лебедь! лебедь! — шепталь онагльвннй старикъ, царк-
паясь въ окно невѣсткиной вдовьей спальни, какъ блудли-
вый котъ въ закрытую скрынцу.

— И, тятенька, сейчасъ вамъ поставлю самоваръ; про-
говорила, отодвигаясь отъ окна, смущенная Платонида
Андревна.

— Итъ, ты самовара не ставь... Миѣ не надо само-
вара... Ты миѣ отвори... впусти меня... а тебѣ одно доро-
гое слово скажу... одно только слово...

— Ну, дай часъ, тятенька, я вразъ одѣнусь.

— Итъ, итъ, итъ, зачѣмъ тебѣ одѣваться?... тебѣ и одѣ-
ваться не надо: ты не одѣвайся; ты отвори скорѣй... отвори...

— Да я, тятенька, въ одной блонницѣ!

— Ну, такъ что жъ, что въ одной блонницѣ!.. Мы,
вѣдь, съ тобой не чужие... Отвори на минутку, — настаивать
безпокойно, суетаясь на одномъ мѣстѣ, старикъ.

Платонидѣ стало страшно, и она бросилась въ сторону,
ко только лишь бѣлое плечо ея сверкнуло въ темнотѣ
ночи передъ глазами Маркела Семеныча, какъ мѣдный
крючокъ, зашпавннй раму, отъ сильного толчка полетѣлъ
на подоколникъ и рама съ шумомъ распахнулась, а обѣ
руки свекра схватились за тѣло невѣстки.

— Тятенька! тятенька! да что же это такое? — закричала,
отчаянно вырываясь, Платонида Андревна; но свекоръ,
вмѣсто отвѣта, рвануль сильной рукою врозь ея руки и
впился горячими губами въ ея обнаженную грудь...

— Вудня! прочь отъ меня! — вскрикнула съ омерзѣніемъ
Платонида, почувствовавъ на своей груди трясущуюся
сухую бороду свекра.

Уразумѣвъ теперь, наконецъ, настоящій смыслъ его по-
сѣщенія, она съ азартомъ зашуетила обѣ свои руки въ бѣ-
лые волосы старика и оттянула его голову отъ своей груди.
Въ это же самое мгновеніе она почувствовала, что крѣпкія,
жилыстыя руки свекра растерзали ея холщевую рубашку, и
Платонида, почти вагая, очутилась въ объятіяхъ распален-
наго старца.

— Авенирь! — вскрикнула она, но старикъ перехватилъ
ей горло и сталъ цѣловать ее въ губы.

Онъ былъ очень силенъ и Платонида напрасно молила:

— Батюшка, смилуйся! я отъ тебя этого стерпеть не могу!
Маркель Семенычъ только крѣпче обнялъ станъ невѣстки.

и, прошептавъ: «со мной — не съ чужимъ» — и перешелъ въ комнату черезъ подоконникъ свою погу.

Платонида воспользовалась этимъ движеніемъ, юркнула изъ-подъ рукъ сжекра на полъ, и въ рукѣ ея вдругъ блеснулъ топоръ, которымъ она за часъ передъ этимъ соби-ралась цинать лучину. Въ одно мгновеніе топоръ этотъ звякнулъ, вознися въ столбъ галлерей, и въ это же самое мгновеніе Маркель Семелычъ тяжело рыхнулся навзничь и застоналъ...

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Бросивъ топоромъ въ сжекра, Платонида Андревна была увѣрена, что она убила старика. Въ иѣмомъ ужасѣ она выскочила изъ своей комнаты, перебѣжала дворъ, остано-вилась у заднихъ воротъ и, тяжело дыша, схватила за сердце. Въ тишинѣ почи до ея слуха долетѣло прерывистое хрипѣніе. Платонида Андревна дрожала: въ ушахъ ея раздавались рѣзкіе, свистящіе звуки, какъ будто надъ самою ея головою быстро проносилась безчисленная стая куро-патокъ; крыши и стѣны зданій шатались и откуда-то ка-пала кровь; острогъ, страшное, безчеловѣчное наказаніе, вѣчная каторга, — все разомъ, какъ молнія, пронеслось предъ мысленными очами вдовы, еще такъ недавно меч-тавшей о жизни, и заставило ее встрепенуться съ отчаян-ной энергіей. Она запахнула около груди шубейку, тихо выползла въ подворотню на огородъ, съ огорода перебра-лась, черезъ тылъ, за городъ и, ударившись бѣжать заданн, пропала въ темнотѣ ночи.

Между тѣмъ, Маркель Семелычъ тяжело хрипѣлъ, лежа на галлерей. Ударъ Платониды Андревны минулъ его сѣдой головы; но онъ минулъ ея лишь только потому, что за терцію до этого удара двѣ сильныя руки Авелыра схва-тили отца сзади и бросили его на полъ, въ то самое мгно-веніе, когда блеснувшій топоръ, слегка поранивъ плечо старика, глубоко завязъ въ деревѣ. Маркель Семелычъ не чувствовалъ ни своей вины, ни своего стыда и униженія. Теперь не было ни страсти въ его крови, ни негодованія въ его сердцѣ, ни силы въ мыщахъ. Старая плоть его, распалась виномъ и разыгралъ сластью желаній, сразу упала до совершеннаго безсозн. Такъ оцѣпенѣвшій подъ сѣбгомъ оврагъ порою разыграетъ при мартовскомъ солнцѣ, зану-

мить быстрымъ подси́жкнымъ потокомъ и, сбѣжавъ, обезсиленный, рухнулъ всей своею массою на холодное днище.

Не видя со стороны отца никакого сопротивленія, Авенпиръ поддержалъ его на полу и потомъ освободилъ, а самъ молча скрылся. Старикъ, оставшись одинъ, опомнился не скоро и не вдругъ почувствовалъ униженное состояніе, въ которомъ теперь находился.

О побѣгѣ Платониды Андревны ни отецъ, ни Авенпиръ не знали во всю ночь. Оба они думали, что невѣстка заперлась у себя въ кладовой на вышкѣ. Первый въ домъ хватился ея на другой день Авенпиръ. Онъ долго искалъ ее и нигдѣ не нашелъ. Старикъ Маркель Семенычъ заперся у себя и не показывался.

Платонида Андревна сгинула. Нигдѣ не могли найти никакихъ ея слѣдовъ, и пропажа ея сдѣлалась причиною большихъ несчастій для того, кто менѣе всѣхъ былъ въ ней повиненъ.

Вынужденный объяснять чѣмъ-нибудь пропажу невѣстки и не увѣренный, что она сама станетъ рассказывать въ случаѣ ея отысканія, Маркель Семенычъ завершилъ ночь безумія своего клеветою, что Платонида съ Авенпиромъ хотѣли его убить и ограбить, и показалъ свою рану. Этимъ старикъ мстилъ и сыну, и невѣсткѣ, и разомъ отдѣлывался отъ нихъ обоихъ. Авенпиръ взяли въ тюрьму, а полицейскимъ розыскомъ, поднявшимся по случаю пропажи Платониды Андревны, было обнаружено, что ночные водоливы, работавшіе въ ту ночь на одной чинившейся баркѣ, видѣли, какъ кто-то весь въ бѣломъ, не то женщина, не то, еще вѣрише, вѣдьма шибко пробѣжата по берегу и вдругъ гдѣ-то исчезла. Двое изъ водоливовъ говорили, что вѣдьма скинулась рыбою и бросилась въ воду, а двое другихъ, напротивъ, утверждали, что они ясно видѣли, какъ она переплыла въ рубанкѣ рѣчку и вышла на бакину къ Константину Пизонскому.

Пизонскаго заподозрили въ укрывательствѣ дѣвской невѣстки; его обыскивали, допрашивали, посадили въ острогъ и, вѣроятно, присудили бы къ ссылке. Хотя Константинъ Юнычъ на всѣ дѣлаемые ему вопросы только и отвѣчать слѣдователямъ, что «ничего я этого, милые, никогда не знала и не вѣдала», но было ясно, какъ солнце, что въ

цѣломъ мѣрѣ, можетъ-быть, лишь одинъ Пизонскій и зналъ, куда дѣлась пропавшая дѣвская невѣстка. И судьи, и обыватели города живо чувствовали, что для разъясненія всего неразгаданнаго дѣла только и нужно, чтобы разомкнулись молчаливыя уста Константина Пизонскаго. Судьи утверждали, что старогородскій Робинзонъ лжетъ, отпирался отъ всякаго участія въ исчезновеніи Платонида Андревны, и что онъ, можетъ-быть, и самъ прикосновененъ къ покушенію на жизнь старика Дѣва. Не отрицали и народъ, что Константинъ Ионычъ лжетъ, повторяя свое «не знаю, не вѣдаю»; но народъ былъ увѣренъ, что Пизонскій лжетъ, покрывая чужой грѣхъ. Хорошо это или не хорошо, народъ не строго разбираетъ и вѣритъ, что «есть ложь во спасеніе».

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

По этому дѣлу Константинъ Ионычъ сидѣлъ въ тюрьмѣ и освобожденъ съ оставленіемъ въ подозрѣніи, но ничего къ обнаруженію Авенира и Платонида отъ него не узнали. Впослѣдствіи же говорили и несомнѣнно вѣрили, что Платонида никуда далеко не уходила, а была скрыта у скитницъ, и что появившаяся затѣмъ въ этомъ скитѣ «провидущая» старица Юиль была эта же самая Платонида. Она «выплакала очи» и была слѣпа, — ходила ощулюю съ палочкой, а въ глазныхъ впадинахъ у нея были вставлены «образочки». Объ Авенирѣ говорили, что онъ, будучи сданъ въ солдаты, вышелъ «большой воинъ на Кавказѣ», — заслужилъ себѣ «чинъ и крестъ» и при отъѣздной своей красотѣ женился на генеральской дочери. Одинъ разъ онъ прѣвзяжалъ будто въ Старый Городъ и ходилъ въ скитъ и видѣлъ старицу Юиль, а она его видѣть не могла, но по голосу узнала и вздрогнула, а по головѣ руками пошарила и спросила:

— Покаянная ли теперь сія глава или еще не раскаянная? Авениръ отвѣчалъ:

— Покаянная.

— Вотъ и хорошо, — сказала старица Юиль: — окорми разумомъ путь свой къ пристаницу благотивному, — и затѣмъ добавила:

— А теперь прощай, съ Богомъ, павѣки.

ТУПЕЙНЫЙ ХУДОЖНИКЪ.

РАЗСКАЗЪ НА МОГИЛѢ.

(Святой памяти благословеннаго дяди 19-го февраля 1861 г.).

«Души ихъ во благихъ водворятся.»

Погребальная пѣснь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

У насъ многіе думаютъ, что «художники» — это только живописцы, да скульпторы, и то такіе, которые удостоены этого званія академіею, а другихъ не хотятъ и почитать за художниковъ. Сазиковъ и Овчинниковъ для многихъ не больше какъ «серебряники». У другихъ людей не такъ: Гейне вспоминалъ про португо, который «былъ художникъ» и «имѣлъ идеи», а дамскія платя работы Вортъ и сейчасъ называютъ «художественными произведеніями». Объ одномъ изъ нихъ, недавно писали, будто оно «сосредоточиваетъ бездну фантазій въ шпигль».

Въ Америкѣ область художественная понимается еще шире: знаменитый американскій писатель Бретъ-Гартъ рассказываетъ, что у нихъ чрезвычайно прославился «художникъ», который «работалъ надъ мертвыми». Онъ придавалъ лицамъ почившихъ различныя «умъшительныя выраженія», свидѣтельствующія о болѣе или менѣе счастливомъ состояніи ихъ отлетѣвшихъ душъ.

Было нѣсколько степеней этого искусства, — я помню три: «1) спокойствіе, 2) возвышенное созерцаніе и 3) блаженство непосредственнаго собесѣдованія съ Богомъ». Слава художника отвѣчала высокому совершенству его работы,

т. е. была огромна, но, къ сожалѣнiю, художникъ погибъ жертвою грубой толпы, но уважавшей свободу художественнаго творчества. Онъ былъ убитъ камнями за то, что усвоилъ «выраженiе блаженнаго собесѣдованiя съ Богомъ» лицу одного умершаго фальшиваго башкира, который обобралъ весь городъ. Осчастливленные наследники плута такимъ заказомъ хотѣли выразить свою признательность усонишему рождественнику, а художественному исполнителю это стоило жизни...

Былъ въ такомъ же необычайномъ художественномъ родѣ мастеръ и у насъ на Руси.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Моего младшаго брата няньчила высокая, сухая, но очень стройная старушка, которую звали Любовь Онисимовна. Она была изъ прежнихъ актрисъ бывшаго орловскаго театра графа Каменскаго, и все, что я далѣе разскажу, происходило тоже въ Орлѣ во дни моего отрочества.

Братъ моложе меня на семь лѣтъ, следовательно, когда ему было два года и онъ находился на рукахъ у Любови Онисимовны, мнѣ минуло уже лѣтъ девять, и я свободно могъ понимать разсказываемыя мнѣ исторiи.

Любовь Онисимовна тогда была еще не очень стара, но бѣла, какъ лунь; черты лица ея были тонки и изысканы, а высокаяго станъ совершенно прямъ и удивительно строенъ, какъ у молодой дѣвушки.

Матушка и тетка, глядя на нее, не разъ говорили, что она несомнѣнно была въ свое время красавица.

Она была безгранично честна, кротка и сентиментальна; любила въ жизни трагическое и... иногда заливала.

Она насъ водила гулять на кладбище къ Троицѣ, садилась здѣсь всегда на одну простую могилку съ старымъ крестомъ и верѣдко что-нибудь мнѣ разсказывала.

Тутъ я отъ нея и услыхалъ исторiю «тунейшаго художника».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Онъ былъ собратъ нашей нянѣ по театру; разница была въ томъ, что она «представляла на сценѣ и танцевала гапцы», а онъ былъ «тунейный художникъ», т. е. парикмахеръ и гримировщикъ, который всѣхъ крѣпостныхъ арти-

стокъ графа «рисоваль и причесываль». Но это не былъ простой, бапальный мастеръ съ тупеиной гребенкой за ухомъ и съ жестяной растертыхъ на салтѣ румянь, а былъ это— человекъ съ *идеями*,— словомъ, *художникъ*.

Лучше его, по словамъ Любви Онисимовны, никто не могъ «сдѣлать въ лицѣ воображенія».

При которомъ именно изъ графовъ Каменскихъ процвѣтали обѣ эти художественныя натуры, я съ точностью указать не смѣю. Графовъ Каменскихъ извѣстно три, и всѣхъ ихъ орловские старожилы называли «неслыханными тиранами». Фельдмаршала Михайлу Федотовича крѣпостные убили за жестокость въ 1809 году, а у него было два сына: Николай, умершій въ 1811 г., и Сергѣй, умершій въ 1835 г.

Ребенкомъ, еще въ сороковыхъ годахъ, я помню еще огромное сѣрое деревянное зданіе съ фальшивыми окнами, намалеванными сажень и охрой, и огороженное чрезвычайно длиннымъ полуразвалившимся заборомъ. Это и была проклятая усадьба графа Каменскаго; тутъ же былъ и театръ. Онъ приходился гдѣ-то такъ, что былъ очень хорошо виденъ съ кладбища Троицкой церкви, и потому Любовь Онисимовна, когда, бывало, что-нибудь захочетъ рассказать, то всегда почти начинала словами:

— Погляди-ка, милый, туда... Видишь, какое страшное?

— Страшное, няня.

— Ну, а что я тебѣ сейчасъ расскажу, такъ это еще страшнѣй.

Вотъ одинъ изъ такихъ ея рассказовъ о тупеищикѣ Аркадіи, чувствительномъ и смѣломъ молодомъ человекѣ, который былъ очень близокъ ея сердцу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Аркадіи «причесываль и рисоваль» одиѣхъ актрисъ. Для мужчинъ былъ другой парикмахеръ, а Аркадіи если и ходилъ иногда «на мужскую половину», то только въ такомъ случаѣ, если самъ графъ приказывалъ «отрисовать кого-нибудь въ очень благородномъ видѣ». Главная особенность гримировальнаго туше этого художника состояла въ идейности, благодаря которой онъ могъ придавать лицамъ самыя тонкія и разнообразныя выраженія.

— Призовуть его, бывало, — говорила Любовь Ониси-

мовна: — и скажутъ: «надо, чтобы въ лицѣ было такое-то и такое воображеніе». Аркадій отойдетъ, велитъ актеру или актрисѣ передъ собою стоять или сидѣть, а самъ сложитъ руки на груди и думаетъ. И въ это время самъ всякаго красавца краше, потому что ростомъ онъ былъ умѣренный, но стройный, какъ сказать невозможно, носилъ тоненькій и гордый, а глаза ангельскіе, добрые, и густой хохолокъ прекрасно съ головы на глаза свѣшивался, — такъ что глядитъ онъ, бывало, какъ изъ-за туманнаго облака.

Словомъ, тупейный художникъ былъ красавецъ и «всѣмъ правился». «Самъ графъ» его тоже любилъ и «отъ всѣхъ отличалъ, одѣвалъ прелестно, но содержалъ въ самой большой строгости». Ни за что не хотѣлъ, чтобы Аркадій еще кого кромѣ его остригъ, обрилъ и причесалъ, и для того *всегда* держалъ его при своей уборной и кромѣ какъ въ театрѣ Аркадій никуда не имѣлъ выхода.

Даже въ церковь для исповѣди или причастія его не пускали, потому что графъ самъ въ Бога не вѣрилъ, а духовныхъ терпѣть не могъ, и одинъ разъ на Пасхѣ борисоглѣбскихъ священниковъ со крестомъ борзыми затравилъ *).

Графъ же, по словамъ Любови Онисимовны, былъ такъ страшно нехорошъ, черезъ свое всегдашнее злѣнье, что на всѣхъ звѣрей сразу походилъ. Но Аркадій и этому звѣробразію умѣлъ дать, хотя на время, такое воображеніе, что когда графъ вечеромъ въ ложѣ сидѣлъ, то показывался даже многихъ важнѣе.

А въ натурѣ-то графа, къ большой его досадѣ, именно и недоставало всего болѣе важности и «военнаго воображенія».

И вотъ, чтобы никто не могъ воспользоваться услугами такого неподражаемаго артиста, какъ Аркадій, онъ сидѣлъ «весь свой вѣкъ безъ выкупа и денегъ не выдалъ въ ру-

*) Разказанный случай былъ извѣстенъ въ Орлѣ очень многимъ. Я слышалъ объ этомъ отъ моей бабушки Алферьевой и отъ извѣстнаго своею неогрѣшительною правдивостью старика, купца Ивана Ив. Андросова, который *самъ видѣлъ*, «какъ пси духовенство рвали», а спасен отъ графа только тѣмъ, что «взялъ грѣха на душу». Когда графъ его велѣлъ привести и спросилъ: «тебѣ жалъ ихъ?» Андросовъ отвѣчалъ: «никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, такъ имъ и надо: пусть не шлюются». За это его Каменскій помилывалъ.

какъ отъ роду». А было ему тогда уже лѣтъ за двадцать пять, а Любови Онисимовнѣ девятнадцатый годъ. Они, разумѣется, были знакомы, и у нихъ образовалось то, что въ таковыя годы случается, т. е. они другъ друга полюбили. Но говорить они о своей любви не могли иначе, какъ далекими намеками при всѣхъ, во время гримировки.

Свиданія съ-глаза-на-глазъ были совершенно невозможны и даже немыслимы...

— Насъ, актрисъ,—говорила Любовь Онисимовна:—берегли въ такомъ же родѣ, какъ у знатныхъ господъ берегутъ *кормилицъ*: при насъ были приставлены пожилыя женщины, у которыхъ есть дѣти, и если, помилуй Богъ, съ которою-нибудь изъ насъ что бы случилось, то у тѣхъ женщинъ всѣ дѣти поступали на страшное тиранство.

Завѣтъ цѣломудрія могъ нарушать только «самъ»,—тотъ, кто его оставилъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Любовь Онисимовна въ то время была не только въ цвѣтѣ своей дѣвственной красоты, но и въ самомъ интересномъ моментѣ развитія своего многосторонняго таланта: она «пѣла въ хорахъ подпури», танцевала «первые па въ *Китайской огородницѣ*» и, чувствуя призваніе къ трагизму, «знала всѣ роли *наглядкою*».

Въ какихъ именно было годахъ—точно не знаю, но случилось, что черезъ Орель проѣзжалъ государь (не могу сказать, Александръ Павловичъ или Николай Павловичъ) и въ Орлѣ ночевалъ, а вечеромъ ожидали, что онъ будетъ въ театрѣ у графа Каменскаго.

Графъ тогда всю знать къ себѣ въ театрѣ пригласилъ (мѣсть за деньги не продавали) и спектакль поставили самый лучшій. Любовь Онисимовна должна была и пѣть въ «подпури», и танцевать «Китайскую огородницу», а тутъ вдругъ еще во время самой послѣдней репетиціи упала кулиса и пришибла ногу актрисѣ, которой слѣдовало играть въ пьесѣ «герцогиню де-Бурблянь».

Никогда и нигдѣ я не встрѣчалъ роли этого наименованія, но Любовь Онисимовна произносила ее именно такъ.

Плотниковъ, уронившихъ кулису, послали на конюшню наказывать, а больную отнесли въ ея каморку, но роли герцогини де-Бурблянь играть было некому.

— Тутъ,—говорила Любовь Оинсимовна:— я и вызвалась, потому что мнѣ очень правилось, какъ герцогиня де-Бурблянь у отцовыхъ погъ прощенья просить и съ распущенными волосами умираеть. А у меня у самой волосы были удивительно какіе большіе и русые, и Аркадій ихъ убираль заглядѣніе.

Графъ былъ очень обрадованъ неожиданнымъ вызовомъ дѣвушки исполнить роль, и, получивъ отъ режиссера удостовѣреніе, что «Люба роли не испортить», отвѣтилъ:

— За порчу мнѣ твоя спина отвѣтитъ, а ей отнеси отъ меня камариновыя серьги.

«Камариновыя же серьги» у нихъ былъ подарокъ и лестный, и противный. Это былъ первый знакъ особенной чести быть возведенною на краткій мигъ въ одалмски владыки. За этимъ вскорѣ, а иногда и сейчасъ же, отдавалось приказаніе Аркадію убрать обреченную дѣвушку послѣ театра «въ певинномъ видѣ святою Цециліей», и во всемъ въ бѣломъ, въ вѣнкѣ и съ лиліей въ рукахъ символизированную инпосепсе доставляли на графскую половину.

— Это,—говорила няня:—по твоему возрасту непонятно,—по было это самое ужасное, особенно для меня, потому что я объ Аркадіи мечтала. Я и начала плакать. Серьги бросила на столъ, а сама плачу и какъ вечеромъ представлять буду, того уже и подумать не могу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

А въ эти самыя роковые часы другое,—тоже роковое и искусительное дѣло подкралось и къ Аркадію.

Приѣхаль представиться государю изъ своей деревни братъ графа, который былъ еще собой хуже и давно въ деревнѣ жилъ и формы не надѣвалъ и не брился, потому что «все лицо у него въ буграхъ заросло». Тутъ же, при такомъ особенномъ случаѣ, надо было примундириться и всего себя самого привести въ порядокъ и «въ военное воображеніе», какое требовалось по формѣ.

А требовалось много.

— Теперь этого и не понимаютъ, какъ тогда было строго,—говорила няня.—Тогда во всемъ форменность наблюдалась и было положеніе для важныхъ господъ какъ въ лицахъ, такъ и въ причесаніи головы, а иному это ужасно не шло, и если его причесать по формѣ, съ хох-

ломъ стоймя и съ височками, то все лицо выйдетъ совершенно точно мужицкая балалайка безъ струнь. Важные господа ужасно какъ этого боялись. Въ этомъ и много значило мастерство въ бритьѣ и въ прическѣ, — какъ на лицѣ между бакенбардъ и усовъ дорожки пробрить, и какъ завитки положить, и какъ вычесать, — отъ этого отъ самой отъ малости въ лицѣ выходила совсѣмъ другая фантазія. Штатскимъ господамъ, по словамъ няни, легче было, потому что на нихъ внимательнаго призрѣнія не обращали, — отъ нихъ только требовался видъ помирнѣе, а отъ военныхъ больше требовалось, — чтобы передъ старшимъ воображалась смиренность, а на всѣхъ прочихъ отвага безмѣрная хорохорилась.

Это-то вотъ и умѣлъ придавать некрасивому и ничтожному лицу графа своимъ удивительнымъ искусствомъ Аркадій.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Деревенскій же братъ графа былъ еще некрасивѣе городского и вдобавокъ въ деревнѣ совсѣмъ «заволохатѣль» и «напустилъ въ лицо такую грубость», что даже самъ это чувствовалъ, а убирать его было некому, потому что онъ ко всему очень скупъ былъ и своего парикмахера въ Москву по оброку отпустилъ, да и лицо у этого второго графа было все въ большихъ буграхъ, такъ что его брить нельзя, чтобы всего не изрѣзать.

Приѣзжаетъ онъ въ Орелъ, позвалъ къ себѣ городскихъ цырюльниковъ и говорить:

— Кто изъ васъ можетъ сдѣлать меня наподобіе брата моего графа Каменскаго, тому я два золотыхъ даю, а на того, кто обрѣжетъ, вотъ два пистолета на столъ кладу. Хорошо сдѣлаешь — бери золото и уходи, а если обрѣжешь одинъ прыщикъ или на волосокъ бакенбарды не такъ проведешь — то сейчасъ убью.

А все это пугаль, потому что пистолеты были съ пустымъ выстрѣломъ.

Въ Орлѣ тогда городскихъ цырюльниковъ мало было, да и тѣ больше по банямъ только съ тазиками ходили, — рожки да шпавки ставить, а ни вкуса, ни фантазін не имѣли. Они сами это понимали и всѣ отказались «преобразовать» Каменскаго. «Богъ съ тобою, думаютъ, — и съ твоимъ золотомъ».

— Мы, говорятъ,—этого не можемъ, что вамъ угодно, потому что мы за такую особу и притронуться недостойны, да у насъ и бритвовъ такихъ нѣтъ, потому что у насъ бритвы простыя русскія, а на ваше лицо нужно бритвы аглицкія. Это одинъ графскій Аркадій можетъ.

Графъ вслѣлъ выгнать городскихъ цырюльниковъ по шеямъ, а они и рады, что на волю вырвались, а самъ пріѣзжаетъ къ старшему брату и говоритъ:

— Такъ и такъ, братъ, я къ тебѣ съ большой моей просьбой,—отпусти мнѣ передъ вечеромъ твоего Аркашку, чтобы онъ меня какъ слѣдуетъ въ хорошее положеніе привелъ. Я давно не брился, а здѣшніе цырюльники не умѣютъ.

Графъ отвѣчаетъ брату:

— Здѣшніе цырюльники, разумѣется—гадость. Я даже не зналъ, что они здѣсь и есть, потому что у меня и собакъ свои стригутъ. А что до твоей просьбы, то ты просишь у меня невозможности, потому что я клятву далъ, что Аркашка, пока я живъ, никого кромѣ меня убирать не будетъ. Какъ ты думаешь, — развѣ я могу мое же слово передъ моимъ рабомъ перемѣнить?

Тотъ говоритъ:

— А почему нѣтъ: ты постановилъ, ты и отмѣнишь.

А графъ-хозяинъ отвѣчаетъ, что для него этакое сужденіе даже странно.

— Послѣ того, говоритъ,—если я самъ такъ поступать начну, то что же я отъ людей могу требовать? Аркашкѣ сказано, что я такъ положилъ, и всѣ это знаютъ, и за то ему содержанье всѣхъ лучше, а если онъ когда дерзнетъ и до кого-нибудь кромѣ меня съ своимъ искусствомъ тронется,—я его запорю и въ солдаты отдамъ.

Братъ и говоритъ:

— Что-нибудь одно—или заporешь, или въ солдаты отдай, а водвою вмѣстѣ это не сдѣлаешь.

— Хорошо.—говоритъ графъ:—пусть по-твоему: не заporю до смерти, то до полусмерти, а потомъ сдамъ.

— И это, говоритъ, послѣднее твое слово, братъ?

— Да, послѣднее.

— И въ этомъ только все дѣло?

— Да, въ этомъ.

— Ну, въ такомъ разѣ и прекрасно, а то я думалъ, что

тебѣ свой братъ дешевле крѣпостного холопа. Такъ ты слова своего и не мѣняй, а пришли Аркашку ко мнѣ моего пуделя остричь. А тамъ уже мое дѣло, что онъ сдѣлаетъ.

Графу неловко было отъ этого отказаться.

— Хорошо, говорить,—пуделя остричь я его пришлю.

— Ну, мнѣ только и надо.

Пожаль графъ руку и уѣхаль.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

А было это время передъ вечеромъ, въ сумерки, зимою, когда огни зажигаютъ.

Графъ призвалъ Аркадія и говоритъ:

— Ступай къ моему брату въ его домъ и остриги у него его пуделя.

Аркадіи спрашиваетъ:

— Только ли будетъ всего приказанія?

— Ничего больше,—говоритъ графъ:— но поскорѣй возвращайся актрисъ убирать. Люба нынче въ трехъ положеніяхъ должна быть убрана, а послѣ театра представъ мнѣ ее святой Цециліей.

Аркадіи Ильичъ пошатнулся.

Графъ говоритъ:

— Что это съ тобой?

А Аркадіи отвѣчаетъ:

— Виновать, на коврѣ остушился.

Графъ намекнулъ:

— Смотри, къ добру ли это?

А у Аркадія на душѣ такое сдѣлалось, что ему все равно, быть добру или худу.

Услыхаль, что меня велѣно Цециліей убирать и, словно ничего не видя и не слыша, взялъ свой приборъ въ кожаной шкатулкѣ и пошелъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Приходитъ къ графову брату, а у того уже у зеркала свѣчи зажжены и опять два пистолета рядомъ, да тутъ же уже не два золотыхъ, а десять, и пистолеты набиты не пустымъ выстрѣломъ, а черкесскими пулями.

Графовъ братъ говоритъ:

— Пуделя у меня никакого нѣтъ, а вотъ мнѣ что нужно:

сдѣлай мнѣ туалеть въ самой отважной минѣ, и получиай десять золотыхъ, а если обрѣжешь—убью.

Аркадій посмотрѣлъ, посмотрѣлъ и вдругъ,—Господь его знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось,—сталъ графова брата и стричь, и брить. Въ одну минуту сдѣлалъ все въ лучшемъ видѣ, золото въ карманъ ссыналъ и говоритъ:

— Прощайте.

Тотъ отвѣчаетъ:

— Иди, но только я хотѣлъ бы знать: отчего такая отчаянная твоя голова, что ты на это рѣшился?

А Аркадій говоритъ:

— Отчего я рѣшился—это знаетъ только моя грудь да подоплека.

— Или, можетъ-быть, ты отъ пули заговорелъ, что и пистолетовъ не боишься.

— Пистолеты—это пустяки,—отвѣчаетъ Аркадій:—объ нихъ я и не думалъ.

— Какъ же такъ? неужели ты смѣлъ думать, что твоего графа слово тверже моего и я въ тебя за порѣзъ не выстрѣлю? Если на тебѣ заговора нѣтъ, ты бы жизнь кончилъ.

Аркадій, какъ ему графа напомнили, опять вздрогнулъ и точно въ полусниихъ проговорилъ:

— Заговора на мнѣ нѣтъ, а есть во мнѣ смыслъ отъ Бога: пока бы ты руку съ пистолетомъ сталъ поднимать, чтобы въ меня выстрѣлить, я бы прежде тебѣ бритвою все горло перерѣзать.

И съ тѣмъ бросился вопль и пришелъ въ театръ какъ разъ въ свое время и сталъ меня убирать, а самъ весь трасется. И какъ завьетъ мнѣ одинъ локонь и пригнется, чтобы губами отдувать, такъ все одно шепчетъ:

— Не бойся, увезу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Спектакль хорошо шель, потому что все мы какъ каменные были, приучены и къ страху, и къ мучительству:—что на сердцѣ ни есть, а свое исполненіе дѣлали такъ, что ничего и незамѣтно.

Со сцены видѣли и графа, и его брата—оба одинъ на другого похожи. За кулисы пришли—даже отличить трудно. Только нашъ тихій-претихій, будто сдобрившись. Это у него всегда бывало передъ самую большую лютостію.

И всё мы мѣлемъ и крестимся:

— Господи! помилуй и спаси. На кого его звѣрство обрушится?

А намъ про Аркашину безумную отчаянность, что онъ сдѣлалъ, было еще неизвѣстно, но самъ Аркадій, разумѣется, понималъ, что ему не быть прощады, и былъ блѣдный, когда графовъ братъ взглянулъ на него и что-то тихо на ухо нашему графу буркнулъ. А я была очень слухмена и разслыхала; онъ сказалъ:

— Я тебѣ какъ братъ совѣтую: ты его бойся, когда онъ бритвой брѣть.

Нашъ только тихо улыбнулся.

Кажется, что-то и самъ Аркаша слышалъ, потому что когда сталъ меня къ послѣднему представленію герцогиней убирать, такъ—чего никогда съ нимъ не бывало—столько нудры переложилъ, что костюмеръ-французъ сталъ меня отряхивать и сказалъ:

— Тро боку, тро боку! — и щеточкой лишнее съ меня счистилъ.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

А какъ все представленіе окончилось, тогда сняли съ меня платье герцогини де-Бурблянь и одѣли Цецилей—одно этакое бѣлое, просто безъ рукавовъ, а на плечахъ только узелками подхвачено, — терпѣть мы этого убора не могли. Ну, а потомъ идетъ Аркадій, чтобы мнѣ голову причесать въ невинный фасонъ, какъ на картинахъ обозначено у святой Цецилии, и тоненькій вѣнецъ обручиномъ закрѣпить, и видитъ Аркадій, что у дверей моей каморочки стоятъ шесть человѣкъ. Это значить, чтобы, какъ онъ только, убравши меня, назадъ въ дверь покажется, такъ сейчасъ его схватить и вести куда-нибудь на мучительства. А мучительства у насъ были такія, что лучше сто разъ тому, кому смерть суждена. И дыба, и струна, и голову крячкомъ скрячивали, и заворачивали: все это было. Казенное наказаніе послѣ этого уже за ничто ставили. Подъ всѣмъ домомъ были подведены потайные погреба, гдѣ люди живые на цѣпяхъ, какъ медвѣди, сидѣли. Бывало, если случится когда идти мимо, то порою слышно, какъ тамъ цѣпи гремятъ и люди въ оковахъ стонутъ. Вѣрно, хотѣли, чтобы объ нихъ вѣсть дошла или начальство услышало, но на-

чальство и думать не смѣло вступаться. И долго тутъ томил людей, а иныхъ на всю жизнь. Одинъ сидѣлъ-сидѣлъ, да стихъ выдумалъ:

«Приползутъ, говорить, зми и высосутъ очи,
И зальютъ тебѣ ядомъ лицо скорпионы».

Стишокъ этотъ, бывало, самъ себѣ въ умѣ шенчень и страшился.

А другіе даже съ медвѣдами были прикованы, такъ что медвѣдь только на полвершка его лапой задрать не можетъ.

Только съ Аркадіемъ Ильичемъ ничего этого не сдѣлали, потому что онъ какъ вскочилъ въ мою каморочку, такъ въ то же мгновеніе сразу схватилъ столъ и вдругъ все окно вышибъ, и больше я уже ничего и не помню...

Стала я въ себя приходить, оттого что моимъ ногамъ очень холодно. Дернула ноги и чувствую, что я завернута вся въ шубѣ въ волчьей или въ медвѣжьей, а вокругъ — тьма промежуная и коней тройка лихая мчится, и не знаю куда. А около меня два чловѣка въ кучкѣ, въ широкихъ саняхъ сидятъ, — одинъ меня держитъ, это Аркадій Ильичъ, а другой во всю мочь лошадей погоняетъ... Снѣгъ такъ и брызжетъ изъ-подъ копытъ у коней, а сани, что секунда, то на одинъ, то на другой бокъ валятся. Если бы мы не въ самой серединѣ на полу сидѣли, да руками не держались, то никому невозможно бы уцѣлѣть.

И слышу у нихъ разговоръ тревожный, какъ всегда въ ожиданіи, — понимаю только: «гонять, гонять, гони, гони!» и больше ничего.

Аркадій Ильичъ, какъ замѣтилъ, что я въ себя прихожу, крикнулся ко мнѣ и говоритъ:

— Любушка голубушка! за нами гонятся... согласна ли умереть, если не уйдемъ?

Я отвѣчала, что даже съ радостью согласна.

Надѣялся опъ уйти въ турецкій Хрущукъ, куда тогда много нашихъ людей отъ Каменскаго бѣжали.

И вдругъ тутъ мы по льду какую-то рѣчку перелетѣли и впереди что-то въ родѣ жилья засѣрѣло и собаки залаяли, а ямщикъ еще тройку пахлесталъ и сразу на одинъ бокъ саней навалился, скособочилъ ихъ, и мы съ Аркадіемъ въ снѣгъ вывалились, а онъ, и сани, и лошади, все изъ глазъ пропало.

Аркадій говоритъ:

— Ничего не бойся, это такъ надобно, потому что ямщикъ, который насъ везъ, я его не знаю, а онъ насъ не знаетъ. Онъ съ тѣмъ за три золотыхъ нанялся, чтобы тебя увезть, а ему бы свою душу спасти. Теперь надъ нами будь воля Божья: вотъ село Сухая Орлица, — тутъ смѣлый священникъ живетъ, отчаянныя свадьбы вѣнчаетъ и много нашихъ людей проводилъ. Мы ему подарокъ подаримъ, онъ насъ до вечера спрячетъ и перевѣнчаетъ, а къ вечеру ямщикъ опять подѣдетъ, и мы тогда скроемся.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Постучали мы въ домъ и вошли въ сѣни. Отворилъ самъ священникъ, старый, приземковатый, одного зуба въ переднемъ строю нѣтъ, и жена у него старушка старенькая—огонь вдула. Мы имъ оба въ ноги кинулись.

— Спасите, дайте обогрѣться и спрячьте до вечера.

Батюшка спрашиваетъ:

— А что вы, свѣты мои, со спосомъ или просто бѣглые?

Аркадій говорить:

— Ничего мы ни у кого не унесли, а бѣжимъ отъ лютой графа Каменскаго и хотимъ уйти въ турецкій Хрущукъ, гдѣ уже не мало нашихъ людей живетъ. И насъ не найдутъ, а съ нами есть свои деньги, и мы вамъ дадимъ за одну ночь переночевать золотой червонецъ и перевѣнчаться три червонца. Перевѣнчать, если можете, а если нѣтъ, то мы тамъ въ Хрущукѣ окрутимся.

Тотъ говорить:

— Нѣтъ, отчего же не могу? — я могу. Чтò тамъ еще въ Хрущукъ везть. Давай за все вмѣстѣ пять золотыхъ— я васъ здѣсь окрочу.

И Аркадій подаль ему пять золотыхъ, а я вынула изъ ушей камариновыя серьги и отдала матушкѣ.

Священникъ взялъ и сказалъ:

— Охъ, свѣты мои, все бы это ничего,—не такихъ, мнѣ случалось, кручивалъ, но не хорошо, что вы графскіе. Хотя я и нонъ, а мнѣ его лютой страшно. Ну, да ужъ пускай, чтò Богъ дастъ, то и будетъ,—прибавьте еще лобанчикъ хоть обрѣзанный и прячьтесь.

Аркадій далъ ему шестой червонецъ полный, а онъ тогда своей лонадѣ говорить:

— Что же ты, старуха, стонь? Дай бѣглянкѣ хоть свою

юбочку да шунунчикъ какой-нибудь, а то на нее смотрѣть стыдно— она вся какъ голая. А потомъ хотѣлъ насъ въ церковь свести и тамъ въ сундукъ съ ризами спрятать. По голько-что попадаѣ стала меня за переборочкой одѣвать, какъ вдругъ слышимъ у дверей кто-то звякъ въ кольцо

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

У насъ сердца у обоихъ и замерли. А батюшка шепнулъ Аркадію:

— Ну, свѣтъ, въ сундукъ съ ризами вамъ теперь, видно, не попасть, а полѣзай-ка скорѣй подъ перину.

А миѣ говорить:

— А ты, свѣтъ, вотъ сюда.

Взялъ да въ часовой футляръ меня и поставилъ и заперъ, и ключъ къ себѣ въ карманъ положилъ, и пошелъ пріѣзжимъ двери открывать. А ихъ, слышно, народу много, и конъ у дверей стоятъ, а два человѣка уже снаружи въ окна смотреть.

Вошло семь человѣкъ погони все изъ графскихъ охотниковъ, съ кистенями и съ арапниками, а за поясами своры веревочныя, и съ ними восьмой, графскій дворецкій, въ длинной волчьей шубѣ съ высокимъ козыремъ.

Футляръ, въ которомъ я была спрятана, во всю переднюю половнику былъ пропиленный рѣшетчатый, старой тонкой кисейкой затянутъ, и миѣ сквозь ту кисею глядѣть можно.

А старичокъ-священникъ сробѣлъ, что ли. что дѣло плохо — весь трясется передъ дворецкимъ и крестится и кричитъ скоренько:

— Охъ, свѣты мои, ой, свѣты ясные! знаю, знаю, чего щете, но только я тутъ передъ свѣтлѣйшимъ графомъ ни въ чемъ не виноватъ, ей, право, не виноватъ, ей, не виноватъ!

А самъ какъ перекрестится, такъ пальцами черезъ лѣвое плечо на часовой футляръ кажетъ, гдѣ я заперта.

«Пропала я», думаю, видя, какъ онъ это чудо дѣлаетъ. Дворецкій тоже это увидалъ и говоритъ:

— Намъ все извѣстно. Подавай ключъ вотъ отъ этихъ часовъ.

А погъ опять замахалъ рукой:

— Ой, свѣты мои, ой, ясные! прстите, не взыски-

вайте: я позабылъ, гдѣ ключъ положилъ, ей, позабылъ, ей, позабылъ.

А съ этимъ все себя другою рукой по карману гладить. Дворецкій и это чудо опять замѣтилъ, и ключъ у него изъ кармана досталъ и меня отперъ.

— Вылѣзай, говоритъ, — соколка, а соколъ твой теперь намъ самъ скажется.

А Аркаша уже и оказался: сбросилъ съ себя поповскую постель на полъ и стоитъ.

— Да, говоритъ, — видно нечего дѣлать, ваша взяла, — везите меня на терзаніе, но она ни въ чемъ неповинна: я ее силой умчалъ.

А къ попу обернулся да только и сдѣлалъ всего, что въ лицо ему плюнулъ.

Тотъ говоритъ:

— Свѣты мои, видите еще какое надъ саномъ моимъ и вѣрностію поруганіе? Доложите про это пресвѣтлому графу.

Дворецкій ему отвѣчаетъ:

— Ничего, не безпокойся, все это ему причтется, — и велѣтъ насъ съ Аркадіемъ выводить.

Разсадились мы всѣ на трое саней, на переднія связаннаго Аркадія съ охотниками, а меня подъ такую же охранною повезли на заднихъ, а на середнихъ лишніе люди поѣхали.

Народъ, гдѣ насъ встрѣтитъ, все разстуается, — думаютъ, можетъ-быть, свадьба.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Очень скоро доскакали и какъ впали на графскій дворъ, такъ я и не видала тѣхъ саней, на которыхъ Аркашу везли, а меня взяли въ свое прежнее мѣсто и все съ допроса на допросъ брали: сколь долго времени я съ Аркадіемъ наединѣ находилась.

Я всѣмъ говорю:

— Ахъ, даже ипсколечко!

Тутъ чтò мнѣ, вѣрно, на роду было назначено не съ милымъ, а съ постылымъ, — той судьбы я и не минула, а придучи къ себѣ въ каморку только было ткнулась головой въ подушку, чтобы оплакать свое несчастіе, какъ вдругъ слышу изъ-подъ пола ужасные стоны.

У насъ это такъ было. что въ деревянной постройкѣ

мы, дѣвнцы, на второмъ жильѣ жили, а винзу была большая, высокая комната, гдѣ мы пѣть и танцовать учились, и оттуда къ намъ вверхъ все слышно было. И адскій царь Сатана надумилъ ихъ, жестокихъ, чтобы имъ терзать Аркашу подъ моимъ покойцемъ...

Какъ почувала я, что это его терзаютъ... и бросилась... къ дверь ударились, чтобъ къ нему бѣжать... а дверь заперта... Сама не знаю, что сдѣлать хотѣла... и упала, а на полу еще слышнѣй... И ни ножа, ни гвоздя—ничего нѣтъ, на чемъ бы можно какъ-нибудь кончиться... Я взяла да своей же косою и замоталась... Обвила горло, да все крутила, крутила и слышать стала только звонъ въ ушахъ, а въ глазахъ круги и замерло... А стала я ужь опять себя чувствовать въ незнакомомъ мѣстѣ, въ большой свѣтлой избѣ... И телятки тутъ были... много теляточекъ, штукъ больше десяти,—такіе ласковые, придетъ и холодными губами руку лижетъ, думаетъ мать сосеть... И оттого и проснулась, что щекотно стало... Вожу вокругъ глазами и думаю, гдѣ я? Смотрю, входитъ женщина, пожилая, высокая, вся въ синей пестряди и пестрядиннымъ чистымъ платкомъ повязана, а лицо ласковое.

Замѣтила эта женщина, что я въ признакъ пришла, и обласкала меня, и рассказала, что нахожусь при своемъ же графскомъ домѣ въ телячьей избѣ... «Это вонъ тамъ было», поясняла Любовь Онисимовна, указывая рукою по направленію къ самому отдаленному углу полуразрушенныхъ сѣрыхъ загражденій.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

На скотномъ дворѣ она очутилась потому, что была подъ сомнѣніемъ, не сдѣлалась ли она въ родѣ сумасшедшей? Такихъ скотамъ уподоблявшихся на скотномъ и испытывали, потому что скотники были народъ пожилой и степенный, и считалось, что они могли «наблюдать» психозы.

Пестрядинная старуха, у которой опозналась Любовь Онисимовна, была очень добрая, а звали ее Дросида.

— Она, какъ убралася передъ вечеромъ,—продолжала няня:—сама мнѣ постельку изъ свѣжей овсяной соломки сдѣлала. Такъ распушила мягко, какъ пуховичокъ, и говоритъ: «я тебѣ, дѣвушка, все открою. Будь что будетъ, если ты меня выскажешь, а я тоже такая, какъ и ты, и не весь свой вѣкъ

эту цестрядь носила, а тоже другую жизнь видѣла, но только не дай Богъ о томъ вспомнить, а тебѣ скажу: не сокрушайся, что въ ссылъ на скотный дворъ поцала,—на ссылу лучше, но только вотъ этого ужаснаго плакона берегись...»

И вынимаетъ изъ-за шейнаго платка бѣленькій стеклинный пузырекъ и показываетъ.

Я спрашиваю:

— Что это?

А она отвѣчаетъ:

— Это и есть ужасный плаконъ, а въ немъ ядъ для забвенія.

Я говорю:

— Дай мнѣ забвеннаго яду: я все забыть хочу.

Она говоритъ:

— Не пей—это водка. Я съ собой не совладала разъ, выпила... добрые люди мнѣ дали... Теперь и не могу—надо мнѣ это, а ты не пей пока можно, а меня не суди, что я пососу—очень больно мнѣ. А тебѣ еще есть въ свѣтѣ утѣшеніе: *его* Господь ужъ отъ тиранства избавилъ!..

Я такъ и вскрикнула: «умеръ!» да за волосы себя схватила, а вижу не мои волосы,—бѣлые... Что это!

А она мнѣ говоритъ:

— Не пужайся, не пужайся, твоя голова еще тамъ побѣлѣла, какъ тебя изъ косы выпутали, а онъ живъ и ото всего тиранства спасенъ: графъ ему такую милость сдѣлалъ, какой никому и не было,—я тебѣ, какъ ночь придетъ, все расскажу, а теперь еще пососу... Отсосаться надо... жжетъ сердце.

И все сосала, все сосала, и заснула.

Ночью, какъ всѣ заснули, тетунка Дросида опять тихонечко встала, безъ огня подошла къ окошечку и, вижу, опять стоя пососала изъ плакончика и опять его спрятала, а меня тихо спрашиваетъ:

— Спать горе или не спать?

И отвѣчаю:

— Горе не спать.

Она подошла ко мнѣ къ постели и рассказала, что графъ Аркадія послѣ наказанія къ себѣ призывалъ и сказалъ:

— Ты долженъ былъ все пройти, что тебѣ отъ меня сказано, но какъ ты былъ мой фаворитъ, то теперь будетъ тебѣ отъ меня милость: я тебя пошлю завтра безъ зачета въ солдаты сдать, но за то, что ты брата моего, графа и дво-

рянина, съ пистолетами его не побоялся, я тебѣ нуть чести открою,—я не хочу, чтобы ты былъ ниже того, какъ самъ себя съ благороднымъ духомъ поставилъ. Я письмо пошлю, чтобы тебя сейчасъ прямо на войну послали, и ты не будешь служить въ простыхъ во солдатахъ, а будешь въ полковыхъ сержантахъ и покажи свою храбрость. Тогда надъ тобой ве моя воля, а царская.

— Ему,—говорила нестрадиная старушка:—теперь легче и бояться больше нечего: надъ нимъ одна уже власть—что пасть въ сраженіи, а не господское тиранство.

Я такъ и вѣрила, и три года все каждую ночь во снѣ одно видѣла, какъ Аркадій Ильичъ сражается.

Такъ три года прошло, и во все это время мнѣ была Божія милость, что къ театру меня не возвращали, а все я тутъ же въ телячьей избѣ оставалась жить, при тетушкѣ Дросидѣ въ младшихъ. И мнѣ тутъ очень хорошо было, потому что я эту женщину жалѣла, и когда она, бывало, ночью не очень выпьетъ, такъ любила ее слушать. А она еще помнила, какъ стараго графа наши люди зарѣзали, и самъ главный камердинеръ,—потому что никакъ уже больше не могли его адской лютости вытерпѣть. Но я все еще ничего не пила, и за тетушку Дросиду много дѣлала и съ удовольствіемъ: скотинки эти у меня какъ дѣтки были. Къ теляткамъ, бывало, такъ привыкнешь, что когда котораго отиошишь и его поведутъ колоть для стола, такъ сама его перекрестинишь и сама о немъ послѣ три дня плачешь. Для театра я уже не годилась, потому что ноги у меня не хорошо ходить стали, колыхались. Прежде у меня походка была самая легкая, а тутъ, послѣ того, какъ Аркадій Ильичъ меня увозилъ по холоду безъ чувствъ, я вѣрно ноги простудила и въ носкѣ для танцевъ уже у меня никакой крѣпости не стало. Сдѣлалась я такою же нестрадиною, какъ и Дросида, и Богъ знаетъ, докуда бы прожила въ такой унылости, какъ вдругъ, одинъ разъ, была я у себя въ избѣ передъ вечеромъ: солнышко садится, а я у окна тальки разматываю, и вдругъ мнѣ въ окно упадетъ небольшой камень, а самъ весь въ бумажку завернуть.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Я оглянулась туда-сюда и за окно выглянула, — никого нѣтъ.

— Навѣрно, думаю. это кто-нибудь съ воли черезъ заборъ кинулъ, да не попалъ куда надо, а къ намъ съ старушкой вбросилъ. И думаю себѣ: развернуть или нѣтъ эту бумажку? Кажется, лучше развернуть, потому что на ней непременно что-нибудь написано? А можетъ-быть это кому-нибудь что-нибудь нужно, и я могу догадаться и тайну про себя утаю, а записочку съ камушкомъ опять точно такимъ же родомъ кому слѣдуетъ переброшу.

Развернула и стала читать, и глазамъ своимъ не вѣрю...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Писано:

«Вѣрная моя Люба! Сражался я и служилъ государю и проливалъ свою кровь не однажды, и вышелъ мнѣ за то офицерскій чинъ и благородное званіе. Теперь я пріѣхалъ на свободѣ въ отпускъ для излѣченія ранъ и остановился въ Пушкарской слободѣ, на постояломъ дворѣ у дворника, а завтра ордена и кресты надѣну и къ графу явлюсь и принесу всѣ свои деньги, которые мнѣ на лѣченіе даны, пятьсотъ рублей, и буду просить мнѣ тебя выкупить, и въ надеждѣ, что обвиняемся передъ престоломъ Всевышняго Создателя».

— А дальше,—продолжала Любовь Онисимовна, всегда съ подавляемымъ чувствомъ:—писалъ такъ, что, «какое, говорить, вы надъ собою бѣдствіе видѣли и чему подвергались, то я то за страданіе ваше, а не во грѣхъ и не за слабость неставляю и предоставляю то Богу, а къ вамъ одно мое уваженіе чувствую». И подписано: «Аркадій Ильинъ».

Любовь Онисимовна письмо сейчасъ же сожгла на загнилкѣ и никому про него не сказала, ни даже пестрядиной старухѣ, а только всю ночь Богу молилась, нимало о себѣ словъ не произнося, а все за него, потому что, говорить, хотя онъ и писалъ, что онъ теперь офицеръ и со крестами и ранами, однако, я никакъ вообразить не могла, чтобы графъ съ нимъ обходился иначе, нежели прежде.

Просто сказать, боялась, что еще его бить будутъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

На утро, рано, Любовь Онисимовна вывела телятокъ на солнышко и начала ихъ съ корочки изъ лоханокъ молочкомъ поить, какъ вдругъ до ея слуха стало достигать, что «на

волѣ», за заборомъ, люди, куда-то носившая, бѣгутъ и шибко между собою разговариваютъ.

— Что такое они говорили, того я,—сказывала она: — ни одного слова не слышала, но точно ножъ слова ихъ мнѣ рѣзали сердце. И какъ въѣхалъ въ это время въ ворота павозникъ Филиппъ, я и говорю ему:

— Филиппа, батюшка, не слыхалъ ли, про что это люди идутъ, да такъ любовно разговариваютъ?

А онъ отвѣчаетъ:

— Это, говоритъ,—они идутъ смотрѣть, какъ въ Пушкинско-Карской слободѣ постоялый дворникъ ночью соннаго офицера зарѣзали. Совсѣмъ, говоритъ, горло перехватилъ и пятьсотъ рублей денегъ съ него снялъ. Поймали его, весь въ крови, говорятъ, и деньги при немъ.

И какъ онъ мнѣ это выговорилъ, я тутъ же брякъ съ ногъ долой...

Такъ и вышло: этотъ дворникъ Аркадія Пльича зарѣзали... и похоронили его вотъ тутъ, въ этой самой могилкѣ, на которой сидимъ... Да, тутъ онъ и сейчасъ подъ нами, подъ этой земелькой лежитъ... А то ты думалъ, отчего же я все сюда гулять-то съ вами хожу... Мнѣ не туда глядѣть хочется (указала она на мрачныя и сѣдыя развалины), а вотъ здѣсь возлѣ него посидѣть, и... и капельку за его душу помяну...

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Тутъ Любовь Оливсеновна остановилась и, считая свой сказъ досказаннымъ, вынула изъ кармана пузыречекъ, и «помянула», или «пососала», но я ее спросилъ:

— А кто же здѣсь схоронилъ знаменитаго тулейскаго художника?

— Губернаторъ, голубчикъ, самъ губернаторъ на похоронахъ былъ. Какъ же! Офицеръ, — его и за обѣдней и дыкошь, и батюшка «боляринкомъ» Аркадіемъ называли и какъ опустили гробъ, солдаты пустыми зарядами вверхъ изъ ружей выстрѣлили. А постоялаго дворника послѣ, черезъ годъ, палачъ на Пльинкѣ на площади кнутомъ наказывалъ. Сорокъ и три кнута ему за Аркадія Пльича дали, и онъ выдержать—живъ остался и въ каторжную работу клейменный пошелъ. Пани мужчины, которымъ возможно было, смотрѣть бѣгали, а старики, которые помнили, какъ

за жестокаго графа наказывали, говорили, что это сорокъ и три кнута мало, потому что Аркаша былъ пзъ простыхъ, а тѣмъ за графа такъ сто и одинъ кнутъ дали. Четнаго удара, вѣдь, это по закону нельзя остановить, а всегда надо бить въ не-четъ. Нарочно тогда палачъ, говорятъ, тульскій былъ привезенъ, и ему передъ дѣломъ три стакана рому дали выпить. Онъ потомъ такъ былъ, что сто кнутовъ ударилъ все только для одного мученія и тотъ все живъ былъ, а потомъ какъ сто первымъ шелканылъ, такъ всю позвонцовую кость и растрошилъ. Стали поднимать съ доски, а онъ ужъ и кончается... Покрыли рогожечкой, да въ острогъ и повезли, — дордогой умеръ. А тульскій, сказываютъ, все еще покрикивалъ: «давай еще кого бить—всѣхъ орловскихъ убою».

— Ну, а вы же, говорю, на похоронахъ были или нѣтъ?

— Ходила. Со всѣми вмѣстѣ ходила: графъ велѣлъ, чтобы всѣхъ театральныхъ свести посмотрѣть, какъ изъ нашихъ людей человекъ заслужиться могъ.

— И прощались съ нимъ?

— Да, какъ же! всѣ подходили, прощались, и я... перемѣнился онъ, такой, что я бы его и не узнала. Худой и очень блѣдный, — говорили, весь кровью истекъ, потому что онъ его въ самую полночь еще зарѣзаль... Сколько это онъ своей крови пролилъ...

Она умолкла и задумалась.

— А вы, говорю, — сами послѣ это какво перенесли?

Она какъ бы очнулась и провела по лбу рукою.

— По началу не помню, говорить, — какъ домой пришла... Со всѣми вмѣстѣ, вѣдь, — такъ вѣрно кто-нибудь меня велѣ... А ввечеру Дросида Петровна говорить:

— Ну, такъ нельзя, — ты не спишь, а между тѣмъ лежишь какъ каменная. Это не хорошо — ты плачь, чтобы изъ сердца истокъ былъ.

Я говорю:

— Не могу, теточка, — сердце у меня какъ уголь горитъ и истоку нѣтъ.

А она говорить:

— Ну, значить, теперь плакона не миновать.

Палила мнѣ изъ своей бутылочки и говорить:

— Прежде я сама тебя до этого не допускала и отговаривала, а теперь дѣлать нечего: облей уголь — пососи.

И говорю: «не хочется».

— Дурочка, говорить: — да кому же сначала хотѣлось. Вѣдь оно горе-горькое, а ядъ горевой еще горче, а облить уголь этимъ ядомъ — на минуту гаснетъ. Соси скорѣе, соси!

И сразу весь плаконъ выпила. Противно было, но спать безъ того не могла, и на другую ночь тоже... выпила... и теперь безъ этого уснуть не могу, и сама себѣ плакончикъ завела и вина покупаю... А ты, хорошій мальчикъ, мамашѣ этого никогда не говори, никогда не выдавай простыхъ людей: потому что простыхъ людей вѣдь надо беречь, простые люди все вѣдь страдатели. А вотъ мы когда домой поидемъ, то я опять за уголокъ у кабачка въ окошечко постучу... Сами туда не взойдемъ, а я свой пустой плакончикъ отдамъ, а мнѣ новый высунуть.

И былъ растроганъ и обѣщался, что никогда и ни за что не скажу о ея «плакончикѣ».

— Спасибо, голубчикъ,—не говори: мнѣ это нужно.

И какъ сейчасъ я ее вижу и слышу: бывало, каждую ночь, когда всѣ въ домѣ уснуть, она тихо приподнимается съ постельки, чтобы и косточка не хрустнула; прислушивается. встаетъ, крадется на своихъ длинныхъ, простуженныхъ ногахъ къ окошечку... Стоитъ минутку, озирается, слушаетъ: не идетъ ли изъ спальни мама; потомъ тихонько стукнетъ шейкой «плакончика» о зубы, приладится и «пососеть...» Глотокъ, два, три... Уголекъ залпа и Аркану помянула, и опять назадъ въ постельку,—юркъ подъ одеяльце и вскорѣ начинаетъ тихо-претихо носвистывать—фю-фю, фю-фю, фю-фю. Заснула!

Болѣе ужасныхъ и раздражающихъ душу поминокъ я во всю мою жизнь не видывала.

ТОМЛЕНЬЕ ДУХА.

(Изъ отроческихъ воспоминаній).

«Все это томленье духа».

Экклезиастъ.

Въ числѣ людей, которые принимали участіе въ моемъ воспитаніи, былъ длинный и тощій нѣмецъ Иванъ Яковлевичъ, по прозванью Коза. Настоящей его фамиліи я не знаю,—онъ своею наружностью напоминалъ козу, и всѣ мы звали его заочно Козою.

Это было въ деревнѣ, въ орловской губерніи, у моихъ богатыхъ родственниковъ. Я у нихъ росъ и воспитывался, пока меня отдали въ школу, въ городъ. Для насъ въ деревнѣ было нѣсколько учителей: русскій—Иванъ Степановичъ Птицынъ съ женою, жилъ во флигелѣ, и французъ, мосье Люп. тоже съ женою и сыномъ Альвиномъ, который учился вмѣстѣ съ нами. Эти тоже жили въ особомъ флигелѣ, и еще былъ нѣмецъ Кольбергъ, одинокій, часто пьяный и драчливый. Онъ такъ часто ссорился съ прислугою, что надоѣлъ дядѣ и былъ внезапно разсчитанъ: тогда на его мѣсто былъ взятъ Коза, который ранѣе этого жилъ уже въ нѣсколькихъ помѣщичьихъ домахъ въ околоткѣ, но нигдѣ долго не уживался. Говорили, что онъ человѣкъ очень смиренный и хорошій, но «съ фантазіями». Его къ намъ и приняли съ такимъ уговоромъ, чтобы жилъ съ нами и училъ насъ по-нѣмецки, но никакихъ своихъ фантазій не смѣлъ бы показывать.

Онъ взялся это исполнять, и мѣсяца три исполнялъ очень хорошо, но потомъ вдругъ не выдержалъ и пока-

заль такую фантазію, какъ будто и не даваль никакого зарока.

Тѣмъ разъ заѣхала къ дядѣ, по дорогѣ въ свое имѣніе, губернаторша съ сыномъ, мальчикомъ лѣтъ одиннадцати, очень избалованнымъ и непослушнымъ. Мы пошли въ фруктовый садъ, и тамъ этотъ гость оборваль какую-то рѣдкостную сливу, плоды которой были у дяди на счету. Мы испугались его поступка и дали себѣ клятву во всемъ зашираться и ничего не сказывать. Дядя вечеромъ пошелъ въ садъ и увидаль, что слива оборвана. Онъ разсердился, позваль садовникова сына, мальчика Костю, и сталь его спрашивать: кто оборваль сливу? Костя не зналь, и на него упало подозрѣніе, что эту сливу оборваль онъ и теперь запирается. Его за это велѣли высѣчь крыжовникомъ, а онъ испугался и сказаль, что будто въ самомъ дѣлѣ онъ съѣль сливы. Тогда его все-таки высѣкли. А мы знали кто оборваль, но ничего не говорили, чтобы не нарушать клятву и не пристыдить своего гостя, но къ вечеру нѣкоторыхъ изъ насъ это стало невыносимо мучить, и когда мы начали укладываться спать, то я не стерпѣль и сказаль Ивану Яковлевичу, что Костю наказали напрасно,— что онъ не воръ, а воръ вотъ кто, а мы всѣ дали клятву его скрыть.

Иванъ Яковлевичъ вдругъ поблѣднѣль и вскрикнуль:

— Какъ клятву! Какъ вы смѣли клясться? Развѣ вы не христіане! Кто вамъ позволиль чѣмъ-нибудь клясться? Видите, сколько отъ этого зла вышло, и теперь я уйду отъ васъ.

Мы еще больше встревожились и стали его упрашивать, но онъ твердилъ:

— Итъ, я уйду, я непременно уйду, и не самъ уйду, а меня выгонять, и это будетъ хорошио... Это будетъ къ лучшему.

Такъ все говорилъ, а самъ плакаль и потомъ вдругъ приложиль лобъ къ оконному стеклу, вздохнуль и побѣжалъ изъ комнаты.

Куда и зачѣмъ побѣжалъ—мы не могли догадаться и долго ждали его возвращенія, но потомъ такъ и уснули, не дождавшись, чтобы онъ назадъ пришелъ; а утромъ, когда старая дѣвушка Василиса Матвѣевна принесла намъ свѣжее

объе, мы узнали, что Иванъ Яковлевичъ къ намъ и совсѣмъ не воротится, потому что онъ сошелъ съ ума.

— Боже мой!.. Мы такъ и обомлѣли... Бѣдный, добрый Иванъ Яковлевичъ сошелъ съ ума!.. Это все мы виноваты. Но что же онъ такое сдѣлалъ?

— А онъ явился въ безчеловѣчномъ видѣ къ господамъ и сдѣлалъ фантазію, и ему за это отказано.

Фантазія состояла въ томъ, что, взволнованный нашимъ двойнымъ злочинствомъ, Коза сошелъ внизъ, въ гостиную, и, «имѣя въ лицѣ видъ безчеловѣчный», подошелъ къ губернаторшѣ и сказалъ ей совершенно спокойнымъ «безчеловѣчнымъ голосомъ»:

— У вашего сына дурное сердце: онъ сдѣлалъ поступокъ, за который бѣднаго мальчика высѣкли и заставили паглатъ на себя... Вашъ несчастный сынъ имѣлъ силу это стерпѣть, да еще научилъ другихъ клясться, чего Иисусъ Христосъ никому не позволилъ и просилъ никогда не дѣлать. Миѣ жаль вашего темнаго, непросвѣщеннаго сына. Помогите ему открыть глаза, увидеть свѣтъ и исправиться, а то изъ него выйдетъ дурной человѣкъ, который умертвитъ свой духъ и можетъ много другихъ испортить.

Съ губернаторшею сдѣлалось дурно, и она зашлась въ истерикѣ.

Страшно разсерженный происшедшею сценою, дядя вытолкнулъ Козу за двери и сейчасъ же велѣлъ запереть его въ конторѣ, а сегодня его велѣно уже отпратить на мушкетерской подводѣ въ Орель.

Мы за него обидѣлись и сказали:

— Для чего же это «на мушкетерской подводѣ»?

— А то на чемъ же?—отвѣчала Василиса.

— Можно было въ телѣжкѣ, въ которой на почту ѣздить.

— Ну, какъ же! еще ему чего? Въ этой телѣжкѣ пока святую воду пить возять... Для чего же его, глупаго нѣмца, держать въ одной чести съ батюшкой. Батюшка за наши грѣхи въ алтарѣ молится, а его довольно бы еще и не на подводѣ, а на нѣвозницѣ вывезти.

— И за что вы его такъ не любите?

— За то, что онъ дуракъ и вральменъ.

— Онъ никогда не вретъ, а всегда правду говоритъ.

— А вотъ это-то совсѣмъ и не нужно! Что такое его

правда? Правда тоже хорошо, да не по всякую минуту и не ко всякому съ нею лѣзть. Онъ самъ для себя свою правду и твори, а другимъ свой законъ на чужой кадыкъ не накидывай. У насъ свой-то законъ еще гораздо много пополнилѣ ихняго: мы если и сождемъ, такъ у насъ сколько угодно и отмолиться можно: у насъ и угодники есть, и страсотерпцы, и мученики, и Прасковен. Ему за насъ встрѣвать нечего. Зато ему и показали гдѣ Богъ и гдѣ порогъ.

— Какъ же это показываютъ?

— Гдѣ Богъ-то?

— Да.

— А поставятъ человѣка къ двери лицомъ да сзади дадутъ хорошенько по затылку шлыкъ, а онъ тогда долженъ въ подворотню шмыгъ.

— И это по-вашему значить показать человѣку «гдѣ Богъ»?

— Да. Воцъ пошелъ, вотъ и все!

— Такъ, значить, и ему показали «гдѣ Богъ»?

— Ну, ужъ какъ никакъ, а показали «гдѣ Богъ» и все тутъ.

— Что же: онъ *Его* увидитъ, и... пожалуй, будетъ радъ, что его прогнали.

— Ну, ужъ это пусть его радуется, какъ ему нравится: намъ его жалѣть нечего.

Мнѣ было очень жалко Ивана Яковлевича, а сынъ француза Люи, маленькій Альвинъ, еще болѣе о немъ разжалобился. Онъ пришелъ къ намъ въ комнату весь въ слезахъ и сталъ звать меня, чтобы вмѣстѣ убѣжать черезъ крестьянскіе коноплиники за околицу и тамъ спрятаться въ копопляхъ, пока повезутъ Ивана Яковлевича на подводѣ, и мы подводу остановимъ и съ нимъ простимся. Мы такъ и сдѣлали,—убѣжали и спрятались, но подвода очень долго не ѣхала. Оказалось, что Иванъ Яковлевичъ пожалѣлъ мужика, который былъ наряженъ его вози, и уволилъ его отъ этой повинности, а самъ пошелъ пѣшкомъ. На немъ былъ его зеленый фракъ и сѣрая мантилія изъ казинета, а въ рукахъ у него мотался очень маленькій свертокъ съ бѣльемъ и синій тиковый зонтикъ. Нога шель не только снокойно, но какъ бы торжественно, а лицо его было даже весело и выражало удовольствіе. Увидавъ насъ, онъ остановился и воскликнулъ:

— Прекрасно, дѣти! Прекрасно! О, сколько для меня есть радости въ одну эту минуту!—и онъ раскрылъ для объятій руки, а на глазахъ его заблестали слезы.

Мы бросились къ нему и тоже заплакали, повторяя: «Простите насъ, простите!» А въ чемъ мы просили прощенья—мы и сами того не могли опредѣлить, но онъ помогъ намъ понять и сказалъ:

— Вы дурно сдѣлали, что не берегли свою свободу и позволили себѣ клясться: поклявшись, вы уже перестали быть свободны. вы стали невольниками вашей клятвы... Да; вы уже не имѣли свободы говорить правду и вотъ черезъ это бѣднаго мальчика сочли воромъ и высѣкли. Могло быть, что его на всю жизнь могли считать воромъ и... можетъ-быть, онъ тогда бы и сдѣлался воромъ. Надо было это разорвать... И я разорвалъ... Надо было бунтовать, и я бунтовалъ... (Иванъ Яковлевичъ сталъ горячиться). Я иначе не могъ... во мнѣ духъ взбунтовался... проснулся къ жизни духъ... свободный духъ отъ всякой клятвы... и я пошелъ... я говорилъ... я стертъ... я опровергъ клятву... не должно клясться... Безъ клятвы будь правдивъ... Вотъ что нужно... нигдѣ и ни передъ кѣмъ не лги... не лги ни словомъ, ни лицомъ... Не бойся никого!.. Что писано въ прописи, чтобы кого-то бояться.—это все вздоръ есть! Иисусъ Христосъ больше значить, чѣмъ пропись... О, я думаю, что Онъ больше значить! Какъ вы думаете, кто больше?

— Христосъ больше.

— Ну, конечно, Христосъ больше, а Онъ сказалъ: «никого не бойтесь». Онъ побѣдилъ страхъ... Страхъ пустяки... Нѣтъ страха!.. Даже я!.. я побѣдилъ страхъ! Я его прогналъ вонъ... И вы гоните его вонъ!.. И онъ уйдетъ... Гдѣ онъ здѣсь? Его здѣсь нѣтъ. Здѣсь трое насъ и кто между насъ?.. А!.. Кто? Страхъ? Нѣтъ, не страхъ, а нашъ Христосъ! Онъ съ нами. Что?.. Вы это видите ли?.. вы это чувствуете ли?.. вы это понимаете ли?

Мы не знали, что ему отвѣчать, но мы «понимали», что мы «чувствуемъ» что-то самое прекрасное, и такъ и сказали.

Коза возрадовался и заговорилъ:

— Вотъ это и есть то, что надо, и дай Богъ, чтобы вы никогда объ этомъ не позабыли. Для этого одного стѣнитъ всегда быть правдивымъ во всѣхъ случаяхъ жизни.

Чистая совѣсть гдѣ хотите покажетъ Бога, а ложь гдѣ хотите удалить отъ Бога. Никого не бойтесь и ни для чего не лгите.

— О, да, да!—отвѣчали мы:—мы вперёдъ не будемъ ни лгать, ни клясться, но какъ намъ заглядитъ то зло, которое мы сдѣлали?

— Заглядитъ... заглядитъ можетъ только одинъ Богъ. Заглаждать—это не наше дѣло. Любите Костю и напомните другимъ, что онъ не виноватъ,—что онъ оклеветалъ себя отъ страха.

— Мы все такъ сдѣлаемъ, но вы, Иванъ Яковлевичъ, куда вы идете? У васъ есть гдѣ-нибудь свой домъ?

Онъ покачалъ отрицательно головою и сказалъ:

— Зачѣмъ мнѣ свой домъ?

— Ну, у васъ есть... семейные... кто васъ любитъ?

— Семейные?.. Пѣть... И зачѣмъ мнѣ семейные?

— Кто же у васъ свои?

— Ну, кто свои... кто свои!.. Ну, вотъ вы мнѣ теперь свои... «свои»—это тѣ, съ кѣмъ одно и то же любилъ...

— А особенно близкихъ развѣ нѣтъ?

— Для чего же особенные? Чтò это вамъ такое!.. Надо дѣлать все вмѣстное, а совсѣмъ не особенное.

— Но куда же вы теперь отправляетесь?..

Онъ повелъ плечами и весело отвѣтилъ:

— Куда я?.. Къ блаженной вѣчности; а по какому тракту,—это совсѣмъ все равно—только надо вездѣ дѣлать Божіе дѣло.

Мы не поняли, чтò такое значитъ «дѣлать Божіе дѣло», и плачевно приставали къ Козь.

— Намъ жаль, что вамъ отказали совершенно напрасно.

Онъ тихо покачалъ головою и отвѣчалъ:

— Пѣть; мнѣ отказали совсѣмъ не напрасно.

— Какъ не напрасно: вѣдь вы поступили всѣхъ насъ честнѣе и ничего дурного не сдѣлали.

— Ну, вотъ! Для чего же дѣлать дурное! Это не надо... но я сдѣлалъ безнокійство: я сдѣлалъ бунтъ противъ тьмы вѣка сего... и меня нужно гнать... Это ужъ такъ... и это очень хорошо!

— Вы это такъ говорите, какъ будто вы сами этому даже рады.

— Даже радъ! Да, я радъ! Я очень радъ! Вѣдь у насъ

«борьба наша не съ плотію и кровію, а съ тьмою вѣка,— съ духами злобы, живущими на землѣ». Мы ведемъ войну противъ тьмы вѣковъ и противъ духовъ злобы, а они гонять насъ и убиваютъ, какъ ранѣ гнали и убивали тѣхъ, которые были во всемъ насъ лучше.

— Но за что? за что это гонять тѣхъ, кто не сдѣлалъ никому зла? Это ужасно!

— Ничего, отвѣчалъ, еще больше сіяя, Коза, — напротивъ, это хорошо... это-то и хорошо, что ихъ гонять напрасно: это ихъ воспитываетъ; это ихъ укрѣпляетъ... И неужто вы хотѣли бы, чтобы меня не такъ выгнали, какъ теперь выгоняютъ за бунтъ противъ тьмы вѣка и духовъ злобы, а чтобы я самъ сдѣлалъ кому-нибудь зло!

— О, нѣтъ!

— Ну, такъ что же!.. Значить все какъ слѣдуетъ быть... все прекрасно... Со временемъ... если вамъ откроется, въ чемъ состоитъ жизнь, и вы захотите жить самымъ лучшимъ образомъ, то-есть жить такъ, чтобы духи злобы васъ гнали, — то вы тогда будете это понимать... Когда они гонять—это прекрасно, это радость... это счастье! по...

Онъ взялъ насъ за плечи и продолжалъ пониженнымъ голосомъ:

— Но когда они васъ ласкаютъ и хвалятъ... Вотъ тогда...

— Вы говорите что-то страшно...

— Да: это страшно. Тогда бойтесь, тогда осматривайтесь, тогда... шчите, чтобы спасъ васъ Отецъ вашъ небесный.

— Отецъ небесный! Но мы вѣдь не знаемъ... какъ это искать, что надо сдѣлать...

— Что сдѣлать?

— Чтобы Онъ насъ спасъ.

— Ага! И я это тоже не знаю... и я это... даже не стою, а Онъ...

У Ивана Яковлевича въ груди закипѣли слезы, и онъ сталъ говорить точно въ экстазѣ:

— Я бѣдный грѣшникъ, который вышелъ изъ ничтожества: я червякъ, который выползъ изъ грязи, а Отецъ держитъ меня на своихъ колѣняхъ; Онъ носитъ меня въ своихъ объятіяхъ, какъ сына, который не умѣетъ ходить, и не бросаетъ меня, не сердится, что я такой неумѣха, и хотя я глупъ, но Онъ мнѣ внушаетъ все, что человеку

нужно, и я вѣрю, что я у Него могу понять какъ разъ столько, сколько мнѣ нужно, и... вы тоже поймете... вамъ духъ скажетъ... Тогда придетъ спасеніе и вы не будете спрашивать: какъ оно пришло?.. И это все надо... тихо... Тсс! Богъ идетъ въ тишинѣ... Still!

Коза вдругъ поникъ головою, сжалъ на груди руки и сталъ читать по-нѣмецки «Отче нашъ». Мы безъ его приглашенія схватили съ головъ свои шапочки и съ нимъ вмѣстѣ молились. Онъ кончилъ молитву, положилъ намъ на головы свои руки и съ полными слезъ глазами закончилъ свою молитву по-русски.

— Нашъ Отецъ!—сказалъ онъ:—благодарю Тебя, что Ты вновь далъ мнѣ радость быть изгнаннымъ за исполненіе святой воли Твоей. Укрѣпи сердца терпящихъ за послушаніе Твоей воли и просвѣти разумомъ и милосердіемъ очей людей, насъ гонящихъ. Не оставь также этихъ дѣтей Твоихъ надолго въ пустынѣ: дай имъ войти въ разумѣніе и вкусить то блаженство, какое я теперь по Твоей благодати ощущаю въ моемъ духѣ. Дай имъ понять, въ чемъ есть Твоя воля!—И онъ еще разъ обнялъ насъ, поцѣловалъ и пошелъ въ городъ совершенно безпріютный и совершенно счастливый, а мы, у которыхъ все было изобильно и готово, стояли на колѣняхъ, на пыльной дорожкѣ, и, глядя вслѣдъ Козѣ, плакали.

Онъ будто метнулъ въ насъ что-то острое и вмѣстѣ съ тѣмъ радостное до восторга. Коза на насъ что-то призвалъ, насъ что-то обижало, мы хотѣли что-то понять, чтобы кончить мольбой о смягченіи сердець, и вдругъ оба вскочили, погнались за нимъ и закричали:

— Иванъ Яковличъ!.. Иванъ Яковличъ!..

Онъ остановился и обернулся, и показалось намъ, будто онъ вдругъ сдѣлался какой-то другой: выросъ какъ-то и разсвѣтился. Вѣроятно, это происходило оттого, что онъ теперь стоялъ на холмѣ и его освѣщало солнце. Но однако и голосъ у него тоже измѣнился. Онъ какъ-то будто лилъ слова по воздуху:

— Что вамъ еще? что вамъ?

А мы не знали, что именно хотѣли ему сказать, и спросили:

— Увидимъ ли мы васъ когда-нибудь?

Онъ ясно отвѣчалъ:

— Увидите.

— Когда же это будетъ?

Онъ глуше проговорилъ:

— Это случится... можетъ-быть... совсѣмъ неожиданно. а потому это опять не случится, и потому это опять иногда случится...

Мы, казалось, бѣжали за нимъ, а между тѣмъ онъ одинъ шелъ впереди, а мы все отставали и кричали:

— Гдѣ мы увидимся?

Но онъ отвѣчалъ уже издалика:

— Все равно, — и началъ разводить руками во все стороны, точно хотѣлъ пояснить, что для свиданія съ нимъ «иногда» все стороны равны. Пространство для него не существуетъ. «Все равно... иногда увидимся.., и опять... не увидимся... иногда», и еще что-то такое, а самъ все дальше и дальше отъ глазъ, и вдругъ какъ-то будто даже смѣшно затрепеталъ ручками и побѣжалъ-побѣжалъ, и скрылся, и съ тѣхъ поръ ушло очень много лѣтъ, и Козы долго, очень долго не было передо мною, но потомъ вдругъ онъ совершенно неожиданно явился разъ, и два, и еще втретѣе, и сталъ такъ близко, какъ будто онъ и не отходилъ, а между тѣмъ... все бѣжитъ и бѣжитъ впередъ... И въ эти минуты мнѣ показалось, будто и я не совсѣмъ все стоялъ... И я будто иногда плелся и тоже помаленечку подвигался, но зато я чувствовалъ и то, какъ я слабъ, какъ я усталъ и дальше плестись не въ силахъ... Конечно! я отстану и его опять уже никогда болѣе не увижу!.. Но тутъ всегда приходитъ неожиданная помощь: откуда-то кто-то возьмется и покажетъ «гдѣ Богъ»... и тогда сейчасъ же опять обзришься, всехъ *своихъ* тогда чувствуешь въ собственномъ сердцѣ, и ни съ однимъ изъ нихъ уже не боишься разстаться, потому что «у всехъ напоенныхъ однимъ духомъ должно быть одно разумѣнiе жизни».

ПЛАМЕННАЯ ПАТРИОТКА.

Изъ чужеземныхъ правительственныхъ знаменитостей я видѣлъ покойнаго Наполеона III—на открытіи бульвара въ Парижѣ, князя Бисмарка—на водахъ, Макъ-Магона—на разводѣ и нынѣшняго австрійскаго императора, Франца-Иосифа—за кружкой пива.

Самое памятное впечатлѣніе произвелъ на меня Францъ-Иосифъ, хотя онъ при этомъ капитально поспорилъ между собою двухъ моихъ соотечественниковъ.

Это стѣитъ того, чтобы рассказать.

Я былъ за границую три раза, изъ которыхъ два раза проѣзжалъ «столбовою» русскою дорогою, прямо изъ Петербурга въ Парижъ, а въ третій, по обстоятельствамъ, сдѣлалъ крюкъ и заѣхалъ въ Вѣну. Кстати я хотѣлъ навѣстить одну достойную почтенія русскую даму.

Это было въ концѣ мая или въ началѣ іюня. Поѣздъ, въ которомъ я ѣхалъ, привезъ меня въ Вѣну около четырехъ часовъ пополудни. Квартиры мнѣ для себя не пришлось отыскивать: въ Кіевѣ снабдили меня рекомендаціею, избавлявшею отъ всякихъ хлопотъ. Я, какъ пріѣхалъ, такъ сейчасъ же и устроился, а черезъ часъ уже привелъ себя въ порядокъ и пошелъ къ моей соотечественницѣ.

Въ этотъ часъ Вѣна тоже сдѣлала свой туалетъ: надъ нею прошелъ сильный лѣтній дождикъ и потомъ вдругъ на совершенно голубомъ небѣ засверкало лучистое солнце. Красивый городъ, умывшись, смотрѣлъ еще красивѣе.

Улицы, которыми велъ меня проводникъ, все казались очень изящными, но по мѣрѣ того, какъ мы подвигались къ Леопольдтадту, изящество ихъ становилось еще замѣтнѣе. Зданія были больше, сильнѣе и величественнѣе. У

одного из таких проводникъ остановился и сказалъ, что это отель, который мнѣ нужно.

Мы вошли чрезъ величественную арку въ обширный залъ, расписанный въ помпейскомъ вкусѣ. Направо и налево у этого зала были тяжелыя двери изъ темнаго дуба; противоположная стѣна роскошно драпирована красноватымъ сукномъ. Посрединѣ залы стояла коляска, запряженная парю живыхъ лошадей, и на козлахъ сидѣлъ кучеръ.

Этотъ великолѣпный залъ попросту есть не что иное, какъ «ворота». Мы были подъ такими воротами, какихъ я еще не видалъ ни въ Петербургѣ, ни въ Парижѣ.

Вправо находилось помѣщеніе швейцара. Оно тоже замѣчательно; замѣчательенъ и самъ великолѣпный швейцаръ съ камергерской фигурой: онъ сидѣлъ тутъ, какъ золотистый жукъ, въ витринѣ изъ громадной величины зеркальныхъ стеколъ. Ему все вокругъ было видно; а возлѣ него, для важности или для какого другого удобства, стояли три ассистента и всѣ съ аксельбантами. Если бы представилась надобность кого-нибудь не пропустить или вывести, такой швейцаръ самъ, конечно, рукъ бы объ это не пачкалъ.

На мой вопросъ: «здѣсь ли моя знакомая?»—одинъ изъ ассистентовъ отвѣчалъ: «здѣсь», а когда я спросилъ: «могу ли я ее видѣть?»—ассистентъ доложилъ швейцару, а тотъ повелъ дипломатически бровью и самъ объяснилъ мнѣ:

— Собственно говоря, я не думаю, чтобы княгиня теперь было удобно принять васъ,—ей поданы лошади, и ея сіятельство сейчасъ уѣзжаетъ кататься. Но если вамъ очень нужно...

— Да,—леребилъ я:— мнѣ очень нужно.

— Въ такомъ случаѣ я прошу у васъ минуту терпѣнія.

Было ясно, что я имѣю дѣло съ настоящимъ дипломатомъ и о минутѣ терпѣнія споръ былъ неумѣстенъ.

Мы взаимно другъ другу поклонились.

Швейцаръ пожалъ электрическую пуговку въ столъ, перель которымъ помѣщалось его папское кресло съ высокою готическою спинкою, и, приложивъ ухо къ трубкѣ, черезъ секунду объяснилъ мнѣ:

— Княгиня уже сходитъ съ лѣстницы.

Я остался ее ждать.

Через минуту моя знакомая показалась на бѣлыхъ мраморныхъ ступеняхъ, въ сопровожденіи давно мнѣ известной ей пожилой русской горничной Анны Фетисовны, у которой есть роль въ этомъ маленькомъ разказѣ.

Княгиня встрѣтила меня съ отличающею ее всегдашнюю милую привѣтливостью и, сказавъ, что она сейчасъ ѣдетъ сдѣлать свою послѣобѣденную прогулку, пригласила меня прокатиться вмѣстѣ.

Она хотѣла показать мнѣ Пратеръ. Я ничего не имѣлъ противъ этого, и мы поѣхали: я рядомъ съ княгиней на заднемъ сидѣннѣ, а напротивъ насъ Анна Фетисовна.

Въ противорѣчіе тѣмъ, кто утверждаетъ, что за границею все ѣздить гораздо тише, чѣмъ въ Россіи, мы понеслись по вѣнскимъ улицамъ очень шибко. Конни были рѣзвые и горячіе, кучеръ — мастеръ своего дѣла. Вѣнцы въ парной, дышловой упряжки править такъ же красиво и ловко, какъ поляки. Наши кучера такъ ѣздить не умѣютъ. Они очень грузны и сучать вожжами, — нѣтъ у нихъ свободнаго движенія въ лентѣ и всей той «элеванціи», которой такъ много въ краусѣ и въ вѣнцѣ.

Не успѣлъ я оглянуться, какъ мы были уже въ Пратерѣ.

Я не буду дѣлать ни малѣйшей попытки къ тому, чтобы описывать этотъ паркъ, но скажу только то, что необходимо для надлежащаго освѣщенія предстоящей сцены.

Напоминаю, что это было около пяти часовъ вечера и тотчасъ послѣ сильнаго дождя. Свѣжая влажность еще лежала повсюду: тяжелый гравій на дорожкахъ казался коричневымъ: на листьяхъ деревьевъ сверкали чистыя капли.

Было порядочно сыро, и я не знаю: эта ли сырость или нѣсколько ранивъ часть были причиною, что все лучшія аллеи парка, по которымъ мы прокатили, были совершенно пусты. Едва-едва мы встрѣтили какого-то садовника въ курткѣ съ граблями и лопаткой за плечами, и болѣе никого; но моя добрая хозяйка вспомнила, что, кромѣ этой, такъ-сказать, бѣловой части парка, есть еще *черновая*, называемая *Kalbs-Prater* или «телячій паркъ» — мѣсто гулянья вѣнской черни.

— Это, говорятъ, будто бы интересно, — сказала княгиня, и тотчасъ же велѣла кучеру ѣхать въ *Kalbs-Prater*.

Тотъ взявъ вѣтвь, крикнулъ свой гортанный «ой», щелкнулъ бичомъ, и подъ нами точно стала осѣдать почва, мы куда-то какъ будто спускались, мы падали, какъ будто рвали себя въ низшую сферу.

Ситуація прекрасно гармонировала съ общественностью.

Картина быстро мѣнялась: аллеи становились уже и были менѣе чисто содержаны; на пескѣ и по окраинамъ куртижь, кое-гдѣ, мелькали обрывки бумажекъ. Зато начали встрѣчаться люди, все пѣшеходы, сначала продавцы пзвѣстныхъ вѣнскихъ колбасиковъ, потомъ—публика. Нѣкоторые плелись съ дѣтьми. Здѣшняя публика, очевидно, сырости не боялась, а боялась только потерять минуту дорогого времени.

Бѣдный, когда женится, ему почъ коротка. еще кратче часъ отдыха у такихъ трудолюбивыхъ и бережливыхъ людей, какъ южные нѣмцы, у которыхъ, однако, потребность въ удовольствіи велика почти такъ же, какъ у французовъ.

Навстрѣчу намъ не было никакого движенія.—мы всѣхъ обгоняли. Очевидно, цѣль стремленія у всѣхъ была впереди, она была тамъ, куда и мы поспѣшили и откуда теперь минута отъ минуты слышнѣе стали долетать какіе-то звуки. Странные звуки, гочно жужжаніе пчелы между стекломъ и занавѣскою. Но вотъ сквозь вершины деревьевъ мелькнулъ высокій фронтонъ большого деревяннаго зданія; колеска опять взяла вѣтвь и вдругъ остановилась. Мы были на перекресткѣ двухъ дорожекъ. Передъ нами открылась довольно большая лужайка, на которой, по ту сторону, стоялъ большой деревянный домъ въ швейцарскомъ вкусѣ, а передъ нимъ, на травѣ, тянулись длинные столы и за ними сидѣло множество всякаго народа. Передъ каждымъ гостемъ стояла его кружка лива, а на открытой галереѣ играли четыре музыканта и вѣлясь въ пляскѣ венгерець съ венгеркой. Вотъ откуда неслись тѣ музыкальные звуки, которые издали напоминали жужжаніе пчелы между стекломъ и занавѣскою. Жужжаніе это слышно и теперь, съ тою разницею, что теперь въ звукахъ уже можно слышать что-то хватающее за какой-то нервъ и разливающееся вокругъ со стономъ, со звономъ, съ подзадоромъ.

— Это танцуютъ *чардаши*: я вамъ совѣтую обратить на нихъ вниманіе,—проговорила княгиня. — Вы это не часто

встрѣтите: чардашъ шкото не сумѣеть такъ исполнить, какъ венгерцы. Кучеръ, подѣзжайте ближе.

Кучеръ тронулъ впередъ, но едва лошади переступили два шага, онъ остановилъ ихъ снова.

Мы, конечно, подвинулись, но все-таки стояли еще слишкомъ далеко, чтобы имѣть возможность разсмотрѣть танцоровъ, а потому княгиня еще разъ сказала кучеру подѣзжать ближе. Онъ, однако, казалось, не слыхалъ этого повторенія, но зато, когда княгиня сказала ему то же самое втретий, кучеръ не только тронулъ вожжи, но звонко хлопнулъ бичомъ и сразу выдвинулъ экипажъ на самую середину лужайки.

Теперь мы все могли видѣть въ подробностяхъ и сами были на виду у всѣхъ. Нѣсколько человекъ изъ сидѣвшихъ за столами при щелкѣ бича оглинулись, но сейчасъ же опять обратились къ танцорамъ, и только со ступеней нижней террасы на насъ смотрѣлъ одинъ толстый кельнеръ, но какъ будто ожидая какого-то надлежащаго момента, когда между имъ и нами долженъ произойти обмѣнъ соответствующихъ взаимныхъ сношеній.

Я старался самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполнить совѣтъ моей дамы и хотѣлъ глядѣть на чардашъ, не сводя глазъ, но случайное обстоятельство привлекло *мое вниманіе* къ другому.

Едва мы остановились, какъ кучеръ слегка полуоборотился къ экипажу и сказалъ:

— Kaiser!

— Wo ist der Kaiser?

Кучеръ вмѣсто отвѣта повелъ оттопыреннымъ мизинцемъ перчатки въ лѣвую сторону, къ противоположному концу поляны, гдѣ при такомъ же перекресткѣ, какъ тотъ, съ котораго мы выѣхали, теперь виднѣлись двѣ конскія головы свѣтло-буланой, золотистой масти.

Видны были только двѣ эти прекрасныя головы въ наборныхъ уздечкахъ съ бирюзовыми пукальками, а самый экипажъ оставался на такомъ разстояніи, на какомъ сначала хотѣлъ удержать насъ нашъ кучеръ.

«Это, подумалъ я себѣ,—въ самомъ дѣлѣ очень деликатно, но зато онъ отсюда ничего хорошаго не увидитъ, да и на себя не даетъ намъ полюбоваться. А это досадно».

Только не нужно было досадовать: въ эту самую минуту,

глядя по направленію, гдѣ стояли лошади, я безъ всякаго затрудненія увидаль высокаго, немножко сутуловагаго, но браваго мужчину, въ синей австрійской курткѣ и въ про-стомъ военномъ кепи.

Это и былъ его апостолическое величество, старшій членъ дома Габсбурговъ, царствующій императоръ Францъ-Иосифъ. Онъ былъ совершенно одинъ и шелъ прямо къ расположен-нымъ на лужайкѣ столамъ, за которыми сидѣли вѣнскіе сапожники. Императоръ подошелъ и у перваго стола сѣлъ на скамейку съ краю, рядомъ съ высокимъ работникомъ въ свѣтло-сѣрой блузѣ, а толстый кельнеръ въ ту же самую секунду положилъ передъ нимъ на столъ черный войлочный кружочекъ и поставилъ на него мастерски вспѣннуую кружку пива.

Францъ-Иосифъ взялъ кружку въ руки, но не пилъ; пока длился танецъ, онъ все держалъ ее въ рукѣ, а когда чар-дашъ былъ оконченъ, императоръ молча протянулъ свою кружку къ сосѣду. Тотъ сразу понялъ, что ему надо сдѣ-лать: онъ чокнулся съ государемъ и сейчасъ же, оборотясь къ другому сосѣду, передачаю чокнулся съ нимъ. Съ этимъ вразъ, сколько здѣсь было людей, всѣ встали, всѣ чокну-лись другъ съ другомъ и на всю поляну дохнуло общее, дружное «Hoch!» Это «hoch» здѣсь кричатъ не громко и безъ раскатовъ, а такъ, какъ будто хорошо вздохнуть отъ сердца.

Императоръ осушилъ кружку за единый вздохъ, поклонился и ушелъ.

Буланые кони умчали его назадъ тою же дорогою, по которой, влѣдъ за нимъ, уѣхали и мы. Но съ нами теперь ѣхала значительная сила произведеннаго этимъ случаемъ впечатлѣнія, и вся она мѣстилась главнымъ образомъ въ Аннѣ Фетисовнѣ. Дѣвушка, къ немалому нашему удивленію, плакала!.. Она сидѣла передъ нами, закрывъ глаза бѣлымъ носовымъ платкомъ, и прижимала его руками.

— Анна Фетисовна! что съ вами?—отнеслась къ ней съ доброй и ласковой шуткой княгиня.

Та продолжала плакать.

— О чемъ вы плачете?

Анна Фетисовна открыла глаза и проговорила:

— Такъ,—и о чемъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?

Дѣвушка глубоко вздохнула и отвѣчала:

— Ихняя простота мнѣ трогательна.

Княгиня подмигнула мнѣ и, шутя, сказала:

— *Toujours servile! C'est ainsi que l'on arrive aux sieux.*

Но шутка какъ-то не бралась за сердце. Волненіе Анны Фетисовны давало иной смыслъ этому пустому случаю.

Мы возвратились въ отель и застали здѣсь еще одного гостя. Это былъ австрійскій баронъ, который собирался въ Россію и учился по-русски. Мы пили чай, а Анна Фетисовна намъ прислуживала. Говорили о многомъ: о Россіи, о петербургскихъ знакомыхъ, о курсѣ нашихъ денегъ, о томъ, кто у насъ всѣхъ лучше проворовался, и, наконецъ, о нашей сегодняшней встрѣчѣ съ Францомъ-Иосифомъ.

Весь разговоръ шелъ по-русски, такъ что Анна Фетисовна должна была все отъ слова до слова слышать.

Княгиня рассказывала мнѣ не совсѣмъ «легальные» вещи изъ придворныхъ буколикъ и политическихъ рапсодій. Баронъ улыбался.

Всего этого я не имѣю нужды вспоминать, но одно считаю умѣстнымъ замѣтить, что многія черты характера австрійскаго императора собесѣдница моя старалась мнѣ истолковать въ смыслѣ исканія *популярности*.

Этотъ трактатъ о популярности или, вѣрнѣе сказать, о популярничаньи, былъ развитъ съ особою подробностію и съ примѣрамп, въ числѣ коихъ опять выпрыгнула сегодняшняя кружка пива. И, — моя вина, если я ошибаюсь, — мнѣ казалось, что это дѣлалось гораздо менѣе для насъ, чѣмъ для Анны Фетисовны, которая во все время то входила, то выходила, подавая что-нибудь нужное своей госпожѣ.

Это былъ какой-то женскій капризъ, который увлекъ мою соотечественницу до того, что она перешла отъ императора къ народу или къ народамъ, къ австрійцамъ и къ намъ. Ей даже нравилось, какъ «вѣнскіе сапожники» держали себя «съ достоинствомъ», и затѣмъ она быстро переносилась на родину, къ нашимъ русскимъ людямъ, къ ихъ пирамъ и забавамъ, къ зелено-вину, и опять къ слезамъ и къ разстройству впечатлительной Анны Фетисовны.

Это уже говорилось по-французски, но баронъ все-таки только продолжалъ улыбаться.

— Мы еще спросимъ у моей почтенной Жанны ея мнѣ-

ня,—сказала княгиня и, когда дѣвушка пришла за чашкою, хозяйка сказала:

— Анна Фетисовна, вамъ вѣдь сегодня очень понравился здѣшній король?

— Да-съ, очень понравился,—скоро отвѣчала Анна Фетисовна.

Княгиня шепнула мнѣ: «она злится», и продолжала вслухъ:

— А какъ вы думаете, если бы онъ пріѣхалъ къ намъ въ Москву, подь качели?

Дѣвушка молчала.

— Вы не хотите съ нами говорить?

— Для чего же ему къ намъ, въ Москву, пріѣзжать?

— Ну, а если бы взялъ да и пріѣхалъ? Какъ вы думаете: присѣлъ ли бы онъ къ нашимъ мужичкамъ?

— Зачѣмъ же ему къ нашимъ присѣдать, когда у него свои есть.—отвѣчала Анна Фетисовна и поспѣшно ушла съ пустою чашкою въ свою комнату.

— Она положительно злится. — сказала по-французски княгиня, и добавила, что Анна Фетисовна пламенная патриотка и страдаетъ страстію къ обобщеніямъ.

Баронъ все улыбался и скоро ушелъ. Я ушелъ часомъ позже.

Когда я простился, Анна Фетисовна, со свѣчою въ рукѣ, пошла проводить меня по незнакомымъ переходамъ отеля до лѣстницы и неожиданно сказала:

— И вы, сударь, согласны съ тѣмъ, что нашей природы всѣ люди безъ достоинства?

— Нѣтъ, говорю,—не согласенъ.

— А зачѣмъ же вы ничего не сказали?

— Не хотѣлъ напрасно спорить.

— Ахъ, нѣтъ, сударь, это бы не напрасно... И еще при чужомъ баронѣ... Для чего всегда о своихъ такъ обидно! Будто намъ что дурное, а не хорошее нравится.

Мнѣ стало ее жалко, да передъ нею и совѣстно.

Заграничное мое странствованіе продолжалось недолго. Осенью я уже былъ въ Петербургѣ и однажды въ одномъ изъ переходовъ гостиннаго двора неожиданно встрѣчаю Анну Фетисовну съ корзинкою гаруснаго вязанъ:

Поздоровались и я ее спрашиваю о княгинѣ, а Анна Фетисовна отвѣчаетъ:

— Я о княгинѣ, сударь, ничего не знаю — мы съ нею разстались.

— Неужели тамъ, за границею?

— Да, я одна вернулась.

Зная ихъ долготѣвшую свичку, почти можно сказать, дружбу, я выразилъ непритворное удивленіе и спросилъ:

— Изъ-за чего же вы разстались?

— Вы эту причину знаете: при васъ было...

— Неужели изъ-за австрійскаго императора?

Анна Фетисовна минуту промолчала, а потомъ вдругъ отрѣзала:

— Что же мнѣ вамъ сказывать: сами видѣли... Онъ очень вѣжливый и въ томъ ему честь, а мнѣ за княгиню больно стало—за ихъ необразованіе.

— Да что же тутъ касалось образованія княгини?

— А то, что *онъ*, король, да умѣлъ какъ сдѣлать, всталъ да сѣлъ со всѣми заровно, а мы, какъ статуи, въ коляскѣ напоказъ выпятились и сидѣли. Всѣ насъ и осмѣяли.

— Я, говорю,—не видалъ, чтобы тамъ надъ нами смѣялись.

— Нѣтъ-съ, не тамъ, а въ гостиницѣ — и швейцаръ, и всѣ люди.

— Что же они вамъ говорили?

— Ничего не говорили, потому что я по-ихнему не понимаю, а я въ глазахъ ихъ видѣла, какъ они не уважаютъ нашу необразованность.

— Ну-съ,—и этого вамъ было довольно, чтобы разстаться съ княгиней!

— Да... что же... чего удивительно, когда Господь точно смѣсилъ намъ языки, и мы не стали ни въ чемъ понимать другъ друга... Нельзя оставаться, когда во всѣхъ нашихъ мысляхъ стало несогласно, я и отпросилась сюда. Не хочу больше служить: живу по своей сѣрой природѣ.

Въ этой «природѣ» чувствовалось настоящее *достоинство*, съ которымъ ей тяжка необразованность.

Княгиня недаромъ называла ее «пламенною патриоткою».

БЕЗСТЫДНИКЪ.

Мы выдержали въ морѣ штормъ на самомъ утломъ суденышкѣ, недостатковъ котораго я, впрочемъ, не понимаю. Ставъ на якорь, въ какіе-нибудь полчаса матросы все привели въ порядокъ, и мы тоже всё сами себя уиорядочили, пообѣдали, чѣмъ Богъ послалъ, и находились въ нѣсколько праздничномъ настроеніи.

Насъ было немного: командиръ судна, два флотскихъ офицера, штурманъ, да я и старій морякъ Порфирій Никитичъ, съ которымъ мы были взяты на это судно просто ради компаніи, «по знакомству»,—провѣтриться.

На радостяхъ, что бѣда сошла съ рукъ, всё мы были словоохотливы и разболтались, а темой для разговора служила, конечно, только-что прошедшая непогода. По поводу ея припоминали разные болѣе серьезные случаи изъ морской жизни, и незамѣтно заговорили о томъ, какое значеніе имѣеть море на образованіе характера человѣка, вращающагося въ его стихіи. Разумѣется, среди моряковъ море нашло себѣ довольно горячихъ апологетовъ, выходило, что будто море едва ли не панацея отъ всѣхъ золъ, современнаго обмельнія чувствъ, мысли и характера.

— Гмъ!—замѣтилъ старикъ Порфирій Никитичъ: — что же? это хорошо; значить, все очень легко поправить: стѣбить только всѣхъ, кто на землѣ очень обмельѣлъ духомъ, посадить на корабли, да вывести на море.

— Ну, вотъ какой вы сдѣлали выводъ!

— А что же такое?

— Да мы такъ не говорили: здѣсь шла рѣчь о томъ, что море воспитываетъ постояннымъ обращеніемъ въ морской жизни, а не то, что взявъ человѣка, всунуть его въ морской мундиръ, такъ онъ сейчасъ и переѣмнится. Разумѣется, это, что вы выдумали,—невозможно.

— Позвольте, позвольте,—перебилъ Порфирій Никитичъ:—во-первыхъ, это совсѣмъ не я выдумалъ, а это сказалъ одинъ историческій мудрецъ.

— Ну, къ чорту этихъ классиковъ:

— Во-первыхъ, мой историческій мудрецъ былъ вовсе не классическій, а русскій и состоялъ на государственной службѣ по провіантской части; а во-вторыхъ, все то, что имъ было на этотъ счетъ сказано, въ свое время было публично признано за достовѣрную и несомнѣнную истину въ очень большой и почтенной компаніи. И я, какъ добрый патриотъ, хочу за это стоять, потому что все это относится къ многосторонности и талантливости русскаго человѣка.

— Нельзя ли рассказать, что это за историческое свидѣтельство?

— Извольте.

Прибывъ вскорѣ послѣ Крымской войны въ Петербургъ, я разъ очутился у Степана Александровича Хрулева, гдѣ встрѣтилъ очень большое и нестрое собраніе: были военные разнаго оружія и между ними нѣсколько нашихъ черноморцевъ, которые познакомились со Степаномъ Александровичемъ въ севастопольскихъ траншеяхъ. Встрѣча съ товарищами была для меня, разумѣется, очень пріятна и мы, моряки, засѣли за особый столикъ: бесѣдуемъ себѣ и мочимъ губы въ хересѣ. А занятія на хрулевскихъ вечерахъ были такія, что тамъ всѣ по преимуществу въ карты играли и притомъ «по здоровой», «и приписывали и отписывали они мѣломъ и такъ занимались дѣломъ». Храбрый покойничекъ, не тѣмъ онъ будь помянуть, любилъ сильныя ощущенія, да это ему о ту пору было и необходимо. Ну, а мы, моряки, безъ картъ обходились, а завели дискусію и, какъ сейчасъ помню, о чемъ у насъ была рѣчь: о книгѣ, которая тогда вышла, подъ заглавіемъ «Познайка Крымской войны». Она въ свое время большого шума надѣлала.

и всё мы ея тогда только-что поначитались и были ея сильно взволнованы. Оно и понятно: книга трактовала о злоупотребленіяхъ, бывшихъ причиною большинства нашихъ недавнихъ страданій, которыя у всѣхъ участвовавшихъ въ севастопольской оборонѣ тогда были въ самой свѣжей памяти: все шевелило самыя живыя раны. Главнымъ образомъ книга обличала воровство и казнокрадство тѣхъ комиссаріатчиковъ и провіантчиковъ, благодаря которымъ намъ не разъ доводилось и голодать, и холодать, и сохнуть. и мокнуть.

Естественное дѣло, что печатное обличеніе этихъ гадостей у каждаго изъ насъ возбудило свои собственныя воспоминанія и подняло давно накопившую желчь: ну, мы, разумѣется, и пошли ругаться. Занятіе самое компанское: сидимъ себѣ, да оныхъ своихъ благодѣтелей изъ подлеца въ подлеца переваливаемъ. А тутъ мой сосѣдъ, тоже нашъ черноморскій, капитанъ Евграфъ Ивановичъ (необыкновенно этакій деликатный былъ человекъ, самаго еще добраго морского закала), львенокъ нахимовскій, а доброты преестественной и немножко запка, ловить меня подь столомъ рукою за когѣно и весь ежится...

— Чтò такое. думаю:—чего ему хочется?

— Извините, говорю,—мой добръшій. Если вамъ что-нибудь нужно по секрету—кликните слугу: я здѣсь тоже гость и всѣхъ выходовъ не знаю. А онъ запкнулся и опять за свое. А я вѣдь по глуности своей пылокъ, гдѣ не надо, да и разгоряченъ былъ всѣми этими воспоминаніями-то, и притомъ же я еще чертовски щекотливъ, а Евграфъ Ивановичъ меня такъ какъ-то не смѣло, щекотно, пальцами за когѣно забрать, совершенно будто теленокъ мягкими губами жеваться хочетъ.

— Да перестаньте же. говорю, —Евграфъ Ивановичъ, чтò вы это еще выдумали? И вѣдь не дама, чтобы меня подь столомъ за когѣно хватать,—можете мнѣ ваши чувства при всѣхъ открыть. А Евграфъ Ивановичъ, милота безциная. —еще больше сконфузился и шепчетъ:

— Бе-е-е-зетыд-д-никъ, говоритъ,—вы, Порфирій Никитичъ.

— Не знаю. говорю, — мнѣ кажется, что вы больше безстыдникъ. Съ вами, того и гляди, попаденъ еще въ

подозрѣніе въ принадлежности къ какой-нибудь вредной сектѣ.

Ка-а-а-къ вамъ... ра-а-звѣ можно. можно та-а-къ проинтендантовъ съ комиссіонерами гово-орить?

А вамъ, спрашиваю,—что за дѣло за нихъ заступаться?

Я-а-а за нихъ не за-а-а-ступа-а-юсь,—еще тише шепчетъ Евграфъ Ивановичъ,—а развѣ вы не видите, кто тутъ за два шага за вашей спиной сидитъ?

— Кто тамъ такой у меня за спиной сидитъ?—я не виноваты: у меня за спиной глазъ нѣтъ.

А самъ за этимъ оборачиваюсь и вижу: сзади меня за столикомъ сидитъ въ провіантскомъ мундирѣ такая огромная туша—совершенно какъ Гоголь сказалъ,—свинья въ ермолкѣ. Сидитъ и рѣжется, подлець, по огромному кушу и съ самымъ такимъ возмутительнымъ для нашего брата-голяка спокойствіемъ: «дескать намъ что проиграть, что выиграть—все равно: мы вѣдь это только для своего удовольствія, потому у насъ житница уготована: пей, ѣшь и веселись!» Ну, словомъ сказать, все нутро въ бѣдномъ человѣкѣ поднимаетъ!

— Пшь ты, говорю, — птица какая! Какъ же это я раньше его не замѣтилъ! И, знаете, завидѣвъ врага воочью, то, чертъ знаетъ, какимъ духомъ завялся, и вмѣсто того, чтобы замолчать, еще громче заговорилъ въ прежнемъ же родѣ, да началъ нарочно, какъ умѣлъ, посолонѣе пересаливать.

— Разбойники, говорю, — кровопійцы эти неасытные, интендантскія утробы! Въ то самое время, какъ мы, бѣдные офицеры и солдаты, кровь свою, можно сказать, какъ бурачный квасъ изъ втулки въ крымскую грязь цѣдили,—а они насъ же обкрадывали, свои плутовскіе карманы набивали, дома себѣ строили, да имѣнья покупали!

Евграфъ Ивановичъ такъ и захлебывается слюной:

— Не-е-рестаньте!

А я говорю:

— Чего перестать? Развѣ это неправда, что мы съ голоду мерли; тухлую солонину да канусту по ихъ милости жрали; да солонкой вмѣсто борщя раны перевязывали, а они хересь да дрей-мадеры расшивали?

И все, знаете, въ этомъ родѣ на ихъ счетъ развѣзжаю. Собесѣдники мои, видя, что я въ такомъ азартѣ, уже меня не трогаютъ, а только, кои повеселѣе, посмѣиваются да ноготками объ рюмки съ хересомъ пощелкиваютъ, а милота моя, застѣнчивый человѣкъ, Евграфъ Ивановичъ, весь стыдомъ за меня проникся,—набралъ со стола полную горсть карточныхъ двоекъ, растопырилъ ихъ въ обѣихъ рукахъ вѣеромъ, весь ими закрылся и шепчетъ:

— Ахъ, Порфирій Никитичъ, ахъ, без-з-зстыд-д-дникъ какой, что-о-о онъ рассказываетъ! Въ ва-съ со-о-о-страданія нѣтъ...

Меня эта краснорѣчивость его еще больше взорвала.

— Вотъ такъ, думаю,—у насъ всегда, у русскихъ: правый, съ чистой совѣстью, сидитъ да краснѣетъ, а нахалъ прожженный, какъ вороватый кухонный котъ-васка, знаетъ ушисываетъ, что стянуть, и ухомъ не ведеть.

И съ этимъ оглянулся назадъ, гдѣ за столомъ сидѣлъ раздражавшій меня провіантщикъ, и вижу, что онъ и точно ухомъ не ведеть. Чтобы онъ не слышалъ этого моего широко-вѣщанія насчетъ всей его почтенной корпораціи,—этого и быть не могло; но сидитъ себѣ, какъ сидѣлъ, курить большую благовонную регалию да козыряетъ. И, какъ все у человѣка очень много зависитъ отъ настроенія, то ужъ мнѣ кажется, что и козыряетъ-то, или, просто сказать, картами ходить онъ какъ-то особенно противно: такъ это, знаете, какъ-то ихъ словно отъ себя, и пальцемъ не шевеля, пошвыриваетъ: «дескать, нѣ, вамъ, сволочи,—мнѣ все это наплевать». Еще онъ мнѣ этимъ сталъ отвратительнѣе черезъ то, что какъ будто онъ же надо мною своимъ спокойствіемъ нѣкотораго верха бралъ: я надрываюсь, задираю, гавкаю на него, какъ шапка на слона, а онъ и ухомъ не хлопнетъ. Я и полѣзъ еще далѣе.

— Ну, такъ врешь же, думаю,—волкъ тебѣ ѣшь! Ты у меня повернешься; я, братъ, человѣкъ русскій, и церемониться не стану; пріятель или непріятель буду хозяину, а ужъ я тебя жигану. И жиганулъ: все, что зналъ о немъ лично, все въ нехитромъ иносказаніи и пустилъ.

— Мы, говорю,—честные русскіе люди, которыхъ никто не смѣетъ воровствомъ укорить, мы израненные, искалѣченные послѣ войны еще и мѣста себѣ нигдѣ добиться не можемъ, намъ и женъ прокормить не на что, а этимъ прито-

канальямъ, какъ они по части хантусъ гевезень отличатся, все такъ и садить: и въ мирное время имъ есть мѣсто на службѣ и даже есть мѣсто въ обществѣ, и жены у нихъ въ шелку да въ бархатѣ, а фаворитки еще того авантюжище...

Шумѣлъ я, шумѣлъ, болталъ, болталъ и уморился... Уже у меня и словъ, и голосу стало недоставать, а онъ все-таки ничего. Просто весь преферансъ на его сторонѣ: даже Евграфъ Ивановичъ это замѣтилъ и начинаетъ надо мной подтрунивать.

— А что-о-о? шепчетъ, — что-о-о вы, ба-ба-ба-тенька, своимъ безстыдствомъ взяли?

— Что, отвѣчаю, — вы еще тутъ со своимъ «ба-ба-ба-тенька», — уже сидите лучше смирно.

А самъ, знаете, откровенно сказать, дѣйствительно чувствую себя сконфуженнымъ. Но все это были-съ еще цвѣточки, а ягодки ждали меня впереди.

Игра передъ ужиномъ кончилась и за столомъ стали разсчитываться; провіантщикъ былъ въ огромнѣйшемъ выигрышѣ и вытащилъ изъ кармана престрашенный толстый бумажникъ, полнешенекъ сотенными, и еще къ нимъ приложилъ десятка два выигрышныхъ, и все это опять съ тѣмъ же невозмутимымъ, но возмутительнымъ спокойствіемъ въ карманъ спрятать.

Ну, тутъ и всѣ встали и начали похаживать. Въ это время подходитъ къ нашему столу хозяинъ и говорить:

— А вы что, госнода, все, кажется, бездѣльничали да злословили?

— А вамъ, говорю, — развѣ слышно было?

— Ну, еще бы, говорить, — не слышно: ваша милость точно на кораблѣ оралъ.

— Ну, вы, прошу, Степанъ Александровичъ, пожалуйте, меня простите.

— Что же вамъ прощать; Богъ васъ проститъ.

— Не выдержалъ, говорю, — не стерпѣлъ.

— Да вѣдь развѣ утерпѣшь?

— Увидать, говорю, — все внутри и задвигалось, и хоти чувствовалъ, что противъ васъ неловко поступаю...

— А противъ меня-то что же вы такое сдѣлали?

— Да вѣдь онъ вашъ гость...

— Ахъ, это-то... Ну, батюшка, что мнѣ до этого; мало ли кто ко мнѣ ходитъ: учрежденъ ковчегъ, и лѣзетъ всякой твари по парѣ, а нечистыхъ паръ и по семи. Да и притомъ этотъ Анемнодистъ Петровичъ человѣкъ очень умный, онъ на такіе пустяки не обидится.

— Не обидится?—спрашиваю съ удивленіемъ.

— Конечно, не обидится.

— Значитъ, онъ мѣдный лобъ?

— Ну, вотъ ужъ и мѣдный лобъ! Напротивъ, онъ чело-
вѣкъ довольно чувствительный; но умень и имѣетъ очень
широкій взглядъ на вещи; а, къ тому же, ему это, небось,
вѣдь и не первоучина: онъ, можетъ-быть, и битъ бывалъ;
а что ругать, такъ ихъ брата теперь вездѣ ругаютъ.

— А они всюду ходятъ?

— Да отчего же не ходить, если пускаютъ и еще зо-
вуть?

Меня зло взяло уже на самого хозяина.

— Вотъ то-то у насъ, говорю, ваше превосходительство,
и худо, что у насъ дрянныхъ людей вездѣ ругаютъ и всюду
принимаютъ. Это еще Грибоѣдовъ замѣтилъ, да и до сихъ
поръ это все такъ продолжается.

— Да и впередъ продолжаться будетъ, потому что иначе
и не можетъ быть.

— Полноте, говорю я съ неподдѣльной грустью,—отчего
же это, напримѣръ, въ Англій... (которою все мы тогда
бредили подъ влияніемъ катковскаго «Русскаго Вѣстника»).

Но чуть я только упомянулъ объ Англій, Степанъ Але-
ксандровичъ окинулъ меня своимъ тяжелымъ взглядомъ и
перебилъ:

— Что это вы катковскаго туману намъ напустить хо-
тите? Англія намъ не примѣръ.

— Отчего, развѣ тамъ ангелы живутъ, а не люди?

— Люди-то тоже люди, да у нихъ другіе порядки.

— Я, говорю,—политики не касаюсь.

— И я не касаюсь: мы вѣдь, слава Богу, русскіе
дворяне, а не англискіе лорды, чтобы намъ обременять свои
благородныя головы политикою! А что въ Англій можетъ
быть честныхъ или по крайней мѣрѣ порядочныхъ людей
побольше, чѣмъ у насъ, такъ это ваша правда. Тутъ и

удивляться нечего. Тамъ честнымъ человѣкомъ быть выгодно, а подлецомъ невыгодно.—ну, вотъ они тамъ при такихъ порядкахъ и развелись. Тамъ вѣдь еще малое дитя восхитываютъ, говорятъ ему: «будь джентльменъ» и толкуютъ ему, что это такое значитъ; а у насъ твердятъ: «отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ». Ну, дитя смыслено: оно и смекаетъ, что ему дѣлать. Вотъ оно такъ и идетъ. Надо все это представлять себѣ благо-разумно, съ точки зрѣнія выгоды, а не по-вашему, какъ у васъ тамъ на морѣ,—все идеальничаютъ. Зато вы никуда и негодны.

— Это, говорю, --почему мы никуда негодны?

— Да, такъ, негодны: не къ масти, да и баста: подпка я сунься куда-нибудь, напримѣръ, васъ на службу теперь рекомендовать съ такой рѣчью: «что вотъ, молъ, черноморскій офицеръ и честнѣйшій человѣкъ: ни самъ не своруетъ, ни другому не дастъ своровать, а за правду шумъ и крикъ подниметь». — я и васъ не опредѣлю, да и себя скомпрометирую: меня за васъ дуракомъ назовутъ. Скажутъ: «хорошъ вашъ молодецъ, да намъ такого ненадобѣ, намъ похуже надобѣ»,—и я за васъ никуда просить и не пойду, а вотъ за него-то, за этого барина (хозяинъ кивнулъ на стоящаго у закуски провіантщика), за него я куда вамъ угодно пользу. потому что при нашихъ порядкахъ это люди ходкіе и всякій за нихъ можетъ быть увѣренъ въ успѣхѣ.

— Что же это развѣ, говорю,—такъ и должно быть?

— А разумѣется, такъ должно быть, потому что оный человѣкъ очень ловкій и на все податливый, а это всякому интересно и всякій смекаетъ, на что оный ему можетъ пригодиться: а вы на что кому нужны? Вы съ правдою-то съ своею со всеми перессоритесь, а потому вашего брата только и остается, что съ берега опять за хвостъ, да назадъ на корабль перекинуть, чтобы вы тутъ на сушѣ не пьлились.

— Замѣйте это себѣ, господа,—подчеркнулъ Порфирій Пикетичъ, — вѣдь это я вамъ не вру, не сочиненіе для забавы вашей сочиняю, а передаю вамъ слова человѣка историческаго, который непременно должны имѣть свое историческое значеніе, хотя если не въ учебной исторіи,

то, по крайней мѣрѣ, въ устныхъ преданіяхъ нашей морской семьи. Такъ, господа, смотрѣли тогда на насъ, какъ на людей вокругъ себя чистыхъ и... этакъ, знаете, всесовершенно чистыхъ... Ну, да все это въ скобкахъ; а я обращаюсь опять къ своей исторіи на закуску у Хрулева.

— Такъ-то, благодѣтель мой,—похлопавъ меня по плечу, дружески заключилъ Степанъ Александровичъ,—вѣкъ идеаловъ прошелъ. Нынче даже кто и совсѣмъ по-латыни не знаетъ и тотъ говоритъ *sum suique*,—пойдемте-ка лучше закусывать, а то вотъ на этотъ счетъ Анемподистъ Петровичъ ужъ настоящая свинья: онъ, пожалуй, одинъ всю семгу слопасть, а семушка хорошая: я самъ у Смурова на Морской съ пробы взялъ. Кстати я васъ съ нимъ тутъ у закуски и познакомлю.

— Съ кѣмъ это?

— Съ Анемподистомъ Петровичемъ.

— Нѣтъ, покорно васъ благодарю-сь.

— Что же? Неужели не желаете?

— Отнюдь не желаю.

— Жаль: большого ума человѣкъ, почти, можно сказать, государственнаго и, въ то же время, знаете, чисто русскій человѣкъ: далеко вглубь видить и далеко поидеть.

— Ну, Богъ съ нимъ.

— Да, разумѣется, а только человѣкъ пріятный и поучительный.

— Еще чего, думаю, — въ немъ отыскалъ: даже и поучительности! Тьфу!

Мы подошли къ закусочному столу и вмѣшались въ толпу, въ которой ораторствовалъ учительный Анемподистъ Петровичъ. Онъ занималъ центръ. Я сталъ прислушиваться, что такое вѣщаетъ этотъ «учитель».

Онъ, однако, сначала все говорилъ просто насчетъ семги: но, дѣйствительно, говорилъ очень основательно и съ большимъ знаніемъ предмета. Мнѣ все это казалось свойствомъ, которое каждому порядочному человѣку можетъ внушить омерзѣніе.

Онъ и сосалъ, и чмокалъ, и языкомъ по нѣбу сластилъ, и губами причавкивалъ, и все это, чтобы тоньше развѣдать и вѣрнѣе одѣнить эту семгу. Смакуетъ ее, а самъ сквозь зубы, какъ гоголевскій Пѣтухъ, рассказываетъ:

— М... п... н... да... недурна... очень недурна, можно даже сказать хороша...

Кто-то замѣчаетъ:

— Даже очень хороша.

— М... н... да... пожалуй... м... н... ничего... мягкотѣла...

— Просто что твое масло.

— М... да... масляниста...

— Ишь вы какъ скупо хвалите-то.—замѣчаетъ опять какой-то полковникъ со шрамомъ черезъ весь лобъ и переносье,—а намъ послѣ крымской гнили-то все хорошо кажется.—тамъ вѣдь ничего этого нельзя было достать.

— М... н... ну... отчего же... нѣтъ, мы и тамъ м... н... тоже получали...

— Зато, я думаю, какую цѣною!

— М... н... да, разумѣется... обходилось... но въ довольно-номъ количествѣ... доставали для себя... Черезъ Кіевъ... отъ купца Покровскаго выписывали... хорошая была семга, такъ и называли «провіантская»... Свѣтлѣйшему къ столу... м... н... тоже онъ доставлялъ... Покровскій... Только та, разумѣется, была похуже, потому что ему эту цѣну не смѣли ставить, ну, а наши... ничего платили.

Полковникъ со шрамомъ даже вздохнулъ.

— У васъ денегъ много было, говорить, — и вы не знали, куда ихъ дѣвать.

— Да, нине, точно, терялись отъ непривычки... м... н... одинъ, я помню, у насъ... ми... слыхалъ про «штофные карманы» и велѣлъ портному, чтобы тотъ ему штофные карманы поставилъ, и вышла глупость... портной ему изъ штофной матеріи и сдѣлалъ... Очень смѣялись.

— А это въ чемъ же дѣло было?

— Чтобы объемомъ штофъ вмѣщался... м... н... потому у насъ... м... н... бумажники были... м... такіе большіе...

— Ахъ ты, думаю, рожа этакая богопротивная! И еще этакъ безсовѣстно обо всемъ рассказываетъ.

А онъ продолжаетъ про какого-то ихняго же провіантника, или комиссарщика, который въ эту ужасную пору, среди всеобщихъ страданій и военной нужды, еще хуже потерялся. — «вдругъ, говоритъ, совсѣмъ со вкуса сбился, чертъ знаетъ, что лопать началъ».

— Ахъ, думаю, отлично. Всѣмъ бы вамъ этакъ сбиться и «чортъ знаетъ, что лопать»; но это «чортъ знаетъ, что» вышло совсѣмъ неожиданное.

— Всегда квасъ, говоритъ, — любилъ и одинъ квасъ и употреблять. Изъ послѣдовательныхъ людей былъ — семинарскаго воспитанія... Его отецъ былъ протопопъ и извѣстный проповѣдникъ, и такой завѣтъ ему завѣщалъ, что если есть средства на вино, то пить пиво, есть на пиво — пить квасъ, а есть на квасъ — пить воду. Онъ все и пилъ квасъ, и другого не хотѣлъ, но только во время военныхъ дѣйствій сталъ шампанское въ свой квасъ лить...

— Какъ же это?

— Такъ... м... н... Пополамъ тростиль: полстакана квасу нальетъ и полстакана шампанскаго... вмѣстѣ смѣшаетъ и пьетъ.

— Экая свинья! — прошепталъ я, но такъ неосторожно, что Анемподистъ Петровичъ это услышалъ и, взглянувъ въ мою сторону, отозвался:

— Да, ничего себѣ, хамламе порядочный; но, однако, я вамъ долженъ сказать, что шампанское съ квасомъ это совсѣмъ не такъ дурно, какъ вы думаете... У насъ это, у провіантскихъ, въ военное время даже въ моду... вошло... М... н... очень многіе изъ нашихъ даже до сихъ поръ продолжаютъ... привыкли... Иностранцы не могутъ... пробовали ихъ для шутки пить, такъ они... того... выплевывали... не могутъ.

Я хоть не иностранецъ, но плюнулъ и хотѣлъ отойти, но въ эту самую минуту этотъ превосходный Анемподистъ Петровичъ вдругъ самымъ непосредственнымъ образомъ оборотился ко мнѣ и говоритъ:

А вотъ, извините меня, сдѣлайте милость, я вамъ тоже, если позволите, хотѣлъ сдѣлать маленькое возраженіе насчетъ русской природы.

Не знаю ужъ, право, съ чего, но я, вмѣсто того, чтобы ему оторвать какую-нибудь грубость, отвѣтилъ:

— Сдѣлайте милость, скажите.

— Я, говоритъ, — вкратцѣ — всего только два слова скажу: вы о русскихъ очень неправо и обидно судите.

Я такъ и подскочилъ на мѣстѣ.

— Какъ! Я обидно сужу?

— Да. Я, вотъ, въ карты игралъ, а урывками долго слушалъ, о чемъ вы изволили разсуждать съ товарищами, и мнѣ за всѣхъ своихъ соотечественниковъ очень стало обидно. Повѣрьте, напрасно вы этакъ русскихъ унижаете.

— Кто? Я, говорю,—унижаю?

— А, разумѣется, унижаете: какъ же вы... я долго слушалъ... изволите дѣлать русскихъ людей на двѣ половины: одни, будто, все честные люди и герои, а другіе все воры и мошенники.

— А—а... такъ вотъ что, говорю,—вамъ обидно!

— Нѣтъ-съ, мнѣ за самого себя ровно ничего не обидно, потому что у меня есть свое отцовское, дворянское наставленіе, чтобы ничего неприятнаго никогда на свой счетъ не принимать; а мнѣ за другихъ, за всѣхъ русскихъ людей эта несправедливость обидна. Наши русскіе люди, мнѣ кажется, всѣ *безъ исключенія* ко всякимъ добродѣтелямъ способны. Вы изволите говорить, что когда вы, т. е. вообще строевые воины, свою кровь въ крымскую грязь проливали, такъ мы, провіантчики, въ это время крали да грабили,—это справедливо.

— Да,—отвѣчаю съ задоромъ,—я утверждаю, что это справедливо; и теперь, когда вы объ этомъ подломъ квасѣ съ шампанскимъ разсказали, такъ я еще болѣе убѣждаюсь, какъ я правъ былъ въ томъ, что сказалъ.

— Ну, мы про квасъ съ шампанскимъ оставимъ,—это дѣло вкуса, какъ кому нравится. Король Фридрихъ асафетиду въ кушаньяхъ употреблялъ, но я въ томъ еще большой подлости не вижу. А вотъ насчетъ вашего раздѣла нашихъ русскихъ людей на двѣ такія несходности я не согласенъ. По-моему, знаете, такъ цѣлую половину націи обижать не слѣдуетъ: всѣ мы отъ одного ребра и однимъ муромъ мазаны.

— Ну, это, говорю,—вы извините: мы хоть и всѣ однимъ муромъ мазаны, да не всѣ воры.

Онъ будто немножко не разслышалъ и переспрашиваетъ:

— Что такое?

А я ему твердо въ упоръ повторяю:

— Мы не воры.

— Я это знаю-съ. Гдѣ же вамъ воровать? Вамъ и на-

учиться красть-то до сихъ поръ было невозможно. У васъ еще покойный Лазаревъ честность завелъ, ну она покуда и держится; а что впереди—про то Богъ вѣсть...

— Нѣтъ, это всегда такъ будетъ!

— Почему?

— Потому, что у насъ служатъ честные люди.

— Честные люди! Но я это и не оспариваю. Очень честные, только нельзя же такъ утверждать, что будто одни ваши честны, а другіе безчестны. Пустяки! Я за нихъ заступаюсь!.. *Я за всѣхъ русскихъ стою!*.. Да-съ! Повѣрьте, что не вы одни можете только голодать, сражаться и геройски умирать; а мы будто какъ отъ купели крещенія только воровать и способны. Пустяки-съ! Несправедливо-съ! Всѣ люди русскіе и всѣ на долю свою имѣемъ отъ своей богатой природы на все сообразную способность. Мы русскіе какъ кошки: куда насъ ни брось — вездѣ мордой въ грязь не ударимся, а прямо на лапки станемъ; гдѣ что умѣстно, такъ себя тамъ и покажемъ: умирать — такъ умирать, а красть—такъ красть. Васъ поставили къ тому, чтобы сражаться, и вы это исполнили въ лучшемъ видѣ—вы сражались и умирали героями, и на всю Европу отличились; а мы были при такомъ дѣлѣ, гдѣ можно было красть, и мы тоже отличились и такъ крали, что тоже далеко извѣстны. А если бы вышло, напримѣръ, такое повелѣніе. чтобы всѣхъ насъ переставить одного на мѣсто другого, насъ, напримѣръ, въ траншеи, а васъ къ поставкамъ, то мы бы, воры, сражались и умирали, а вы бы... крали...

Такъ и выналилъ!

Я было совсѣмъ приготовился ему отрѣзать:

— Какой вы скотина!

Но всѣ пришли въ ужасный восторгъ отъ его откровенности и закричали:

— Bravo, bravo, Анемнидистъ Петровичъ! Безстыдно, но хорошо сказано, — и пошли веселымъ смѣхомъ заливаться, точно не вѣсть какую радость онъ имъ на ихъ счетъ открылъ; даже Евграфъ Ивановичъ и тотъ пустилъ:

— Пра-пра-пра-вда!

А тотъ, мѣдный лобъ, набилъ наново ротъ сѣмгой, и еще началъ мнѣ читать правоученіе.

— Разумѣется, говорить, — если вы раньше всѣ несо-

образности высказали только по своей неопытности, такъ Богъ вамъ это простить, но впередъ этакъ съ людьми своей націи не поступайте; зачѣмъ однихъ хвалить, а другихъ порочить: мы положительно всѣ на все способны, и Господь благословить, вы еще не умрете прежде, чѣмъ сами въ этомъ убѣдитесь.

Такъ я же виноватъ и остался, и я же еще получилъ отъ этого практическаго мудреца внушеніе, да и при всеобщемъ со всѣхъ сторонъ одобреніи. Ну, понятно, я послѣ такого урока ослѣя со своей прытью и... откровенно вамъ скажу, нынче часто объ этихъ безстыжихъ рѣчахъ вспоминаю и нахожу, что безстыдникъ-то — чего добраго, — пожалуй, былъ и правъ.

Отглавленіе

XVI ТОМА.

	стр.
Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ:	
Очеркъ первый. Бояринъ Никита Юрьевичъ	3
Очеркъ второй. Боярыня Марѳа Андревна	30
Очеркъ третій. Плодомасовскіе карлики	61
Котинъ доплецъ и Платоняда	86
Тупейный художникъ. Разсказъ на могилѣ.	126
Томленіе духа. Изъ отроческихъ воспоминаній.	148
Пламенная патріотка	157
Безстыдникъ	166